

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2020. — № 3. — 176 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2020. – № 3. – 176 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: КРИТИКА АНТИРОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ФОКУСЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ананченко А. Б. ЗАЩИТИТЬ ПОБЕДУ – ЗНАЧИТ СОХРАНИТЬ НАШИ ЦЕННОСТИ СЕГОДНЯ И ПРИДАТЬ СМЫСЛ БУДУЩЕМУ	10
Багдасарян В. Э. ВОЙНЫ ПАМЯТИ КАК ВОЙНЫ ИСТОРИОСОФСКИХ МАТРИЦ: БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ	21
Фукс А. Н., Ковригин В. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОСВЕЩЕНИЮ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ	33
Липатова К. Ю. ОБРАЗ ПОБЕДИТЕЛЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	42

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФРЭНК ДЖОНСОН ГУДНАУ О ФУНКЦИИ ПОЛИТИКИ	56
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тихомиров Н. В. ДИСКУССИИ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1930-х – НАЧАЛА 1950-х гг.	67
Горлов М. И., Мезенцева Ю. И. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III В СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ	75

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Епифанова Т. В. ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИУМА В ТЕОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА V в.: АВГУСТИН О НАРОДАХ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ	83
Козьякова Н. С. ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ В АВСТРИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЖИМА Э. ДОЛЬФУСА (1933–1934 гг.)	91
Каширина Т. В. ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД РАЗРЯДКИ (1969–1974 гг.)	101
Курылев К. П., Шабловский В. С. КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ (1999–2020): ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ	112
Зверев К. А. ВОПРОС О СТАТУСЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО И ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛИТВЫ КАК ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	128

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Чудов С. И. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАПИТАЛЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 1834–1870 гг. 138

Жадан А. В. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 гг.) 150

Горлов В. Н. ГЛАВНАЯ ВЫСТАВКА СТРАНЫ – СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ 161

ПОЛИТОЛОГИЯ

Маргулис С. Б. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО

ФУНДАМЕНТАЛИЗМА. 165

CONTENTS

CRITISISM OF ANTI-RUSSIAN HISTORICAL PROPAGANDA IN THE FOCUS OF WORLD WAR II

A. Ananchenko. TO DEFEND THE VICTORY IS TO DEFEND OUR TODAY'S VALUES AND GIVE MEANING TO THE FUTURE	10
V. Bagdasaryan. WARS OF MEMORY AS A WAR OF HISTORIOSOPHICAL MATRICES: THE STRUGGLE FOR VICTORY AFTER VICTORY	21
A. Fuks, V. Kovrigin. TRANSFORMATION OF APPROACHES TO COVERAGE OF THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN AND FOREIGN SCHOOL TEXTBOOKS	33
K. Lipatova. IMAGE OF THE WINNER IN PERSONAL ARCHIVAL DOCUMENTS	42

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

FRANK JOHNSON GOODNOW ON THE FUNCTION OF POLITICS	56
---	----

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

N. Tikhomirov. HISTORIOGRAPHY OF THE LATE 1930S TO THE EARLY 1950S	68
M. Gorlov, J. Mezentseva. INTERPRETATION OF THE STATE POLICY OF THE GOVERNMENT OF ALEXANDER III IN SOVIET AND MODERN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS	75

GENERAL HISTORY

T. Epifanova. ETHNIC MEASUREMENT OF SOCIETY IN THE THEORY OF EARLY CHRISTIANITY DURING THE FIFTH CENTURY: AUGUSTINE ON PEOPLES AND THEIR RELATIONS	83
N. Kozyakova. AGGRAVATION OF THE INTERNAL POLITICAL SITUATION IN AUSTRIA FOLLOWING THE RISE OF THE DOLLFUSS REGIME (1933–1934)	91
T. Kashirina. THE PROBLEM OF THE MIDDLE EAST SETTLEMENT IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS DURING THE PERIOD OF DETENTE (1969–1974)	101
K. Kurylev, V. Shablovskiy. KOSOVO CONFLICT (1999–2020): CURRENT SITUATION AND POTENTIAL RESOLUTIONS	112
K. Zverev. QUESTIONS ABOUT THE STATUS OF THE RUSSIAN-SPEAKING AND POLISH POPULATIONS OF LITHUANIA AS PART OF STATE HISTORICAL POLICY	128

NATIVE HISTORY

S. Chudov. FOOD CAPITAL IN VOLOGDA PROVINCE, 1834–1870	138
A. Zhadan. REORGANIZATION OF DETERRENCE OF BANDITRY IN THE FAR EAST AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1942)	150
V. Gorlov. THE MAIN EXHIBITION OF THE COUNTRY IS A SYMBOL OF THE SOVIET ERA	161

POLITOLOGY

S. Margulis. DOCTRINAL FOUNDATIONS IN THE FORMATION OF ISLAMIC FUNDAMENTALISM.....	165
---	-----

ТЕМА НОМЕРА: КРИТИКА АНТИРОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ФОКУСЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

День Победы в Великой Отечественной войне – главный исторический праздник для россиян, да и для большинства населения постсоветских государств. Он всенародный не в силу официального его определения в таком качестве, а потому, что трагедия войны коснулась каждой без исключения семьи Советского Союза. Война была всенародной трагедией, но она была и всенародным подвигом. И каждый год происходит всенародное поминовение павших, сопереживание поколений, родившихся уже после войны, с подвигом, совершенным предками. Но так же устойчиво каждый год предпринимаются попытки очернения этого подвига, попытки представить героев злодеями. В данной связи постановка задачи – защиты Победы, имеет принципиальное значение, как защиты самой российской цивилизации.

Историческая пропаганда существует столь же долго, сколь давно ведутся межгосударственные войны. Борьба в противостояниях между государствами и цивилизациями осуществляется издавна не только в формате столкновений вооруженных сил, но и поражения сознания противника. Ядро коллективного сознания составляет историческая память соответствующей общности. На ее основе формируется национальная и цивилизационная идентичность, осуществляется воспитание граждан в духе патриотизма, выстраивается система социализации. Поражая историческую память, против-

ник тем самым, подрывает важнейшие скрепы соответствующей государственности. Защита национальной памяти есть, таким образом, вопрос национальной безопасности. Особое значение имеет защита тех компонент прошлого, которые составляют нарратив священной истории. У каждого народа есть своя священная история, центральное место в которой занимает тема священной войны.

Священная война – это не просто война за территории, ресурсы, интересы ... Эта война ведется за базовые ценности, и противником в этой войне является носитель абсолютного зла. Для российской цивилизационной общности такой священной войной выступает Великая Отечественная война. Десакрализация священной войны означает фактически цивилизационную смерть. И не случайно, что именно Великая Отечественная война оказывается в фокусе пропагандистских атак со стороны различных противников.

Обращение к теме критики антироссийских исторических мифов в нашем случае – не просто дань моде. На факультете истории, политологии и права Московского государственного областного университета сложилась научная школа критики мифологизации и фальсификации истории. Разработана уникальная методология деконструкции исторических мифов и исторической пропаганды в целом. Дисциплина «Критика антироссийских исторических мифов» включена

в учебный процесс, реализуется соответствующий просветительский лекторий.

Сегодня столкновение интерпретаций истории Второй мировой войны достигло своего апогея. В сентябре 2019 г. Европейский парламент принял большинством голосов резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой СССР изображался едва ли не более ответственной стороной в развязывании Второй мировой войны, чем нацистская Германия, а советский режим изображался подобным нацистскому. Вызов был столь серьезный и столь беспрецедентный, что с развернутым историческим ответом на него выступил Президент Российской Федерации. Помимо конкретного разбора им предвоенного кризиса, важна была в этом выступлении следующая констатация: «И в прошлом, и сейчас пугают Россией. И царской, и советской, и современной – ничего не меняется. Не важно, какая она, – смысл сохраняется.

Не нужно здесь путать и идеологические термины – «большевистская», «русская», какая угодно, наша общая бывшая родина Советский Союз»¹. Негативизация образа России оказывается, таким образом, исторически воспроизводима. Это значит, что существует некая когнитивная матрица, на основании которой и строится соответствующее восприятие. На уровне этих когнитивных матриц и необходимо вести борьбу, осуществлять их деконструкцию. Исторический факт – важная и необходимая вещь в борьбе с фальсификаторами истории, но недостаточная. Нужна не просто история, как поток исторических фактов, а историософия, акцентированная на развертке через прошлое ценностей и смыслов. Нужна историософия Второй мировой и Великой Отечественной войн. Первая операционная задача на этом пути – деконструкция антироссийских когнитивных матриц, решалась в представленных ниже исследовательских материалах.

¹ Российская газета. 2019. 23 дек.

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-10-20

ЗАЩИТИТЬ ПОБЕДУ – ЗНАЧИТ СОХРАНИТЬ НАШИ ЦЕННОСТИ СЕГОДНЯ И ПРИДАТЬ СМЫСЛ БУДУЩЕМУ

Ананченко А. Б.*Московский педагогический государственный университет**119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Исследовать Победу в Великой Отечественной войне как комплексную историческую, аксиологическую, нравственную и духовную проблему национального исторического самосознания.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляет анализ Победы не только как научной проблемы изучения событий и процессов Великой Отечественной войны, но и как мировоззренческой задачи формирования позитивного и адекватного современного национального сознания Российской Федерации и российской цивилизации. Автором поставлена проблема соотношения гносеологии и аксиологии в историческом исследовании.

Результаты исследования. Сделан вывод, что защитить Победу – это означает дать сопоставимый по духовной высоте образ Будущего.

Теоретическая/практическая значимость. Исследование позволяет дополнить историческое понимание Победы как комплексную аксиологическую проблему современного общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческое сознание, педагогика памяти, историческая память

TO DEFEND THE VICTORY IS TO DEFEND OUR TODAY'S VALUES AND GIVE MEANING TO THE FUTURE

A. Ananchenko*Moscow Pedagogical State University**1/1 M. Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article considers the Russian victory in the Great Patriotic War as a complex historical, axiological, moral and spiritual problem of the national historical consciousness.

Methodology and Approach. The analysis primarily examines victory not only as a historical problem grounded in studying the events and processes of the Great Patriotic War, but also as a worldview problem with contemporary relevance: how does the victory relate to formation of a positive and adequate modern national consciousness of the Russian Federation and Russian civilization? The author raises the problem of correlating epistemology and axiology in historical research.

Results. Based on the review, the author concludes that to protect the victory means projecting a comparable image of the future in terms of spiritual aspiration.

Theoretical/ Practical Implications. This research allows us to supplement the historical understanding of victory by considering it as a complex axiological problem of modern society.

Keywords: victory; Great Patriotic War; historical consciousness; formation and education of historical consciousness; pedagogy of memory; positive historical memory

Введение

Когда-то в нашей стране была хорошая традиция – использовать праздники и юбилеи для того, чтобы говорить о главном, важном, сделанном, встречать праздники трудовыми свершениями. Мы с вами как профессиональные историки можем не доказывать друг другу важность Победы в Великой Отечественной войне для СССР, сегодняшней России или для каждого из нас.

Вряд ли нам сегодня необходимо повторение «победных» докладов не нашей эпохи, из прошлого. Тогда существовала естественная историческая память и большое количество участников и свидетелей этих исторических событий во всех европейских странах. Поэтому научные исследования и доклады только дополняли и углубляли представления о Второй мировой войне и помогали выправлять возникавшие иногда отклонения от исторической правды, бороться с отдельными фальсификациями.

В 2020 г. для нас – это не только память о нашей Победе, наша правда в истории; это еще в области исторического национального сознания – оборона и подготовка «контрнаступления» по всему фронту общественного исторического самосознания¹.

Память о Победе – это наша площадка для сохранения памяти, правды и исторического сознания. Мало специальных исторических исследований, – это только небольшая база, а большей частью сегодня историческое сознание формируется иначе и другими средствами.

Очень хорошо, что мы защищаем правду Великой Отечественной войны, это очень важно и нужно. Однако защитить нашу память и наши ценности только этим, конечно, нельзя. Это так же,

как обороной Брестской крепости или обороной Москвы войну не выиграешь. Мы делаем нужное дело, но оно требует расширения, а не только обороны. Необходимо, чтобы у нас появились ценности и смыслы правды нашей Победы, осознаваемые сегодня, которые мы отстаиваем и защищаем как образ смыслов нашего Будущего.

Несколько лет назад один из сторонников России в Европе спросил: а зачем вы все, что у вас есть позитивного, хорошего, связали с войной? Зачем память о Великой Отечественной войне вы сделали квазиидеологией? Она и идеологию не заменит, и очень долго не продержится. У вас нет сопоставимых с Западом ресурсов, чтобы сколь-нибудь долго удержаться на памяти о войне. А после ее разрушения вы окажетесь ни с чем.

В прошлом году была принята резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы»². Эта резолюция стала еще одним стратегическим шагом в идеологической и исторической войне против России, искажении истории Второй мировой войны, целей, ценностей и смыслов ее участников. Резолюция ЕС сделала очередной шаг для уравнивания нацизма Германии и фашизма Европы, с их человеконенавистническими звериными ценностями, с гуманистической идеологией Советского Союза и духовной высотой нашей Победы.

В декабре 2019 г. на заседании Российского организационного комитета «Победа» по вопросам подготовки к проведению *Года памяти и славы, сохранения памяти и предотвращения фальсификации истории о Великой Отечественной войне* выступил президент Российской Федерации В. В. Путин, который выразил озабоченность оценками, дающимися Ев-

¹ Необходимость активной защиты российского национального исторического самосознания понимается в российской науке уже достаточно давно. Приведу в качестве примера интересный опыт осмысления этих проблем Александром Сергеевичем Панариным: [6].

² European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html?redirect (дата обращения: 17.04.2020).

ропарламентом участием СССР во Второй мировой войне:

«Вы знаете наверняка, что недавняя резолюция Европейского парламента поставила фактически на одну доску и нацистских агрессоров, и Советский Союз. Чуть ли не обвиняют СССР наряду с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны. Как будто забыли, кто напал на Польшу 1 сентября 1939 года и на Советский Союз 22 июня в 1941-м»¹. (Здесь и далее выделено и подчеркнуто мной. – А. А.)

Вот и оказалось, что к 75-летнему юбилею Победа у нас в России – это *научная, идеологическая, политическая, аксиологическая проблема*. Именно поэтому мы рассматриваем в нашем исследовании Победу не только как *научную проблему* изучения процессов Великой Отечественной войны, но и как *мировоззренческую задачу* формирования позитивного и адекватного современного национального сознания Российской Федерации и российской цивилизации.

Педагогика памяти – воспитание исторического сознания

Воспитание исторического сознания требует множества профессиональных усилий и средств, организации. Идущая сейчас деисторизация общественного сознания в мире – это то же самое, что вставить *палку в колеса*, воздействуя так на любое движение. Или есть еще одно выражение у нас для выражения сути таких процессов: *ломать – не строить!* Разрушать, уничтожать – это очень просто, а чтобы добиться противоположного результата, формирования сложной культуры, т.е. сохранения и развития осознанного духовного и нравственного опыта прошлых эпох, требуются совсем другие усилия и ресурсы, другой уровень

культуры и нравственности, социальной ответственности.

У нас в МПГУ уже вышло несколько книг по результатам исследований фальсификаций Второй мировой и Великой Отечественной войны, преподавании военной истории в России и за рубежом. Они стали результатом нашей совместной работы с Российским военно-историческим обществом. Юрий Александрович Никифоров, который представил на этой конференции свой доклад о результатах международного военного трибунала в Нюрнберге как основы интерпретаций Второй мировой войны, – один из организаторов этой непростой совместной работы историков [5; 8; 9].

Проблема в том, что в *пост-историческое время*, которое трактуется не только с точки зрения невозможности старого типа описания происшедшего, но и с точки зрения отсутствия или постепенного исчезновения единого национального исторического сознания, фальсификации будут и становятся у нас на глазах не просто отдельными искажениями подлинной истории. Сегодня фальсификации превращаются в обычную форму хаотизированного исторического сознания. Мифологизированные «исторической детализацией» фальсификации – это норма существования пост-исторических национальных сознаний современности.

Гносеологическое отступление про «голубя» в историческом прошлом

В современной науке стали использоваться абстрактные образы конкретных существ для объяснения каких-то важных и неявных соотношений, закономерностей в нашем мире. Например, вспомним «черного лебедя» для обозначения редких и неожиданных событий со значительными последствиями [12]. А в историческую науку к нам может «прилететь» голубь, который будет обозначать всего лишь *отличие любого описания прошлого от состава подлинной истории*

¹ «Заседание Российского организационного комитета Победа»: 11 декабря 2019 года. Москва. Кремль. Стенографический отчет. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62293> (дата обращения: 05.04.2020).

ческой реальности. А «голубь» – это всего лишь дельта между ними, причем существенна она или нет – отдельный набор исследовательских проблем. «Голубь» может оказаться как существенно действующим явлением в событии, пусть даже символически, так и всего лишь естественным элементом природных условий протекания исторических процессов.

«Черный лебедь» – символ того, что не может быть и вдруг оказывается, изменяя вокруг события и мир. А «голубь» – это символ того, что всегда присутствует в исторических событиях и, как правило, не рассматривается, воспринимаясь как несущественное, ненужное, второстепенное, как условие, но может включаться в историческую картину прошлого, сознательно изменяя ее сущность, создавая ее новый образ, создавая фейк (фальсифицированную), постисторию нашего прошлого, меняя этим настоящее и будущее. «Голубь» – это банальность в нашей истории, которой можно «без ключей», как ломом, взломать и поломать картину любого прошлого.

«Голубь» несет в себе сразу несколько обыденных образов, которые и делают его удобным символом технологий фальсификаций истории: это птица, олицетворяющая незаметную обыденность нашей жизни; не угрожающее условие нашей жизни; один из позитивных образов нашего существования в мире.

Разрушение классического исторического знания можно продемонстрировать появлением в любой абстрактной, пусть даже полученной *только* из архивных источников, картине прошлого конкретного «голубя» подлинной истории. Хотя в традиционном историческом сознании они, как раз наоборот, представляют абстрактное и конкретное: исследование на основе архивных данных – конкретное, а дополнивший его «голубь» – только абстрактное. В другой интерпретации воссозданная на архивных фактах конкретно-историческая картина прошлого всегда будет односторонней, абстрактной,

поскольку чаще всего даже не сможет ответить на вопрос о том, какая часть исторической реальности отражена в таком исследовании, хотя часто и пытается. Что это такое? Дело в том, что конечное прошлое для исследователя всегда представляет собой принципиально неполную картину, уходящую в бесконечность. Поэтому появилось новое – и стихийное, бессознательное, и профессиональное – увлечение разрушением созданных «картин» и объяснений (концепций, теорий) прошлого.

Все время находятся и могут находиться новые подлинные или интерпретированные факты, явления, взаимосвязи, которые принципиально разрушают завершенность наших образов прошлого, превращают историю в калейдоскоп, который постоянно меняет образ и состав в зависимости от нашего взгляда. В любой идеальной (воспроизводящей реальность) картине прошлого всегда можно найти «голубя», которого упускали и не видели другие авторы. И не только найти такого «голубя», но и дать через него другую взаимосвязь, другое объяснение. Возможности такого «голубя», «гвоздя» или «лома» как дополнительного фактора разрушения любых объяснений истории хорошо видны в детском стихотворении Самуила Маршака «Гвоздь и подкова»¹.

«Голубь» обыденного прошлого в исторических знаниях как фальсификациях разрушает системные, последовательные и взаимосвязанные классические образы человеческой истории.

Любую картину прошлого можно исказить, пустив туда «голубей», которые в реальной истории обязательно были.

Завершение гносеологического отступления

Такая принципиальная многозначность прошлого лишает объяснения настоящее и вопрошания – Будущее, сводя жизнедеятельность и осмысленность

¹ Маршак С. Гвоздь и подкова. – URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=4382> (дата обращения: 10.04.2020).

человека до удовлетворения имеющихся сейчас потребностей, к внеисторическому сознанию.

Здесь возникает в том числе и вопрос, какие информационные технологии использовать для создания образов подлинной истории у людей, которые живут в измененном информационном поле?

Фальсификации истории осуществляются на уровне профессионалов. А на уровне общественного сознания, где нет больше единого поля памяти о прошлом вообще и о Второй мировой войне в частности? Как быть здесь?

Если, например, в Германии существуют совершенно разные представления среди людей о Второй мировой войне, о Германии и о роли СССР? Можно ли бороться с фальсификациями на уровне общественного сознания ФРГ, где нередко встречается точка зрения, что СССР воевал вместе с Германией против США? А почему она встречается? Ведь СССР представлял принципиально другое мировоззрение, нравственные ценности и смыслы индивидуальной и общественной жизни. И понимание иной культуры, ценностей, нравственности Советского Союза – результат не только научных исследований, но и понимания важнейших для человечества вопросов содержания ценностей, убеждений и принципов. А именно это сегодня в Европе активно разрушается, и резолюция ЕС, уравнивающая нацизм и советизм, – яркий пример сознательного размывания различия добра и зла в Европе.

Известный американский политик, дипломат и ученый Генри Киссинджер считает, что сегодня не так много стран и народов сохранили историческое сознание. В США, например, его больше нет, а проблема, по его мнению, в том, что «политика делается людьми «вне истории»: *«В школах сейчас мы больше не преподаем историю как последовательность событий, ее рассказывают по темам, без контекста»...*¹.

¹ Генри Киссинджер: Чужие интересы превратили украинский кризис в трагедию // RT на рус-

Необходимость формирования позитивной исторической памяти, основанной на памяти о нашей Победе, на духовном значении этого и других исторических фактов героической истории нашего Отечества для формирования содержания «ядра личности» гражданина России, его ценностей убеждений, принципов, осознать все больше наших педагогов, которые стараются осознать, понять, с чем мы столкнулись, и попробовать наметить цели и модели дальнейшего движения в истории, содержания воспитания молодежи [7].

Как в историю к нам прилетает «голубь» и она превращается совсем в другое, трансформируется в ложную историю, можно проследить на примере представления музея концентрационного лагеря Заксенхаузен в Германии на одном из наших туристических интернет-ресурсов «Все секреты бюджетных путешествий от Галины Субботиной и Аллы Сутягиной» – *traveltu.ru*². Уже в названии материала на этом сайте – *«Концлагерь Заксенхаузен и пересыльная тюрьма НКВД»*, так же, как и в самом тексте, содержится фальшивый образ одинаковости, сопоставимости фашистского концлагеря и пересыльной тюрьмы НКВД, уравнивания фашистской Германии и СССР. Материал на сайте – показатель, как резолюции ЕС превращаются потом в ложь в жизни, в истории, в понимании и оценках, а потом – в действиях и политике становятся одним из элементов формируемой идеологии нового мирового порядка.

На территории самого бывшего концлагеря Заксенхаузен в развитии музея используется сегодня масса «фенечек» для того, чтобы тоже сначала уравнивать фашистскую Германию и СССР, а потом

ском. 19.08.2015. – URL: <https://russian.rt.com/article/110076> (дата обращения: 15.03.2020).

² Концлагерь Заксенхаузен и пересыльная тюрьма НКВД. – URL: <https://traveltu.ru/germany/muzei-germanii/kontslager-zaksenhauzen.html?unapproved=31173&moderation-hash=1ed703975a034081fbfd064ceea7178d#comment-31173> (дата обращения: 17.04.2020).

постепенно перенести акцент с одного на другое. Формируются как две равные музейные зоны нацистского концлагеря и лагеря НКВД. В нацистской части постепенно сглаживается ужас звериного человеконенавистничества, а советская часть постепенно этим уравнивается с нацистской.

А в чем проблема, если кратко сформулировать принципиальную разницу нацистского концлагеря и тюрьмы НКВД? Только в том, что у НКВД была обычная, известная нам из длительной истории человеческих государств, тюрьма (как бы мы ни относились к тюрьмам). А нацистский лагерь Заксенхаузен – это промышленная фабрика смерти, уничтожения людей, чего не существовало до этого в истории. Нацистский концлагерь – это промышленное, крупное, планомерное, массовое уничтожение людей. Кроме того, что это фабрика, здесь выковывалось среди нацистов достаточно эффективно и новое живое существо – Зверь, – которое было лишено нравственности, человечности и способно на любые человеконенавистнические безжалостные поступки.

Какими же могут быть сегодня направления наших действий в этих условиях?

Нам может пригодиться опыт изучения православия, других религиозных течений, мировоззрений в противостоянии иному учению, образу жизни, в отстаивании духовных ценностей и смыслов своей жизни [1]. Опыт сохранения главного в культуре и жизни волнует как науку, так и любые другие сознательные формы человеческой жизнедеятельности. Ярким примером понимания базового значения традиции для сохранения нравственности, человека, общества стали исследования австралийского ученого Конрада Лоренца о механизмах и содержании формирования социальной культуры:

«...при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что величайшая консервативность в сохранении

*однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, осуществляющего в развитии культуры ту же функцию, какую геном выполняет в изменении вида. **Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее нового приобретения** ...» [4, с. 53].*

Лоренц сделал очень важный вывод как для науки, так и для развития человеческих сообществ. Получается, что разрушение традиционной культуры приводит не к современности, а практически к тем же результатам, что и нацистские концлагеря, где разрушались именно эти духовные элементы человеческой личности для безжалостности отношений. Эти выводы подтверждают общенаучный вывод о прогрессивном развитии как «надстройке» над результатами предшествующего развития, которая не отрицает, а включает в себя как составную часть результаты предшествующей истории, развития.

Большое практическое значение имеет опыт идеологического противостояния периода Великой Отечественной войны, «холодной войны» и периода пост-холодной войны [2; 10; 13].

Борьба за память о нашей Победе, о различии фашизма-нацизма и советского общества не может идти только на поле науки, взаимодействия историков. Не историки сегодня определяют в мире содержание исторических национальных сознаний или само их наличие. Собственно, речь идет о том, что сохранить память о Победе – это значит сохранить нам себя, а возможно это вместе с формированием государственной политики – как внутри страны, так и вовне, – воздействующей на историческую память и на сохранение настоящей правды нашей Победы.

Если мы будем просто территорией, где Вторую мировую войну оценивают иначе, чем в других местах, то мы не только не сохраним правду о Великой Отечественной войне, мы станем в мировом сознании просто синонимом отсталости, неразвитости, сектантами традиционности.

Необходимо, например, нам выбрать памятные даты, места в Европе, проводить там ежегодные массовые публичные церемонии, связанные с памятью о Великой Отечественной войне, заметные в обществе и СМИ – как события вокруг освобождения концлагерей, которые привлекают внимание к Холокосту, но могут иметь противоположную нашей цель и часто используются для замазывания роли СССР и Красной Армии или существенно искажают их роль, т. е. именно для того, что мы сегодня называем фальсификациями.

У нас есть опыт перестройки, опыт превращения любых исторических фактов, событий, исторических лиц и идей в противоположно оцениваемые. Есть опыт замены картины одного исторического сознания на другую картину. Сначала разбивается событийная и оценочная однозначность, появляется как бы множественность, дополнительность, неоднозначность – новая «правдивость». – *«Просто голубь прилетел»*. – А потом уже дело простых информационных технологий – довести до полного разрушения историческое сознание событий и их смысл. Но дело не в утаивании или вредном умолчании, дело всего лишь в здоровье общественного сознания, национального исторического сознания. У нас появилась профессия лечения индивидуального сознания, а как быть с общественным? Специалисты по его разрушению уже есть. А кто будет сохранять, воспроизводить, лечить? И как? Как соотносятся национальное историческое сознание, идеология и пропаганда?

Генри Киссинджер, который относится сегодня к тем людям, к мнению которых прислушиваются, не без оснований утверждает: *«Интернет лишает общество исторической памяти. Данное обстоятельство описывается следующим образом: «Люди забывают то, что, как они думают, всегда можно уточнить, и помнят то, чего, как они считают, уточнить нельзя»* [3, с. 456]. У нас должны по-

явиться новые технологии педагогики для сохранения Памяти в условиях Интернета, в условиях нарастающей потери такой памяти в мире. Это вопрос не только сохранения государственного суверенитета, но и человеческой субъектности.

В общем, на сегодня педагогика памяти Победы, можно с уверенностью утверждать, является технологией воспитания позитивного исторического сознания, воспитания и сохранения здорового общественного сознания.

Психология и проблема национальной памяти о Победе

Проблема сохранения позитивной национальной памяти о Победе – это не только и не столько вопрос научного исторического знания. Так было раньше, и не так давно, по историческим меркам. В Европе и США уже сегодня мы имеем параллельное и не совпадающее сосуществование науки, общественного сознания и памяти о Второй мировой войне и Победе. Там это проблема не содержания национального исторического сознания, а в большей степени используемых психологических технологий.

Можно снова привести пример нацистского концлагеря Заксенхаузен в Германии. Это был один из самых заметных памятников истории Второй мировой войны, связанный с фашизмом, геноцидом людей других национальностей. Что происходит сейчас? Этот памятник постепенно меняет свою смысловую окраску. Сейчас он перестроен под то, чтобы формировать образ сосуществования во время войны двух образов Зла: фашистской Германии и коммунистического СССР. Они пока как бы не врут, они просто создали образ, который уже создает негативное отношение, образ и оценку СССР. Там нет акцента на освобождении, а есть на другом, задающем другие оценки СССР, как сначала просто нехорошему, а потом и преступному режиму.

В памяти Победы зашифровано наше понимание того, что такое хорошо и что

такое плохо, что такое добро и что такое зло, психология нравственности. Посмотрите на документальные кадры кинохроники входящих в чужие города немецких войск и наших войск – Красной Армии, посмотрите на лица и глаза солдат, и вы увидите не национальные различия, а прежде всего нравственные и духовные. Именно поэтому в Берлине памятником Победы стал наш солдат со спасенной немецкой девочкой.

Важную роль в формировании и сохранении памяти о Великой Отечественной войне, о правде этой войны играла семейная память, близкая историческая память, когда в каждой семье или просто в кругу общения были непосредственные участники войны и тех событий. Однако, личные отношения постепенно уходят, через пару десятилетий уйдут окончательно – и что останется?

Важную роль в *ослаблении и разрушении исторической памяти* как за рубежом, так и у нас в стране, играет нейтрализация воспитательной роли семьи. По сути, это один из важнейших механизмов вытеснения нравственности как главного культурного кода взаимоотношений людей между собой и передачи главных человеческих ценностей от поколения поколению.

Ювенальная юстиция, борьба с так называемым насилием в семье – это еще одни технологии разрыва связи поколений, возможности воспитания в семье [11]. У нас рассказывают о чудесах толерантности, а я видел обычные примеры повседневности в Германии, где эти технологии уже победили или играют уже существенную роль. И результаты там совсем другие, чем декларируются при внедрении этой системы.

Могу привести пример семьи, где отец, мать, дочь 15 лет и сын 5 лет. Родители в этой семье боятся своих детей. Почему? Их нельзя воспитывать и чему-то учить, они тут же могут позвонить – или могут угрожать это сделать, – в органы ювенальной юстиции, телефон которой им дали

в детсаду и школе. В этом случае отсюда приезжают и предупреждают родителей. Приезжали уже два раза, а после третьего детей могут забрать из семьи. Что же заставляло их приехать? Происходившие попытки того самого семейного воспитания: научить что-то делать, получить какие-то семейные обязанности, наряду с другими членами семьи, и прочие попытки жить именно семьей. Ювенальная юстиция разрушает то, что было сформировано как первый шаг на пути от животного к человеку еще в первобытном обществе – семью и семейное воспитание.

Ощущение от таких детей – это превращение ребенка в семье в «яблоню-дичок», это то, что получается, если не заниматься своим садом, потому что это запрещено. Другими словами, это исчезновение культуры, вытеснение человеческого.

В этих случаях используются технологии разрушения не просто традиционных, а именно базовых, человеческих, классических, первичных форм воспитания новых поколений, сохранения человеческой культуры и нравственности.

Историческое сознание само по себе у человека и в обществе не сложится. В мире глобализации сознательно формируют постисторическое сознание. Генри Киссинджер не случайно подчеркивает, что в США **уже** нет исторического сознания. В этом году в Финляндии, которая является образцом для многих наших чиновников в области образования, перестают преподавать историю в школе¹. Надо ли говорить, что будет с историческим сознанием в Финляндии через какое-то количество времени? И надо ли будет говорить о фальсификации исторического сознания в таких государствах при его отсутствии? Что будет представлять собой историческое сознание в таких обществах? Неомифологии?

Почему же происходит вытеснение рациональных, национальных, нрав-

¹ URL: <https://globuss24.ru/news/shkolnye-predmety-podvergnutsya-izmeneniyam> (дата обращения: 07.04.2020).

ственно определенных, правдивых человеческих историй? Продолжающаяся глобализация – это не естественно-исторический процесс, как думают многие люди, кто бессознательно ориентируется на слова. Глобализация – это сознательная политика части нашего мира, одного из его центров, которая не предполагает сохранения исторической памяти людей.

На примере нескольких дат из нашей истории можно проследить, что исторические события могут играть как позитивную, так и негативную роль, вызывать напряжение общественного сознания сегодня, произойдя до того, как большинство живущих появилось на свет.

Примером классической технологии «раскачивания», дестабилизации и разрушения общественного сознания является взаимоисключающая характеристика одной из эпох нашей недавней истории, противоположность двух соседних ее этапов – 1937 и 1945 гг. Это последовательные этапы жизнедеятельности одного и того же общества с одним и тем же социальным составом граждан, которые характеризуются прямо противоположно. Общественное сознание – это ведь не собрание профессиональных историков и психологов. Что происходит с сознанием, в том числе и с общественным, когда в нем сосуществуют два противоположных взгляда на событие, на мир?

Сохраняющиеся параллельно, как бы в разных, не пересекающихся измерениях, эти характеристики делают неустойчивым наше историческое самосознание, потенциально легко опрокидываемым, напряженным и болезненным. И конечно же, в дополнение, еще и «виновным», склонным потенциально к «покаянию». А еще – склонным к безнравственной толерантности, уравнивающей потенциально добро и зло, снимающей вопрос Евангелия, что есть Истина.

Этот пример просто и ясно показывает, что история имеет другую функцию в общественном сознании и общем образовании, чем иные науки.

Заключение

Что означает защитить Победу? Это набор фактов, цифр, описание событий? Как иногда говорят, «объективное» описание? Проблема в том, что наша Победа включает как обязательный элемент не только набор фактов, но и ценности; отстаиваемое в этой войне понимание нами Добра, Правды, Справедливости, Человечности.

Что такое, в результате нашего рассмотрения, проблема защиты Победы? Это не только проблема аргументов. Мы имеем дело с идеологией и не можем ее победить иначе, кроме как провозгласив публично свою идеологию, правду, ценности.

Может ли история вообще, и тем более история Великой Отечественной войны, описываться так же отстраненно, как физические процессы? Не может, если в человеческом обществе, и тем более в Великой Отечественной войне, главную роль играло не безразличие, а именно убеждения, вера и ценности людей. Победа и вызывает интерес именно потому, что она затрагивает ценности. Множество есть войн, событий, но они не оставляют такого следа во всеобщем внимании именно потому, что они всего лишь рациональное знание.

Победа в информационной войне и противостоянии ценностей – это не просто правдивый рассказ о том или ином сражении, а принципиально новая оценка советского общества, нашей истории и духовной правды.

Рассмотренные в статье вопросы привели нас к заключению, что разрушение традиционной культуры современного общества ведет не к современности, а к разрушению духовных элементов человеческой личности, культуры, формированию основы безжалостных отношений. Это подтверждает общенаучный вывод о прогрессивном развитии как «надстройке» над результатами предшествующего развития, которая не отрицает, а включает их в себя как составную часть существования.

В статье мы приходим к выводу о необходимости формирования позитивной исторической памяти, основанной на памя-

ти о нашей Победе, для формирования содержания «ядра личности» гражданина России, его ценностей, убеждений, принципов.

Мы также делаем вывод о необходимости разработки новых технологий педагогики для сохранения исторической памяти в условиях информационных обществ и деисторизации национальных сознаний в условиях глобализации. Это вопрос не только сохранения государственного суверенитета, но и человеческой субъектности.

В этой связи, на сегодня педагогика памяти Победы, можно с уверенностью утверждать, является одним из действенных направлений воспитания позитивного исторического сознания, воспитания и сохранения здорового общественного сознания.

Результаты анализа еще раз подтверждают, что история не только передает знания, она передает и понимание, осознание того, что такое хорошо и что такое плохо, каковы наши ценности и смыслы жизни, и почему именно им мы следуем, для чего живем.

Защита Победы – это выбор нравственности. С одной стороны – это солдат с девочкой на руках, с другой – это рациональный выбор, кого оставить жить в зарубежной борьбе с пандемией. За этими вопросами и поступками – разное в отношениях людей, и в одном случае – нравственность, а в другом – замена Добра простым рациональным прагматизмом, или, иначе говоря, называется конкуренцией, или борьбой за жизнь, или эффективностью.

Может ли жизнь строиться иначе? Может! И опыт истории России-СССР и духовного сопротивления в нацистских концлагерях это показал.

Защитить Победу – это дать сопоставимый по духовной высоте образ Будущего. Именно это защитит Прошлое от уничтожения, даст ему смысл существования в настоящем и возможность состояться именно нашему Будущему!

Статья поступила в редакцию 11.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Два града: Исследование о природе общественных идеалов. СПб: РХГИ, 1997. 589 с.
2. Илиевский Н. В. Холодная война: в 2-х т. Т. 2: От Потсдама до Мальты. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 584 с.
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Изд-во АСТ, 2016. 512 с.
4. Лоренц К. Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008. 616 с.
5. Никифоров Ю. А. Приоритетные задачи современной системы массового исторического образования // Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России. М.: Наука, 2017. С. 125–135.
6. Панарин А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир, 2005. 431 с.
7. Подготовка учителя к формированию российской гражданской идентичности обучающихся: вызовы, опыт, проектирование моделей: материалы научно-практической конференции. Ставрополь: ИД ТЭСЭРА, 2017. 194 с.
8. Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. Вып. 1 / Под ред. К. А. Пахалюка. М., СПб: Нестор-История, 2018. 432 с.
9. Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. Вып. 2 / Под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 256 с.
10. Путилин Б. Г., Золотарев В. А. Холодная война: в 2-х т. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 984 с.
11. Сулакшин С. С., Деева М. В., Бачурина Д. В., Бобров Е. В., Куропаткина О. В., Нетесова М. С., Репин И. В. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М.: Научный эксперт, 2012. 144 с.
12. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2009. 528 с.
13. Холодная война. 1945–1963 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 640 с.

REFERENCES

1. Bulgakov S. *Dva grada: Issledovaniye o prirode obshchestvennykh idealov* [Two grads: Research into the nature of social ideals]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 1997. 589 p.
2. Ilievsky N. *Kholodnaya voyna: v 2-kh t. T. 2: Ot Potsdama do Mal'ty* [The Cold War: in 2 volumes. Vol. 2: From Potsdam to Malta]. Moscow, INES&RUBIN Publ., 2014. 584 p.
3. Kissinger G. *World order* [World order]. Moscow, AST Publ., 2016. 512 p.
4. Lorenz K. *Tak nazyvayemoye zlo* [This is what is called evil]. Moscow, Culturnaya revoliutsiya Publ., 2008. 616 p.
5. Nikiforov Yu. Priorities of the modern system of mass historical education. In: *Pervyy Vserossiyskiy s'yezd prepodavateley istorii v vuzakh Rossii* [The first all-Russian Congress of history teachers in Russian universities]. Moscow, Nauka Publ., 2017, pp. 125–135.
6. Panarin A. *The Rematch of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century* [Revenge of history: Russian strategic initiative in the XXI century]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2005. 431 p.
7. *Podgotovka uchitelya k formirovaniyu rossiyskoy grazhdanskoy identichnosti obuchayushchikhsya: vyzovy, opyt, proyektirovaniye modeley: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Teacher Training for the formation of the Russian civil identity of students: challenges, experience, model design: materials of the scientific and practical conference]. Stavropol, ID TESERA Publ., 2017. 194 p.
8. Pakhalyuk K., ed. *Prepodavaniye voyennoy istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad], Issue 1. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2018. 432 p.
9. Pakhalyuk K., ed. *Prepodavaniye voyennoy istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad], Issue 2. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2019. 256 p.
10. Putilin B., Zolotarev V. *Kholodnaya voyna: v 2-kh t. T. 1: Protivostoyaniye dvukh sverkhderzhav* [The Cold War in 2 volumes. Vol. 1: The Confrontation of two superpowers]. Moscow, INES&RUBIN, 2014. 984 p.
11. Sulakshin S., et al. *Problema inokul'turnoy yuvenal'noy yustitsii v sovremennoy Rossii* [The Problem of foreign-cultural juvenile justice in modern Russia]. Moscow, Scientific expert, 2012. 144 p.
12. Taleb N. *Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti* [The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable]. Moscow, Kolibri Publ., 2009. 528 p.
13. *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg.* [The Cold War. 1945–1963]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2003. 640 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики МПГУ;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey B. Ananchenko – Cand. Sci. (History), Departmental Head, Department of Modern National History, Director of the Institute of History and Policy of MSPU;
e-mail: ab.ananchenko@mpgu.edu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананченко А. Б. Защитить Победу – значит сохранить наши ценности сегодня и придать смысл будущему // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 10–20.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-10-20

FOR CITATION

Ananchenko A. To defend the victory is to defend our today's values and give meaning to the future. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 10–20. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-10-20

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32

ВОЙНЫ ПАМЯТИ КАК ВОЙНЫ ИСТОРИОСОФСКИХ МАТРИЦ: БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью статьи является проведение анализа методологии войн исторической памяти как столкновение идеологических матриц сторон конфликта. Операционной задачей исследования выступает выявление концептуальных основ антироссийской исторической пропаганды в фокусе Второй мировой войны и способов противодействия ей в рамках исторической политики России.

Процедура и методы исследования. Анализ войн исторической памяти в фокусе истории Второй мировой войны проводился на основании методологии когнитивных матриц. Использовалась методика деконструкции, применяемая, в частности, при деконструировании мифа теории тоталитаризма.

Результаты исследования. На основании проведенного соотнесения исторического нарратива с когнитивными матрицами был сделан вывод об определяющем значении матричных подходов в формировании исторического сознания. Теория тоталитаризма выступает на настоящее время когнитивной матрицей глобалистского идеологического видения истории Второй мировой войны и служит главным концептуальным основанием антисоветской и антироссийской пропаганды. Автор приходит к заключению, что для защиты памяти о Победе необходимо формирование идентичной российской историософии Второй мировой войны.

Теоретическая/практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в реализации задач формирования российской исторической политики. В статье сформулированы практические предложения по формированию российской историософии Второй мировой войны, указаны ключевые вопросы, определены основные концептуальные источники.

Ключевые слова: когнитивная матрица, историософия, Вторая мировая война, теория тоталитаризма, война памяти, фашизм, деконструкция

WARS OF MEMORY AS A WAR OF HISTORIOSOPHICAL MATRICES: THE STRUGGLE FOR VICTORY AFTER VICTORY

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyze conflicting views on the wars of historical memory as a clash of the ideological matrices of the parties to the conflict. The operational task of the study is to identify the conceptual foundations of anti-Russian historical propaganda as related to the Second World War and propose ways to counter it in the framework of the historical policy of Russia.

Methodology and Approach. Analysis of historical memory of war in relation to World War II is carried out using cognitive matrices. This technique is applied specifically to deconstruct the myth of Russian totalitarianism.

Results. Based on the examination of historical narrative with different cognitive matrices, a conclusion is drawn about the decisive importance of matrical approaches in the formation of historical consciousness. The theory of totalitarianism is currently the dominant cognitive matrix supporting a globalist ideological vision of the history of World War II and serves as the foundational conceptual basis of anti-Soviet and anti-Russian propaganda. The author concludes that in order to protect historical memory of the victory, the formation of a parallel Russian historiosophy of World War II is necessary.

Theoretical and/or Practical implications. The results of the study can be used to inform development of Russian historical policy. The article formulates practical proposals for formation of a Russian historiosophy of World War II, identifies key issues, and identifies key conceptual referents.

Keywords: cognitive matrix, historiosophy, Second World War, totalitarianism theory, memory, war, fascism, deconstruction

Войны памяти есть войны когнитивных матриц: постановка проблемы

Мифы и фальсификации истории воспринимаются сегодня как вызов в отношении национальной безопасности России и ее места в современном мире [17]. Вопросы о защите коллективной исторической памяти оказались включены в предложения поправок в Конституцию Российской Федерации¹. В полемику по проблемам истории включился даже Президент, представив в конце 2019 г. развернутый ответ на попытки обвинений Советского Союза в развязывании Второй мировой войны в союзе с Германией².

Казалось бы, все делается правильно – издаются документы, предъявляются на официальном уровне, чего не делалось раньше, ответы на демонтаж памятников советским воинам за рубежом, приводятся подкрепленные архивными источниками и статистикой факты. Однако это

в системном отношении не помогает, и черные мифы в отношении России продолжают репродуцироваться, привлекая новых adeptов, превращаясь в стереотипы массового восприятия.

В чем причины того, что защита российской истории в мировом дискурсе оказывается недостаточно эффективна перед откровенными фальсификациями и смысловыми подменами? Анализ сложившейся ситуации приводит к заключению, что решение задач демифологизации и дефальсификации антироссийского исторического нарратива через предъявление исторической правды, верифицированных фактов проблемы не решает. Публикация документов имеет, безусловно, большое значение для профессиональной корпорации историков. Но для массового общественного сознания апелляции к архивам оказывается явно недостаточно. Помимо уровня фактологии нужен еще и уровень смыслов и ценностей, сопряженных с соответствующими когнитивными матрицами.

Человек, сообщества людей в целом, мыслят и действуют в пространстве когнитивных матриц. Фундамент матриц составляют определенные парадигмы, базовые шаблоны мировосприятия. Мысля в пространстве матриц, соответствующие субъекты – люди и сообщества, оказываются подчинены определенным

¹ Полный текст поправок в Конституцию см.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

² Неформальный саммит СНГ. В Санкт-Петербурге состоялась неформальная встреча глав государств СНГ // Президент России [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (Дата обращения: 10.05.2020).

стереотипам, выстраиваемым как следствие продуцирования принятия той или иной парадигмы. Мышление, свободное от стереотипов и парадигм, невозможно. Восприятие истории также сопряжено с парадигмой мировосприятия, будучи в соответствии с ней стереотипизировано и матрично выстроено. Какие бы факты и аргументы человеку или сообществу не были бы представлены, но если устойчивой остается его когнитивная матрица, все эти предъявления не будут иметь никакого значения.

Соответственно, чтобы преодолеть нежелательное восприятие российской истории, следует решать задачу ломки стереотипов, деконструкции когнитивных матриц. Интеллектуальное развитие человека в целом осуществляется через ломку стереотипов, что использовалось лучшими педагогами в выстраивании образовательного процесса. Но, деконструируя прежнюю матричную схему, познающий субъект либо попадает в какую-то иную матрицу, либо формирует матрицу собственную. Применительно к исторической политике России это означает следующее. Для преодоления негативизации образа российской истории необходимо первым шагом деконструировать определяющую его, сложившуюся несколько столетий назад, когнитивную матрицу и освободиться от задаваемых ею стереотипов. Задача второго шага состоит в том, чтобы не попасть в иные матричные схемы, отводящие России периферийное положение в истории, а начать формирование собственной, россияноцентричной версии исторического процесса.

Особенность современной ситуации состоит в том, что фактически после краха биполярной модели мироустройства была сформирована глобальная когнитивная матрица. Именно в ее рамках, с опорой на традиции западного дискурса, сложился стереотип в отношении России как полюса мирового зла. Деконструкция антироссийской исторической мифологии предполагает в этих условиях пре-

одоление глобализационной парадигмы, бунт против мировых доминант. Считать, что российская актуальная элита готова сегодня к такому бунту, было бы преувеличением. Но защитить российскую историю, находясь при этом на позициях глобализационной западноцентричной парадигмы, объективно невозможно при этом лишь продуцируются внутрисистемные противоречия.

Деконструкция когнитивной матрицы теории тоталитаризма

Важно зафиксировать опорные элементы когнитивных матриц. Каждая матрица строится на некой систематизированной или несистематизированной мифологии. Бороться с мифологизацией можно только с опорой на иной миф, включая научную мифологию. Речь идет о художественно-образном нарративе, включая нарратив исторический, а в этом отношении миф не означает заведомого вымысла, неправды. Так, советский художественный фильм 1938 г. «Александр Невский» был, безусловно, мифологичным и требованиям исторической достоверности в полной мере не соответствовал. Отступая от реальной истории в деталях, он при этом сущность исторического процесса не фальсифицировал. Значение же картины С. М. Эйзенштейна и Д. И. Васильева в формировании исторического сознания советского населения, в патриотической мобилизации трудно преувеличить [9].

Наряду с общественно значимой мифологией, структура когнитивной матрицы включает: систему ценностей; систему понятий (язык); систему образов и символов; систему континуума (структуру пространства и времени); ключевую дихотомию; целевой образ будущего; систему идентификаторов. Каждый из этих элементов экстраполируется на прошлое, формируя ту или иную версию изложения исторического процесса.

Войны памяти есть в сути своей войны исторических матриц. Для победы

в них следует деконструировать когнитивную матрицу противника и навязать принятие своей когнитивной матрицы. Для России в ее современном моменте эти задачи могут быть поставлены следующим образом – преодолеть западноцентризм и манифестировать собственную идентичную аксиологию. Можно эту же задачу выразить и в более привычной терминологии – формирование новой идентичной российской идеологии. Применительно к истории Второй мировой войны, преодоление западноцентризма сегодня – есть, прежде всего, критика матричной для современного Запада теории тоталитаризма и манифестация историософии Победы.

За период после распада СССР в историографическом дискурсе в изложении сути конфликта Второй мировой войны произошла принципиальная подмена. Первоначально война содержательно раскрывалась как борьба с фашизмом, проявляемом в германском нацизме – человеконенавистнической доктрине и практике расового превосходства. СССР не просто был главной военной силой низвержения Германии, но и главным идеологическим оппонентом, утверждавшим идеалы фундаментального антропологического равенства.

Подмена состояла в том, что суть конфликта переосмысливалась как борьба с тоталитаризмом. СССР в этой версии переставал быть не только альтернативой врагу, но сам оказывался его пособником. Сталинский СССР и нацистская Германия провозглашались подобными друг другу тоталитарными государствами. И вот в 2019 г. в реализации тоталитаристской подмены истории Второй мировой войны были произнесены знаковые слова. Они логически программировались теорией тоталитаризма и были ожидаемы. Произнесла их Керсти Кальюлайд – президент Эстонии, заявившая, что для ее страны война окончилась не в 1945 г., а в 1991 г.¹ В 1945 г. был побежден гер-

¹ Кальюлайд заявила, что Вторая мировая для Эсто-

манский тоталитаризм, но этим борьба не окончилась, так как существовал еще тоталитаризм советский.

Но и в 1991 г. торжество «свободного мира», как это показали последующие десятилетия, не было окончательным. Постсоветская Россия в связке с Китаем пытаются осуществить ревизию одержанной «свободным миром» Победы. И если Германия, пройдя через денацификацию, очистилась от «тоталитарной бациллы», то «путинская Россия» остается носителем тоталитарного духа, а потому нуждается в некоем подобии денацификационной чистки, предполагающей исходно ее десоверенизацию.

Когнитивной матрицей навязываемой Западом модели интерпретации Второй мировой войны выступает, как это указывалось выше, теория тоталитаризма, тоталитаристский миф [2; 10; 15; 19; 20]. Деконструкция теории тоталитаризма и представляет собой в повестке защиты памяти о Победе 1945 года первую задачу в войне когнитивных матриц. Соотнесем эту теорию с указанными ранее структурными первоэлементами любой когнитивной матрицы.

В ценностном отношении теория тоталитаризма связана с либеральной идеологией и ее представителями (Х. Арендт, К. Поппер, К. Фридрих, З. Бжезинский) была исходно разработана. Для противников тоталитаризма базовыми позитивными ценностями, позиционируемыми как общечеловеческие, выступают свобода, индивидуализм, частное право. Напротив, коллективистские ценности характеризуются тоталитаристскими, а государственники обличаются как тоталитаристы.

Ключевыми понятиями теории выступают – тоталитаризм, свобода, несвобода, репрессии. В конкретной адресации к СССР язык тоталитарного мифа устойчиво включает такие термины, как раздел

нии закончилась 25 лет назад // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20190901/1558142274.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

Европы, ГУЛАГ, СМЕРШ, коммунизация Европы.

Семиотически теория тоталитаризма выражается посредством дуальных символов зла – звезда и свастика, красное и коричневое. Образные выражения теории сопряжены с мифологемами – «Катынский расстрел – дело рук НКВД», «завалили неприятеля трупам», «изнасилованная Европа» и т. п.

Система континуума теории тоталитаризма выражается в попытках выстраивания приемлемой для себя датировки войны. Первоначально утвердилась не бесспорная дата начала войны – 1 сентября 1939 г., выводящая за скобки Мюнхенский сговор, оккупацию и территориальный раздел Чехословакии. И вот уже предпринимаются попытки и вовсе вести отсчет с 23 августа 1939 г., что прямо подводит под утверждение о виновности СССР в развязывании войны¹.

Окончание войны датируется в теории тоталитаризма традиционно – 2 сентября 1945 г., что и понятно, ввиду акцентированности американской роли в ее завершении. Появляется, как указывалось выше, и современная дата завершения войны, – как борьбы свободного мира с тоталитаризмом – 26 декабря 1991 г.

Ключевые сражения Второй мировой войны, естественно, также смещаются в нарративе теории тоталитаризма с советско-германского фронта в зоны боевых действий союзников. Гипертрофируется значение битвы за Атлантику, десанта в Нормандии, сражения у атолла Мидуэй и т. п. [13].

Ключевой дихотомией теории выступает борьба свободы и несвободы, свободного мира против тоталитарного мира. Будто бы эта борьба и была главным содержанием конфликта Второй мировой войны.

¹ Wesolowsky T., Luxmoore M. Molotov-Ribbentrop What? Do Russians Know Of Key World War II Pact // RadioFreeEurope & RadioLiberty [website]. – URL: <https://www.rferl.org/a/molotov-ribbentrop-what-do-russians-know-of-key-wwii-pact/30123950.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

Целевым будущим теории тоталитаризма является окончательное торжество свободного мира над тоталитарными режимами (одно время использовалось понятие «ось зла») и наследниками тоталитаристов. В мироустроительном плане должны быть ликвидированы окончательно рецидивы Ялтинской системы. Необходимость ее ликвидации президент США Дж. Буш-младший публично провозгласил еще в 2005 г. во время визита в Ригу, фактически дав сигнал ревизии итогов Второй мировой войны, включая генезисно связанную с ними всю систему международного права².

Система идентификаторов теории тоталитаризма оперирует идентичностью принадлежности к «свободному миру», но находящемуся под фактическим геополитическим и ценностным предводительством мира англосаксонского (США и Великобритания). Провозглашенная в Фултонской речи У. Черчилля в 1946 г., сразу после окончания Второй мировой войны, идея гегемонии наций, говорящих на английском языке, при выдвижении маркера «свободный мир» подразумевает как нечто само собой разумеющееся³.

Итоговые выводы теории тоталитаризма, применительно к истории Второй мировой войны, сводятся к четырем основным положениям: 1. Советский тоталитарный режим был подобен нацистскому; 2. СССР начинал войну как агрессор в союзе с нацистской Германией; 3. СССР заканчивал войну как агрессор, принудительно коммунизируя Восточную Европу; 4. Все советские победы были достигнуты исключительно тоталитарными методами. Важно в данном случае зафиксировать, что все глав-

² President Bush on World War II and Yalta // npr [website]. – URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4645810> (Дата обращения: 10.05.2020).

³ Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже // Российское историческое общество [сайт]. – URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstonachurchillya-1946-goda.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

ные обвинения, предъявляемые СССР и фактически России, в рамках кампании дискредитации Победы, есть ключевые положения теории тоталитаризма, логическим образом вытекающие из ее приятия.

Концептуальные противоречия российской исторической политики

Но ведь теория тоталитаризма в нашей стране считается на уровне научно-экспертного сообщества классической, включена в учебники по политологии и другим обществоведческим дисциплинам. Критика ее как антироссийской пропаганды в этих учебниках отсутствует. Получается, что российская гуманитарная наука сама «подыгрывает» в войне памяти стороне противника.

Имеется такой подыгрыш и на уровне государственной власти. Еще в 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил факт подписания «дополнительных секретных протоколов» от 23 августа 1939 г., признав их юридически несостоятельными. В резолюции съезда указывалось, что «протоколы» будто бы использовались Сталиным и его окружением «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»¹. По большому счету, эта формула являлась признанием совершенной СССР агрессии на начальной стадии Второй мировой войны. Не единожды с высокой трибуны говорились слова об ошибочности навязывания СССР странам Восточной Европы коммунистической идеологии, что было фактически признанием агрессии СССР и на завершающей фазе войны.

Теория тоталитаризма стала концептуальной основой Послания Президента Российской Федерации 1996 г. Содержание Послания определялось контекстом

президентских выборов 1996 г., в которых оппонентом Б. Н. Ельцину выступал Г. А. Зюганов, чья позиция соотносилась с коммунистической идеологией. Но критика коммунизма через призму теории тоталитаризма далее проецировалась на всю историю России. «Важно, – заявлял Б. Н. Ельцин в Послании, – до конца осознать, что трагические последствия коммунистического эксперимента были закономерны. Конечно, чего-то можно было избежать, что-то могло быть смягчено. Но в целом и массовые репрессии, и жесткий политический монополизм, и классовые чистки, и тотальное идеологическое «прореживание» культуры, и отгороженность от внешнего мира, и поддержание атмосферы враждебности и страха – все это родовые признаки тоталитарного режима. Теперь, в канун нового века, ясно, что государства, подавляющие свободу, обречены на поражение. История вынесла свой приговор тем, кто правил с помощью насилия и обмана. И все это означает, что путь назад – это путь в исторический тупик, к неизбежной гибели России»².

Президент говорил, что коммунистическая система СССР была обречена на историческое поражение. Но как в таком случае «тоталитарный Советский Союз» мог выиграть величайшую войну, при том, что демократическая Франция и другие европейские демократии пали перед фашизмом? Разрешением этого противоречия стало в дальнейшем выдвижения концепта «вопрекизма», соотнося с которым Победу народ одержал вопреки тоталитарному режиму, вопреки коммунистической идеологии и партии.

В определенном подыгрыше противнику в войне памяти оказывается и современная российская художественная культура. С одной стороны, снимаются

¹ Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова-Риббентропа от 24.09.1989 г. // Документы XX века [сайт]. – URL: <http://doc20vek.ru/node/3261> (Дата обращения: 10.05.2020).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 23 февраля 1996 года // Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349> (Дата обращения: 10.05.2020).

фильмы о войне, показываются яркие картины совершенных подвигов. Но едва ли не в каждом фильме есть, в полном соответствии с теорией тоталитаризма, изображение негативного начала, которое несет власть, есть бюрократизм и отрицание ценности человеческой жизни среди советского руководства, есть тоталитарные методы принуждения к борьбе с врагом. Известны протесты, с которыми выступают ветераны, в отношении кинематографических версий событий Великой Отечественной.

Советская и фашистская системы не имели сущностного подобия

Разоблачение мифа теории тоталитаризма должно вестись как на концептуальном уровне, так и на уровне исторического нарратива. На концептуальном уровне необходимо показать фундаментальные различия между нацистской и коммунистической идеологиями. Нацистский и советский режимы не были и не могли быть подобными друг другу. Конечно, советский политический режим не был режимом мягким, не соответствовал шаблонам либеральной демократии. Но если нацистский режим базировался на идее антропологического неравенства, деления человечества на сверхлюдей и унтерменшей, то советский – на идее фундаментального равенства. Не СССР, а США, с его сохраняемым расистским законодательством и практикой, или Великобритания, с ее колониальными зверствами в Индии, обнаруживали подобие нацистскому режиму в Германии.

Никогда в СССР не было и не могло быть геноцида. Это понятие имеет четкое юридическое определение, как уничтожение того или иного народа на основании расовой или этнической принадлежности. Советское государство позиционировалось государством интернационалистским, и национальная принадлежность в нем, в отличие от всех других ведущих держав мира, не имела принципиального значения. В этой свя-

зи предъявленное Европарламентом в резолюции 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» обвинение СССР в использовании политики геноцида должна получить ответ в виде правового иска¹. К сожалению, разоблачению концептуальной несостоятельности «теории тоталитаризма» препятствует сохранение в России с 1990-х гг. значимых позиций антисоветского дискурса. Защита советской идеологии от ее уподобления фашизму сталкивается с препятствием негативизации этой идеологии в официальном дискурсивном пространстве.

СССР действовал в 1939 г. не как агрессор, а как освободитель

В противовес обвинениям СССР в развязывании мировой войны в союзе с Германией следует, вероятно, не только говорить о вынужденности действий Советского Союза, а об их целесообразности, вернувшись к трактовке польского похода Красной Армии как освобождения украинского и белорусского народов [1]. И это действительно было освобождением, имея в виду националистический характер польского государства, дискриминацию в нем украинцев и белорусов, прецеденты национальных репрессий, функционирования концентрационных лагерей, вроде концлагеря в Березе-Картузской². Спасительным был поход Красной Армии в перспективе прихода немцев не только для славянского, но и достаточно многочисленного в сравнении с другими странами еврейского населения.

Следует предложить перечитать содержание «секретных протоколов», из

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament [website]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 10.05.2020).

² Они не стали на колени: сборник воспоминаний и документов о концлагере Берёза-Картузская / Сост. В. Поссе, Л. Аржаева. Минск: Беларусь, 1966. 347 с.

которых будто бы следовало, что Гитлер и Сталин договорились поделить между собой Европу, а далее действовали соответственно с этими договоренностями. Но читали ли мифологизаторы истории эти протоколы? Вопреки фактически принятой на Западе интерпретации, ни слова о территориальных разделах в протоколах нет. Вместо понятия «территориальный раздел» используется понятие «сферы интересов»¹. Но это ведь не одно и то же! Фактически любое государство имеет какие-либо особые интересы вовне, связанные с товарообменом, энергетическим обеспечением, вопросами культуры и религии и т. п. Соединенные Штаты Америки, к примеру, фактически постоянно говорят о своих интересах за пределами США. Государства часто пытаются разграничить сферы интересов вовне, дабы это не привело к конфликту. Такое разграничение сфер интересов имели, например, Российская и Британская империя в Иране. Из факта наличия интересов за пределами соответствующего государства и разграничения сфер интересов территориальный раздел никоим образом не следует.

Сообразно с утвердившимся в сознании западной общественности мифом о союзе двух тоталитарных режимов, Вермахт и Красная Армия будто бы вели совместные боевые действия против Польши. Демонстрацией этого союзничества стал якобы совместный воинский парад в Бресте. В действительности же, не только не было союзничества, но между Германией и СССР едва не разразилась война. Как известно, войска Красной Армии перешли польскую границу через 17 дней после начала немецко-польской войны, когда уже польские вооруженные силы были обречены. После ввода сил Красной Армии имели место боевые столкновения частей германских и советских во-

йск. Наиболее известное из таких столкновений произошло под Львовом.

Требование советской стороны состояло в том, чтобы немцы отступили за линию сферы интересов СССР, которая соотносилась с расселением украинского и белорусского населения. Это линия не являлась изобретением Молотова и Риббентропа, а была предложена еще в 1920 г. министром иностранных дел Великобритании лордом Дж. Керзоном и названная его именем. Оставить занятые уже территории – для многих немецких военнослужащих выглядело как унижение. Но Гитлер уступил советским требованиям и отвел войска за демаркационную линию.

Пришлось немцам оставлять и занятый ими ранее Брест. И то, что называют парадом, являлось в действительности выводом из города сил вермахта, что сопровождалось с их стороны некоторыми обычными в таких случаях действиями воинского ритуала [11, с. 65; 12].

Миф о насильственной коммунизации Восточной Европы

Утверждение, будто бы коммунистическая идеология была принесена в Восточную Европу «на штыках советских солдат», также нуждается в опровержении как исторически недостоверное. Действительно, страны Восточной Европы избрали после войны социалистический путь развития. Но ключевым здесь является именно слово «избрали». На выборы шли не только коммунисты, но и представители других партий. Расклад по результатам выборов в странах Восточной Европы был различным. Динамика выборного процесса послевоенного периода не позволяет говорить об одномоментном привнесении коммунизма в Восточную Европу при входе туда Красной Армии, о советской оккупации. Показательно в этом отношении рассмотреть результаты выборов в первые послевоенные годы в странах, в которых советские войска отсутствовали. Фактически везде отмечается огромный рост

¹ Секретный дополнительный протокол // Документы внешней политики СССР. Том XXII. 1939 г.: в 2-х кн. Кн.1: 1 января – 31 августа 1939. М.: Международные отношения, 1992. С. 632.

популярности коммунистической партии. Послевоенные годы были историческим максимумом популярности идей коммунизма в мире, что находило соответствующее выражение на выборах. Так, компартия побеждала в течение ряда лет на выборах в Национальное собрание Франции. Франция, как известно, освобождалась американцами и англичанами, и там советских войск не было. Тем не менее французы прекрасно понимали тогда, кто внес основной вклад в Победу, отдавая свои симпатии аффилированным с СССР коммунистам¹.

Неудобные вопросы в формировании российской историософии Второй мировой войны. 1945 год против 1991 года

Формирование собственной идентичной российской историософии Второй мировой войны предполагает дать ответ на ряд ключевых вопросов, без которых историософское осмысление войн невозможно.

Во-первых, с кем воевали? Во-вторых, почему воевали? В-третьих, за какие ценности и идеалы воевали? В-четвертых, за счет чего одержали Победу, каковы были системные преимущества перед врагом? В-пятых, сохранены ли были результаты Победы? Все эти вопросы могут оказаться крайне неудобными для официального дискурса, поскольку в любом случае выводят на фактор существования советской системы и ее противостояния – идеологическое – фашизму и либерализму, социально-экономическое – капитализму, цивилизационное – цивилизации Запада.

Двойственность в российской исторической политике уходит к обстоятельствам гибели СССР. Демонтаж Советского Союза осуществлялся на основе

альянса ряда различных группировок, объединяемых на позиции антисоветизма. Эта позиция предполагала в том числе и ломку советской модели исторического сознания. Великая Отечественная война оказалась тем пределом когнитивной матрицы, сакральным рубежом, который российское общество принять не могло. Возникла сохраняющая актуальность во властном дискурсе развилка в стратегиях отношений к Великой Отечественной войне: 1) ультралиберальная – продолжить линию дискредитации; 2) национал-консервативная – отделить победу в войне от социалистического строя и коммунистического руководства; 3) интеграционная – пойти на идеологический реверс, признав потенциалы советской системы и ошибочность ее демонтажа в 1991 г.

Великая Отечественная война, безусловно, есть опора исторического сознания для российского социума. Память о Победе можно определить в качестве важнейшей из сакральных скреп. Но, говоря о Победе, нельзя построить новую историософию России, не дав оценку через призму 1945 г. тому, что случилось в 1991 г. В значительной степени в 1991 г. и последующие годы произошла сдача позиций, завоеванных в 1945 г. Такое признание может стать основой ценностно-смысловой опоры президентского курса на ресувверенизацию, разрыва с пораженческой матрицей и возвращение к матрице Великой Победы.

Концептуальные основания историософии Победы

При формировании новой историософии и когнитивной матрицы Победы видится целесообразность использования трех базовых концептуальных компонент – советско-марксистской, цивилизационной и христианско-историософской.

Марксистская традиция осмысления Второй мировой войны позволяет акцентировать то положение, что фашизм явился порождением мирового капитала, будучи использован им, во-первых, как

¹ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / сост. А. А. Танин-Львов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 1112 с.

драйвер выхода из кризиса, и, во-вторых, в качестве военного инструмента борьбы с советской альтернативой. Теория империализма отнюдь не исчерпала себя, и объяснение на ее основе генезиса фашизма и мировой войны имеет когнитивные потенциалы [6; 16].

Цивилизационный подход дает понимание Второй мировой войны в ракурсе воспроизводимого столкновения цивилизаций. Сам Сталин давал основания для такого прочтения смысла войны, говоря на встрече в 1945 г. с чехословацким президентом Э. Бенешем о столкновении в ней германского и славянского миров [18]. Цивилизация объединенной Европы сталкивалась в очередной раз в своей истории с российской цивилизацией. Гитлер выступал как наследник европейских интеграторов прошлого – Карла Великого, Наполеона, Бисмарка – и предтеча интеграторов будущего. Цивилизационный подход позволяет, в частности, дать объяснение патологической ненависти в отношении к советской Победе, проявляемой на Западе, борьбе с памятниками воинам-освободителям [8; 14].

Наконец, христианская историософия позволяет показать метафизические глубины конфликта Второй мировой войны. Фашистский проект был по сво-

ей метафизике проектом неязыческим, бросающим вызов системе христианских ценностей [4; 5; 7]. Идея языческого неравенства и языческого империализма сталкивалась с системой ценностей, сообразно с которой человечество антропологически едино (нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба).

Заключение

Проведенное рассмотрение дает основания для утверждения, что для защиты памяти о Победе в Великой Отечественной войне, в целом защиты исторической памяти одной фактологии военных лет недостаточно. Факты, встроенные в разные когнитивные матрицы, приобретают различное смысловое наполнение. Соответственно, необходимо деконструировать когнитивные матрицы противника и сформировать собственные. Помимо истории в фактологической развертке, существует еще история как сфера сакрального (священная история) и как сфера развертки высших мировоззренческих смыслов (историософия). На повестке, таким образом, оказывается вопрос о сакральности и историософичности Великой Отечественной войны.

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2019. 336 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Багдасарян В. Э. Россия – Запад: цивилизационная война. М.: Форум – Инфра-М., 2017. 410 с.
4. Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: Рипол-классик, 2005. 432 с.
5. Васильченко А. В. Оккультный миф III рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 624 с.
6. Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
7. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. М.: ЭКСМО, 2004. 576 с.
8. Кожин В. В. Великая война России. Почему непобедим русский народ. М.: Яуза-Эксмо, 2005. 544 с.
9. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Исторические очерки. СПб.: Лики России, 2012. 400 с.
10. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.
11. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 704 с.
12. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 464 с.

13. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.
14. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 80 с.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х тт. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. Т. 1. Чары Платона. 446 с.; Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 525 с.
16. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1989. 582 с.
17. Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Историческая память как фактор национальной безопасности // Власть. 2019. Том. 27. № 6. С. 225–231.
18. Сталин И. В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 359–363.
19. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
20. Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. 438 p.

REFERENCES

1. Krashenninnikova V., ed. *Antigitlerovskaya koalitsiya – 1939: Formula provala* [The Anti-Hitler Coalition – 1939: Formula for Failure]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 336 p.
2. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996, 672 p.
3. Bagdasaryan V. *Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya vojna* [Russia – West: civilization war]. Moscow, Forum – Infra-M Publ., 2017, 410 p.
4. Vasil'chenko A. *Anenerbe. «Naslediye predkov» bez mifov i tayn* [Anenerbe. “Ancestral Heritage” without myths and secrets]. Moscow, Ripol-klassik Publ., 2005, 432 p.
5. Vasil'chenko A. *Okkul'tnyy mif III reykh* [Occult myth of the Reich III]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008, 624 p.
6. Galkin A. *Germanskij fashizm* [German fascism]. Moscow, Nauka, 1989, 352 p.
7. Gudrik-Klark N. *Okkul'tnyye korni natsizma. Taynyye ariyskiye kul'ty i ikh vliyaniye na natsistskuyu ideologiyu: Ariosofy Avstrii i Germanii, 1890–1935* [The occult roots of Nazism. Secret Aryan cults and their influence on Nazi ideology: Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935]. Moscow, EKSMO Publ., 2004, 576 p.
8. Kozhinov V. *Velikaya vojna Rossii. Pochemu nepobedim russkiy narod* [The Great War of Russia. Why the Russian people is invincible]. Moscow, Yauza-Eksmo Publ., 2005, 544 p.
9. Krivosheyev Yu., Sokolov R. *«Aleksandr Nevskiy»: sozdaniye kinoshedevra. Istoricheskiye ocherki* [“Alexander Nevsky”: the creation of a film masterpiece. Historical essays]. St-Petersburg, Liki Rossii Publ., 2012, 400 p.
10. Lyuks L. [Bolshevism, fascism, national socialism are related phenomena]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1998, no. 7, pp. 48–57.
11. Medinskiy V. *Voina. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2011, 704 p.
12. Mel'tyukhov M. *Sovetsko-pol'skiye voyny. Voenno-politicheskoye protivostoyaniye 1918–1939 gg.* [Soviet-Polish wars. Military-political confrontation 1918–1939]. Moscow, Veche Publ., 2001, 464 p.
13. Morozov Yu. [Falsification of the results of the Second World War in the framework of the information struggle against Russia]. In: *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2015, no. 25, pp. 50–63.
14. Narochnitskaya N. *Za chto i s kem my voyevali* [For what and with whom we fought]. Moscow, Minuvsheye Publ., 2005, 80 p.
15. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi: v 2 tt.* [Open society and its enemies in 2 vols]. Moscow, Kul'turnaya initsiativa & Feniks Publ., 1992, 446 p.; 525 p.
16. Proektor D. *Fashizm: put' agressii i gibeli* [Fascism: the path of aggression and death]. Moscow, Nauka, 1989, 582 p.
17. Savrutsкая Ye., Ustinkin S. [Historical memory as a factor of national security]. In: *Vlast'* [Authority], 2019, vol. 27, no. 6, pp. 225–231.
18. Stalin I. [Speech at the dinner in honor of E. Benes March 28, 1945]. In: Stalin I. *Sochineniya* [Works], vol. 18. Tver', Informatsionno-izdatel'skiy tsentr «Soyuz» Publ., 2006, pp. 359–363.

19. Hayek F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, 264 p.
20. Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge (Mass.), Harvard university press, 1965, 438 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Departmental Head, Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Войны памяти как войны историософских матриц: борьба за Победу после Победы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 21–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Wars of memory as a war of historiosophical matrices: the struggle for Victory after Victory. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 21–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-33-41

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОСВЕЩЕНИЮ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Фукс А. Н., Ковригин В. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью статьи является изучение ключевых направлений трансформации подходов к освещению Второй мировой войны и, прежде всего, Великой Отечественной войны как самой важной её части в отечественных и зарубежных учениках истории.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляют материалы сравнительного анализа школьных отечественных и зарубежных учебников, изданных в период с 1970-х гг. по настоящее время. Авторами применяется также количественный метод анализа, направленный на расчёт частоты цитирований, упоминаний ключевых событий Великой Отечественной войны.

Результаты исследования. По итогам исследования авторами сделан вывод о невозможности создания единого учебника истории Европы; проанализированы и представлены различия в трактовках событий Второй мировой и Великой Отечественной войны в отечественных и зарубежных учебниках.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы преподавателями при разработке курсов методики преподавания истории XX в., специалистами в области историографии школьных учебников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, концепция войны 1939–1941 гг., школьный учебник, содержание образования

TRANSFORMATION OF APPROACHES TO COVERAGE OF THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN AND FOREIGN SCHOOL TEXTBOOKS

A. Fuks, V. Kovrigin*Moscow Region State University**24 ul. Verry Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To study the key ways that approaches to coverage of the Second World War – and especially the emphasis of the Great Patriotic War as its most important part – have transformed over time in textbooks for domestic and foreign history students.

Methodology and Approach. The research consists primarily of comparative analysis of school textbooks published from the 1970s to the present. The authors also use a quantitative analysis method to calculate the frequency of citations and references to key events of the Great Patriotic War.

Results. The authors conclude that it is impossible to create a single textbook narrative of European history; they analyze and present differences in the interpretation of the events of the Second World War and the Great Patriotic War in domestic and foreign textbooks.

Theoretical and/or Practical implications. The research materials can be used by teachers in developing courses on methods of teaching the history of the twentieth century, as well as by specialists in the field of historiography of school textbooks.

Keywords: Great Patriotic war, World War II, concepts of the war of 1939–1941, school textbook, content of education, scientific concepts in the content of education

Школьный учебник выступает определяющим инструментом построения и реализации целостного педагогического процесса. Учебная книга по гуманитарным наукам, которой является и история, несет в себе также огромный потенциал воздействия на формирование убеждений, мировоззрения школьника. Исходя из этого, содержание учебных книг по истории в большинстве стран остается под контролем государства.

В эпоху СССР в школах применялась единая программа и одна «линейка» учебников. Сегодня в большинстве стран Содружества Независимых Государств принята плюралистическая модель исторического образования, допускающая вариативность учебных программ и возможность использования разных учебных книг в образовательном процессе. Однако критерии оценки качества содержания учебной литературы по истории в большинстве стран бывшего Советского Союза остаются неразработанными. В России недавно принят историко-культурный стандарт, в котором заявлена цель – формирование единого культурно-исторического пространства Российской Федерации. Однако стандарт лишь в общих чертах задал рамки оценок исторических событий. Идея создания единого школьного учебника истории, которую ранее озвучил Президент РФ В. В. Путин, пока не реализована.

Эти факты обостряют поле научного дискурса о воспитательных и учебных целях истории в школе. «Камнем преткновения» стал вопрос о необходимости представления в учебниках разных точек зрения на исторические проблемы. Должен ли автор учебника одинаково ярко вскрывать «больные раны» родной истории? Или показывать в учебниках в боль-

шей степени те события, которые формируют чувство гордости за страну?

Этот выбор не так прост, как кажется на первый взгляд. Стремление к скрупулёзной достоверности и детальности исторических фактов, в том числе и трагических, может снизить воспитательный потенциал школьных учебников. Решая вопрос о выборе между строгой научной объективностью и воспитательной целесообразностью, многие исследователи отдают предпочтение последней [2].

В современной исторической науке признаётся плюрализм исторических истин, что часто может экстраполироваться в содержание образования. По выражению М. Ферро, «за всемирной историей, написана ли она во Франции, в Италии или где-то еще, скрывается этноцентризм в разных формах». Поле дискурса в учебниках в последнее время только расширяется и часто затрагивает важнейшие события, явившиеся переломными в истории.

Среди таковых – Вторая мировая война и, прежде всего, Великая Отечественная война как её судьбоносная для всех народов мира часть. События войны до сих пор являются «полем битвы» историков из разных стран, причём накал этой борьбы в последнее время только усиливается. Среди наиболее дискуссионных можно выделить: причины войны, роль СССР в Победе над врагом, роль Второго фронта во Второй мировой войне, значение поставок техники и продовольствия по ленд-лизу, результаты и последствия войны. Данные разногласия отражаются и в учебниках.

История изучения вопроса

В историографии представлен пласт исследований по вопросам сравнительного анализа содержания школьных

учебников. Учебниковедение в мире неоднократно пыталось доказать необходимость создания единого учебника истории, построенного на началах общечеловеческих ценностей. Однако все попытки разработки такого учебника оборачивались неудачей. Еще в 80-е гг. прошлого столетия была предпринята попытка создать единый учебник истории Европы. Казалось бы, нарождающиеся общеевропейские ценности, стремление европейских стран к интеграции должны были обеспечить успех этого учебника, однако он не получил признания педагогической общественности. В 90-е гг. страны Балтии выступили с инициативой создания общего для них учебника истории. Однако даже похожие линии судьбы этих стран, пафос борьбы с Россией не смогли дать признание этому учебнику в школах Латвии, Литвы и Эстонии.

Интерес к сравнительному исследованию учебников для школ разных стран в нашей стране возник относительно недавно – с распадом СССР и признанием плюрализма школьного образования. Российские исследователи учебников стали часто контактировать с представителями других стран. В 1994 г. в Институте международного изучения школьных учебников им. Георга Эккерта в Брауншвейге состоялась российско-германская конференция, посвященная сравнительному исследованию содержания современных российских и немецких учебников по истории и географии. В 1996 г. в Москве совместно с Московским институтом развития образовательных систем была проведена II Российско-германская конференция, посвященная анализу содержания учебного материала по истории второй половины XIX – начала XX вв. в российских и немецких учебниках.

Резолюцией конференции стало заявление о невозможности достичь полного согласия в трактовках событий истории авторами учебников, изданных в разных странах. П. Н. Зырянов отметил за-

метное изменение концептуального содержания отечественных учебников в сравнении с западными [3]. Причина этого – трансформация отечественной исторической науки и допущение многообразия исторических истин. Немецкий специалист в области учебниковедения Х. Д. Леве отметил многообразие подходов и суждений в российских учебниках [3]. Иные участники конференции отмечали множество безуспешных попыток авторов учебников в западных странах найти консенсус по ключевым событиям истории.

В 1997 г. в Брауншвейге состоялась III Германо-российская конференция «Преодолевая социалистическое прошлое», целью которой был заявлен анализ отражения послевоенной истории стран социалистического лагеря в учебниках. Участники конференции выделили ряд ключевых позиций, по которым авторы учебников не могут найти согласие: сущность социализма, роль СССР в поддержке социалистического движения, смысл доктрины «ограниченного суверенитета» и т. п.

Однако в науке пока немного исследований, посвященных сравнительному анализу отражения истории Великой Отечественной войны и в целом Второй мировой войны в учебниках.

Такое исследование было проведено Л. Н. Алексашкиной. Его результаты опубликованы в журнале «Преподавание истории и обществознания в школе» [1]. Автор акцентирует внимание, прежде всего, на структуре материала о войне и различиях в дидактических особенностях презентации материала, меньшее внимание уделяя содержательным аспектам.

В европейских странах основным центром научного дискурса о содержании учебников является немецкий журнал *Internationale Schulbuchforschung*. Журнал периодически презентует тематические выпуски по сравнительному содержанию материала разных периодов истории в школьных учебниках. Западные ученые

подробно исследовали различия в трактовках многих событий Второй мировой войны и отдельных проблем ее изучения: наступление немецкой армии в 1940–1941 гг., причины поражения Германии, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, вклад держав антигитлеровской коалиции в победу и др. Большинство авторов журнала отмечают значительные различия в трактовках ключевых событий истории в учебниках.

Совет Европы неоднократно принимал попытки проанализировать ключевые различия в трактовках исторических событий и на этой основе создать единый учебник [4; 6–8]. Однако все эти попытки также оказались тщетными и лишь констатировали серьезные разногласия в понимании истории даже в объединённой Европе.

Все вышеупомянутые сравнительные исследования были посвящены в основном анализу различий трактовок отдельных, частных вопросов войны. Поэтому на их основе довольно трудно составить целостную картину различий в парадигмах и концепциях Второй мировой войны, представленных в школьных учебных книгах разных стран, а также выделить определенный инвариант трактовок событий 1939–1945 гг.

Методология исследования

В настоящей статье представим результаты сравнительного исследования содержания материала о событиях 1939–1945 гг., и прежде всего, событий Великой Отечественной войны в отечественных и зарубежных школьных учебниках. Методология сбора эмпирического материала – качественный и количественный контент-анализ. Единицей количественного контент-анализа является объём материала о событиях войны в учебниках в общем объёме учебника по истории XX в. Цель такого контент-анализа – выяснить трансформацию представлений о значимости истории войны в учебниках в последние десятилетия.

Качественный контент-анализ направлен на расчёт популярности ведущих концепций войны в учебниках. Единица качественного контент-анализа – контекст оценок отражения ключевых событий войны в учебниках истории для школ.

Источниковедческая база исследования – 44 учебника истории, изданные в Германии, 34 учебника, вышедшие в свет в СССР и России с 1960 г. по настоящее время. Выбор источниковой базы из этого времени обусловлен тем, что только к 1960-м гг. в науке сложились концептуальные представления о войне, что отразилось на содержании школьных учебников.

Выделим ключевые события войны, которые являются предметом наибольшего интереса в исторической науке и школьных учебниках. К ним чаще всего относят:

- Мюнхенские соглашения;
- Пакт Молотова-Риббентропа;
- нападение гитлеровской Германии на Советский Союз;
- создание антигитлеровской коалиции;
- битву под Москвой;
- Сталинградскую битву;
- блокаду Ленинграда;
- вступление США в войну;
- открытие Второго фронта;
- разгром немецко-фашистских войск и окончание войны.

Результаты исследования

Материал о Второй мировой войне занимал важнейшее место в учебных планах и школьных учебниках Советского Союза. Среди исторических событий 1939–1945 гг. особое место принадлежало изучению подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Это подтверждается данными контент-анализа учебников советской эпохи. Учебный материал по Великой Отечественной войне в школьных учебниках советского периода занимал 18,02% в общем объёме

текста учебников по истории Отечества в XX в. Это подчеркивало важнейшую роль и особое влияние событий Великой Отечественной войны на весь дальнейший ход исторического процесса.

В конце 80-х – начале 90-х гг. внимание к истории Великой Отечественной войны несколько возрастает – до 22 % учебного времени по отечественной истории XX в. посвящается событиям 1941–1945 гг. Особое место занимает учебник, изданный в 1990 г. коллективом авторов под руководством В. П. Островского. В нем 46,8% места уделено событиям Великой Отечественной войны (при этом следует учитывать, что данная учебная книга ведет свое повествование не с начала XX в., а с 1939 г.). Возрастание интереса к истории Великой Отечественной войны связано прежде всего с переоценкой некоторых событий, а также с открытием значительного числа ранее неизвестных и умалчивавшихся страниц войны в историографии, в частности, положение на оккупированных территориях, факты коллаборационизма, особенно в национальных окраинах и т. п. Однако при этом отмечено некоторое падение внимания к изучению Второй мировой войны в курсе всеобщей истории: учебники истории зарубежных стран XX в. в среднем всего 4,9% своего объема уделяют рассмотрению событий 1939–1945 гг.

Интерес к истории Второй мировой войны немного снижается в 90-е гг. – до 14,3%. В 2010-е гг. наметилось заметное повышение интереса к истории 1939–1945 гг., прежде всего, к событиям Великой Отечественной войны: материал о войне занимает более 19% от всего курса истории XX в.

Немецкие учебники 60–90-х гг. рассмотрению событий Второй мировой войны уделяли значительно меньшее внимание – не более 5–6% в общем объеме материала по истории XX в. При этом значительная часть событий на Восточном фронте войны вообще не получила от-

ражения в учебниках: это блокада Ленинграда, Сталинградская битва и др. Данные показатели практически не изменились и современных немецких учебниках.

Подходы к отбору содержания изучаемого материала по Второй мировой войне в советских и немецких учебных книгах довольно различны. Немецкие учебники содержат очень мало фактического материала о сражениях Второй мировой войны (менее половины объема главы, посвященной истории 1939–1945 гг.), основное внимание уделяя детальному анализу военных планов Гитлера, внутреннему положению Германии, положению немецких солдат на фронте, а также сущности немецкого оккупационного режима. В немецких учебниках по Второй мировой войне чаще всего приводится всего одна, максимум две карты хода военных действий. Однако довольно значительное место занимают выдержки из воспоминаний немецких солдат, документы немецкого правительства. В отечественных учебниках значительно большее внимание уделяется изучению хода военных действий, сражений Второй мировой войны – почти 80% изучаемого материала. Об этом свидетельствует значительно большее число карт и схем сражений.

Проанализированные школьные учебники ФРГ в сравнении с отечественными отличаются значительно большим вниманием к социальной истории, жизни людей в тылу, в оккупации. В немецких учебниках данной теме посвящены по несколько параграфов в одной главе по Второй мировой войне, таких, например, как «История Холокоста», «Немецкий оккупационный режим», «Жизнь на оккупированных территориях» и т. п.

Немецкие учебники за последние десятилетия не презентуют серьезных трансформаций в освещении войны. Во многом причиной этого является преемственность развития Федеративной Республики Германии в эпоху «холодной войны» и современной Германии. Вместе

с тем некоторые изменения, которые касаются освещения Мюнхенских соглашений, пакта Молотова-Риббентропа, значения фронтов в войне выделить можно.

Авторы всех немецких учебников довольно подробно освещают международные отношения в предвоенный период. Отмечая содержание и сущность Мюнхенских соглашений, немецкие авторы рассматривают ее в рамках политики умиротворения Гитлера, не являвшейся непосредственно толчком к развязыванию войны. Оценки пакта Молотова-Риббентропа в немецких учебниках своеобразны. С одной стороны, договор 23 августа 1939 г. и секретные приложения к нему не являются предметом острой критики. С другой стороны, некоторые авторы подчеркивают связь советско-германских соглашений и принятия Гитлером окончательного решения о вторжении в Польшу, что и явилось началом Второй мировой войны. Особенно это характерно для учебных книг, изданных в эпоху «холодной войны».

Авторы немецких учебников не рассматривают отдельно ответственность Италии и Японии за начало войны. Поскольку эти страны входили в ось «Берлин – Рим – Токио» и были союзниками Германии, их вина за развязывание войны в учебной литературе представляется очевидной и поэтому не подлежащей обсуждению.

С проблемой ответственности за развязывание войны связан вопрос о сущности предвоенной политики держав. Политика западных держав (США, Англии, Франции) в немецких учебниках рассматривается в рамках политики умиротворения Гитлера и не оценивается как экспансионистская. Оценки внешнеполитических действий Советского Союза в немецких учебниках более противоречивы. С одной стороны, ни в одной учебной книге политика СССР открыто не трактуется как захватническая. Однако большинство авторов немецких учебников трактуют ввод советских войск в Польшу

17 сентября 1939 г. как вторжение и ее захват подобно вторжению гитлеровской армии двумя с половиной неделями ранее.

Важнейшей особенностью содержания материала о Второй мировой войне в немецких школьных учебных книгах является также представление об экспансионистской сущности политики СССР и во время войны, прежде всего в годы освобождения европейских стран.

Яркой чертой содержания материала о Второй мировой войне в немецких учебниках являются трактовки причин поражения немецкой армии. Авторы большинства немецких школьных пособий определяют «начало конца» гитлеровских войск – поражение под Москвой и отмечают, что основной причиной неудач немецкой армии явилась неблагоприятная зимняя погода и сильные морозы.

Авторы немецких учебников не обходят стороной освещение вопроса о роли второго фронта. В большинстве учебных книг Германии советско-германский фронт признается основным, события на котором определили победный для союзников исход войны. Наиболее отчетливо позиция авторов немецкой учебной литературы по вопросу о роли фронтов в войне проявляется в отстаивании ими теории «поворотных пунктов». Сущность данной проблемы состоит в поиске ответа на вопрос: какое событие в ходе Второй мировой войны можно считать решающим, переломившим ход военных действий. Следует отметить, что в отечественной историографии и содержании учебных книг данная проблема занимает важное место и трактуется как «коренной перелом». В немецких учебниках поворотным пунктом войны определяются неудачные для гитлеровских войск боевые действия под Сталинградом.

Довольно большое внимание немецкие учебники уделяют анализу итогов войны, прежде всего политическому переустройству мира, новым границам государств. Так, например, более 10%

материала по Второй мировой войне посвящено созданию, структуре и цели деятельности ООН, результатам войны в военном, политическом, экономическом отношении.

Авторы всех советских учебников подчеркивали справедливый характер войны для СССР. Использование «ярлыков» не только в отношении государств-агрессоров, но и других участников войны является отличительной особенностью советских учебников. Характеризуя позицию и цели правительств Великобритании, США и Франции в предвоенный период и в годы войны, авторы советской учебной литературы часто именовали их «империалистической группировкой», «империалистами». Эмоциональные оценочные характеристики политики государств, «ярлыки» были неотъемлемой чертой любого советского учебника истории.

Большое внимание в учебниках советского периода уделено анализу причин войны. Все учебные книги, изданные до середины 1980-х гг., однозначно называли основной причиной войны противоречия империализма. Современные российские учебники в большей степени акцентируют внимание на единоличной ответственности Гитлера, а также правящих кругов Японии и Италии за развязывание войны.

В учебниках, изданных с начала 1990-х гг., пересмотрены многие концепции Второй мировой войны, популярные в советских учебных книгах. И прежде всего это касается оценок предвоенной политики ведущих мировых держав и начального этапа войны. В большинстве российских учебников приведены материалы о сущности пакта о ненападении, а также о содержании секретных приложений к нему. Однако оценка договора 23 августа 1939 г. и секретных приложений довольно противоречива. Учебники 1990-х гг. отмечают тот факт, что действия Германии в сентябре 1939 г. в отношении Польши были в немалой

степени обусловлены содержанием секретных приложений к пакту. Все учебники отмечают вступление советских войск в Западную Белоруссию и Украину, принадлежавшие Польше, также согласно секретным договоренностям 23 августа 1939 г.

Во всех российских учебных книгах, изданных после 2000 г., также содержится материал о содержании пакта о ненападении и секретных приложений к нему. Однако его оценки однозначны: подписание пакта и секретных приложений явилось для СССР неизбежным шагом и дало возможность Советскому Союзу выиграть время, а также избежать войны на два фронта.

В оценке роли восточного и западного театра военных действий большинство авторов российских учебников не противоречат советским, отмечая особую значимость событий на советско-германском фронте. Освещение итогов войны в российских учебниках соответствует концепции решающего вклада СССР в победу над фашизмом.

Переходя к обсуждению полученных результатов, необходимо отметить, что достигнуть единообразия в трактовках войны в школьных учебниках России и зарубежных стран очень непросто и в этом нет необходимости. Одна из основных причин расхождения в трактовках и оценивании исторических событий, в том числе и Второй мировой войны, кроется в подходе большинства научных школ к анализу исторического материала с позиций этноцентризма.

Отечественные и зарубежные учебники, изданные как в эпоху «холодной войны», так и за последние два десятилетия, отличаются противоречиями в трактовках событий Второй мировой войны, поскольку их содержание основано на противостоящих друг другу парадигмах западной и отечественной науки. Анализ динамики содержания зарубежных и российских школьных учебных книг не позволяет говорить об их сближении.

В настоящее время можно обозначить несколько направлений конструктивного диалога отечественных и зарубежных учёных при конструировании содержания школьных учебников. Прежде всего, это согласование позиций по вопросам крупнейших мировых событий, в которых Россия и страны Запада находились «по одну сторону баррикад». К примеру, в отношении Второй мировой войны это

история антигитлеровской коалиции, освобождение Европы и т. д. Кроме того, диалог возможен по вопросам согласования оценок роли государств в войне, значения фронтов, трактовок крупнейших сражений войны на основе статистических данных без «ярлыков» и радикализма в оценках.

Статья поступила в редакцию 02.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашкина Л. Н. Школьные учебники истории: тенденции и перспективы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2001. № 10. С. 28–34.
2. Замостьянов А. Н. Изменчивая Клио (Предназначение учебника истории: дискуссия продолжается) // Народное образование. 2004. № 6. С. 220–222.
3. Россия (1856–1917) и Германия (1871–1918): две империи в историографии и школьных учебниках: сборник статей. М.: МИРОС, 2017. 240 с.
4. Against bias and prejudice. The Council of Europe's work on history teaching and history textbooks. Strasbourg: Council of Europe, 1995. 231 p.
5. Bergmann K., Bernlochner L., Brixius R. et al. Geschichte und Geschehen, A4: Geschichtliches Unterrichtswerk fuer die Sekundarstufe. Stuttgart: Klett, 2017. 298 S.
6. Browning C. R. Ganz normale Manner: Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die "Endlosung" in Polen. Reinbeck, 1993. 321 S.
7. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. 278 S.
8. Eubank K. The origins of World War II. N. Y., 1969. 345 p.
9. History teaching and the promotion of democratic values and tolerance: A handbook for teachers. Strasbourg: Council of Europe, 1996. 320 p.

REFERENCIES

1. Aleksashkina L. [School history books: trends and prospects]. In: *Prepodavaniye istorii i obshchestvoznaniya v shkole* [Teaching history and social studies at school], 2001, no. 10, pp. 28–34.
2. Zamostyanov A. [The Changing Clío (The Purpose of a History Textbook: Discussion Continues)]. In: *Narodnoye obrazovaniye* [Public Education], 2004, no. 6, pp. 220–222.
3. Rossiya (1856–1917) i Germaniya (1871–1918): dve imperii v istoriografii i shkol'nykh uchebnikakh: sbornik statey [Russia (1856–1917) and Germany (1871–1918): two empires in historiography and school textbooks: a collection of articles]. Moscow, MIROS Publ., 2017, 240 p.
4. Against bias and prejudice. The Council of Europe's work on history teaching and history textbooks. Strasbourg, Council of Europe, 1995, 231 p.
5. Bergmann K., Bernlochner L., Brixius R. et al. *Geschichte und Geschehen, A4: Geschichtliches Unterrichtswerk fuer die Sekundarstufe* [History and events, A4: Historical educational work for the secondary school], Stuttgart, Klett Publ., 2017, 298 p.
6. Browning C. R. *Ganz normale Manner: Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlosung» in Polen* [Ordinary men: Reserve Police Battalion 101 and the «Endlosung» in Poland]. Reinbeck, 1993, 321 p.
7. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* [The German Reich and the Second World War]. Stuttgart, 1983, 278 p.
8. Eubank K. The origins of World War II. N. Y., 1969, 345 p.
9. History teaching and the promotion of democratic values and tolerance: A handbook for teachers. Strasbourg, Council of Europe, 1996, 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, директор историко-филологического института Московского государственного областного университета;
e-mail: anfuks20@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr N. Fuks – Dr. Sci. (History), Director, Historical and Philology Institute, Moscow Regional State University;
e-mail: anfuks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods for Teaching History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукс А. Н., Ковригин В. В. Трансформация подходов к освещению Второй Мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 33–41.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-33-41

FOR CITATION

Fuks A., Kovrigin V. Transformation of approaches to coverage of the Second World War in Russian and foreign school textbooks. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 33–41.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-33-41

УДК 930.253

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-42-55

ОБРАЗ ПОБЕДИТЕЛЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Липатова К. Ю.*Центральный государственный архив Московской области
117452, г. Москва, ул. Азовская, д. 17, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью работы является рассмотрение условий формирования образа соотечественника посредством изучения документов личного происхождения.

Процедура и методы исследования. Основное содержание статьи составляет анализ состава нескольких личных фондов и коллекций, находящихся на хранении в ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области» с использованием логического, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов.

Результаты исследования. Возможно использование документов личного происхождения как самостоятельного исторического источника для рассмотрения такой важной темы, как формирование образа соотечественника.

Теоретическая/практическая значимость. Исследование знакомит с возможностью решения актуальных задач патриотического воспитания и формирования гражданского сознания посредством изучения документов личного происхождения.

Ключевые слова: личный (архивный) фонд, историческая память, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война

IMAGE OF THE WINNER IN PERSONAL ARCHIVAL DOCUMENTS

K. Lipatova*Central State Archive of the Moscow region
17 Azovskaya ul., Moscow 117452, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To consider the potential for reconstructing the formative experiences of a compatriot by studying personal documents.

Methodology and Approach. The author analyzes the structure and contents of several personal funds and collections stored at the Central State Archives of the Moscow Region. The historical, logical, problem-chronological, and comparative-historical methods are used.

Results. The study confirms the utility of personal documents as an independent historical source for review in analyzing the formation of the image of a compatriot.

Theoretical and/or Practical Implications. This work introduces a possible solution to the topical problems of studying an individual's patriotic education and formation of civil consciousness in the study of personal documents.

Keywords: personal funds, patriotic education, Great Patriotic war, victory, winner

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном мире в последние годы становится уже привычным проведение на мировом уровне политики по лишению Советского Союза статуса победителя во Второй мировой войне, по умалению заслуг советского народа в избавлении мира от фашистской угрозы.

Восстановление исторической справедливости, защита статуса России как наследницы страны-победителя во Второй мировой войне, пропаганда недопустимости уничтожения подвига советского народа во время Второй мировой войны ради спасения своей Родины и освобождения захваченных фашистской Германией стран – вопросы, которые требуют освещения и решения как на правительственном уровне, так и на личностном – уровне формирования гражданской позиции каждого члена нашего общества.

Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО) проводит определённую работу по решению вышеуказанных вопросов в рамках основных направлений своей деятельности по использованию, комплектованию и обеспечению сохранности документов. Сотрудники ЦГАМО находятся в постоянном поиске новых форм и методов работы по освещению памятных дат и знаменательных событий истории Московской области. Великая Отечественная война, бесспорно, занимает особое место в проведении этой работы.

Тема Великой Отечественной войны в целом достаточно изучена, роль в войне Московской области, участие москвичей и жителей Подмоскovie, деятельность подмосковных предприятий, подпольная и партизанская борьба – всё это неоднократно и в различных ракурсах находило своё отражение в научных трудах и популярной литературе, публицистике.

В 2016 г. Главным архивным управлением Московской области был выпущен сборник документов в двух томах¹, в ко-

тором представлен значительный массив документов, прежде не публиковавшихся.

Автор предисловия к вышеуказанному сборнику А. Э. Ларионов отмечает, что ранее всего рассматривались и анализировались собственно военные события на территории Московской области. С течением времени ситуация начинает меняться. Ряд ведущих советских военных историков посвящают свои труды истории Московской битвы. Особый акцент делался на массовом героизме бойцов и командиров Красной армии, героях партизанского и подпольного движения, руководящей роли Коммунистической партии².

Наименее изученным вопросом является увековечение памяти о войне в общественном сознании. Исследования в области мемориализации только начинают приобретать популярность среди историков³. На данный момент, в условиях непрекращающихся нападков мирового сообщества на Россию как наследницу страны-победителя во Второй мировой войне, вопросу формирования исторических образов в национальном сознании необходимо уделить особое внимание.

Целью данного исследования является рассмотрение возможности формирования образа Победителя, участника Великой Отечественной войны, нашего соотечественника, посредством изучения документов личного происхождения.

Для достижения поставленной цели в настоящей статье решаются следующие задачи:

- определение списка личных фондов и коллекций, содержание которых отражает заявленную тему исследования;
- характеристика, анализ структуры и состава документов личных фондов и коллекций, отобранных для изучения;
- отбор документов для формирования тематических групп документов;

беды: свидетельства, документы, материалы / Отв. ред.-сост. Ю. Н. Герасимова. М.: Подмоскovie, 2016. Т. 1–2.

² Там же. Т. 1. С. 8, 9.

³ Там же. Т. 1. С. 11.

¹ Московская битва – народный подвиг во имя по-

- проведение анализа отобранных документов;
- формирование тематических групп документов;
- рассмотрение отобранных документов в рамках каждой тематической группы;
- обобщение содержания рассмотренных документов.

При написании статьи из общенаучных методов исследования были использованы исторический и логический. Из специальных исторических методов в исследовании были использованы и проблемно-хронологический, и сравнительно-исторический. Применение проблемно-хронологического метода помогло выделить для изучения один аспект обширной темы Великой Отечественной войны. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие признаки у рассматриваемых документов, что сделало возможным разделить документы на тематические группы.

При проведении исследования рассматриваемые документы были разделены на три тематические группы: защитник Родины, боец Красной армии; участник партизанского и подпольного движения; женщина в военное время. Указанные темы освещаются посредством ответов на следующие вопросы: каким человеком был защитник Родины, боец Красной армии, какие настроения у него были, как он проявил себя в бою; что за люди были партизаны и подпольщики, чем помогли они Красной армии в победе над врагом; что означает такой феномен, как массовое участие женщин в Великой Отечественной войне.

Предполагается, что раскрытие этих тем, представление образа Победителя, нашего соотечественника, поможет нашим современникам осознать сопричастность к совершённом подвигу через документы личного происхождения, которые образуются в процессе жизни каждой семьи; обозначат необходимость защиты исторической правды и памяти

о Второй мировой войне, как о событии, которое так или иначе коснулось каждого из нас.

Источниковой базой для проведения исследования стали документы некоторых личных фондов и коллекций, находящихся на хранении в ЦГАМО.

Документы личного происхождения – документы, образовавшиеся в процессе деятельности отдельных лиц, содержат редкие, порой уникальные источники, раскрывающие те стороны жизни общества, которые не фиксируются в официальной документации.

Среди источников личного происхождения особое место занимают источники личного происхождения времён Великой Отечественной войны, что обусловлено не только спецификой исторических условий, в которых они создавались, а и тем, что влияние событий Великой Отечественной войны особым образом отразилось на индивидуальном и массовом сознании всего населения нашего общества, и источники личного происхождения отражают черты этого сознания во всей его многогранности и противоречивости. Мы имеем исключительную возможность изучать неповторимые особенности человеческой индивидуальности, познавать эти личности как представителей определённой эпохи, увидеть восприятие исторических событий через призму личностного отношения к ним. Одновременно вырисовывается образ этого человека, участника или очевидца тех или иных исторических событий.

На хранении в ЦГАМО находится значительный массив документов личных фондов и коллекций, в составе которых имеются документы о Великой Отечественной войне. В данной статье описан комплекс документов участников Великой Отечественной войны – военных деятелей, партийных, советских, хозяйственных работников, участников подпольного, партизанского движений.

Ф. 340. Овчинников Алексей Николаевич – генерал-майор. В 1941 г. А. Н. Ов-

чинников в составе кавалерийского корпуса принимал участие в битве под Москвой, в дальнейшем занимал ряд командных должностей. Документы личного фонда поступили на хранение в ЦГАМО в 1979 г., в результате научно-технической обработки было сформировано 12 дел¹. Основная часть документов личного фонда представляет собой воспоминания А. Н. Овчинникова о советской коннице², о 4-й гвардейской кавалерийской дивизии³, о битве под Москвой⁴. Очень ценными источниками являются фронтовые дневники⁵ и записная книжка⁶ А. Н. Овчинникова, которые он вёл в годы войны.

Ф. 392. *Афанасьев Семён Петрович – партийный и советский работник.* В 1941–1942 гг. – секретарь Дмитровского подпольного окружкома ВКП (б). В 1946–1950 гг. – заместитель министра государственного контроля СССР. В 1950–1952 гг. – председатель исполкома Мосооблсовета депутатов трудящихся⁷. Документы личного фонда поступили на хранение в 1981 г., после проведения научно-технической обработки была составлена опись на 145 дел. В личном фонде содержатся ценные документы по истории партизанского движения в Подмоскovie в 1941–1942 гг.: расписки о сдаче оружия⁸, записная книжка с записями явок и паролей партизанского отряда⁹, присяга партизана¹⁰, списки партизан и подпольщиков Дмитровского окружкома ВКП(б)¹¹, а также справки, доклады о деятельности партизанских отрядов¹².

Ф. 430. *Коллекция документов, собранных членами президиума Совета*

ветеранов 1-й Ударной армии, г. Москва. 1-я Ударная армия была сформирована 1 декабря 1941 г. в ходе боёв за Москву. В её состав входило 8 стрелковых бригад, одна стрелковая дивизия, 19 лыжных батальонов, армейский артиллерийский полк, полк связи, танковый батальон, дивизион реактивных минометов, инженерные и транспортные части и некоторые подразделения и части тыла. Командующим 1-й Ударной армии был назначен генерал В. И. Кузнецов. Перед армией стояла задача остановить наступление на Москву на направлении Клин – Яхрома – Дмитров. Ценой больших потерь и массового героизма советских воинов план врага обойти Москву с севера был сорван, а контрудары 1-й Ударной и 20-й армий позволили советским войскам перейти в контрнаступление в начале декабря. После завершения боёв под Москвой 1-я Ударная армия была передислоцирована под Старую Руссу, где в течение двух лет скопывала значительные силы противника. С весны 1944 г. в составе 2-го и 3-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов участвовала в крупных наступательных операциях, освободив северо-западные регионы РСФСР, Эстонию и Латвию.

В 1965 г. генерал-лейтенант Ф. Я. Лисицын предложил объединить ветеранов 1-й Ударной армии в одну общественную организацию, и 21 ноября 1971 г. был официально зарегистрирован Совет ветеранов 1-й Ударной армии. Его первым председателем стал генерал-лейтенант Я. С. Колесов, а с 1978 г. – генерал-лейтенант Ф. Н. Лисицын. Документы Совета ветеранов 1-й Ударной армии стали поступать на хранение в ЦГАМО в 1984 г. от членов президиума, ветеранов армии¹³. Фонд состоит из 182 дел и включает в себя: документы по истории 1-й Ударной армии; документы о деятельности Совета ветеранов, тексты выступлений; списки ветеранов; вырезки из газет со статьями о ветеранах; фотографии ветеранов, в т. ч. военных лет. Ценнейшими истори-

¹³ ЦГАМО. Ф. 430. Историческая справка

¹ ЦГАМО. Ф. 340. Предисловие к описи

² ЦГАМО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 5.

³ ЦГАМО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 6.

⁴ ЦГАМО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 7.

⁵ ЦГАМО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1.

⁶ ЦГАМО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 2.

⁷ ЦГАМО. Ф. 392. Предисловие к описи

⁸ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 28.

⁹ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 29.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 30.

¹¹ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 32.

¹² ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. ДД. 33, 34, 36, 38.

ческими источниками в составе фонда являются воспоминания ветеранов 1-й Ударной армии о битве за Москву.

Ф. 819. *Журавлёв Даниил Арсентьевич – военный деятель*. В марте 1941 г. Д. А. Журавлёв был назначен командиром первого корпуса противовоздушной обороны (ПВО), который защищал воздушное пространство от налётов немецкой авиации. С 1942 г. – командующий Московским фронтом ПВО, которым командовал до 1944 г. В последующие годы командовал Западным фронтом ПВО, был первым заместителем командующего войсками ПВО страны¹. Документы личного фонда Д. А. Журавлёва поступили на хранение в ЦГАМО в 1983 г., в результате научно-технической обработки была составлена опись на 154 дела. Фонд состоит из документов служебной и общественной деятельности, рукописей воспоминаний, личных документов. Наибольший интерес в составе личного фонда представляют воспоминания, фотографии и другие документы о битве под Москвой, об участии женщин в обороне Москвы², о войсках ПВО страны, к которым относятся, например, несколько вариантов книги воспоминаний Д. А. Журавлёва «Огневой щит Москвы»³.

Ф. 953. *Стрельбицкий Иван Семёнович – военный деятель, генерал-лейтенант*. В начале Великой Отечественной войны И. С. Стрельбицкий командовал Отдельной противотанковой бригадой резерва Верховного командования. В сентябре 1941 г. назначен командиром Подольского артиллерийского училища. В 1943 г. командовал артиллерией 2-й гвардейской армии. В послевоенное время работал заместителем командующего бронетанковыми войсками Советской армии по самоходной артиллерии⁴. Документы личного фонда И. С. Стрельбицкого поступили на хранение в ЦГАМО

в 1982–1983 гг., в результате научно-технической обработки была составлена опись на 659 дел. Основную массу документов личного фонда составляют воспоминания и документы, собранные И. С. Стрельбицким для своих трудов, которые включают в себя как теоретические работы, доклады и выступления, так и его воспоминания, значительную часть которых составляют материалы об участии подольских курсантов в битве под Москвой: исторические справки о Подольских пехотном и артиллерийском училищах⁵; боевые донесения о действиях училищ в обороне Москвы⁶; разрозненные фрагменты рукописного журнала курсантов, посвящённого обороне Москвы⁷; схема выхода из окружения 6-й батареи⁸; групповая фотография курсантов у спецшколы⁹; списки курсантов училища, принимавших участие в обороне Москвы¹⁰; рукописный журнал о боевом пути училища за 1941–1946 гг.¹¹. Материалы переписки И. С. Стрельбицкого включают в себя более 300 дел, это, прежде всего, письма бывших подольских курсантов, в которых содержатся автобиографии, воспоминания, фотографии и другие документы бойцов. Все эти документы могут послужить ценнейшим источником для изучения первого периода Московской битвы. Также следует отметить собранные И. С. Стрельбицким вырезки из газет и журналов о битве под Москвой.

Ф. 2623. *Коллекция документов по истории Московской области, отложившихся в деятельности секретаря Московского комитета ВКП(б) Чернусова Бориса Николаевича – советского государственного и партийного деятеля, в годы Великой Отечественной войны занимавшего должность второго секре-*

¹ ЦГАМО. Ф. 819. Предисловие к описи

² ЦГАМО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 13.

³ ЦГАМО. Ф. 819. Оп. 1. ДД. 66, 67.

⁴ ЦГАМО. Ф. 953. Предисловие к описи

⁵ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 16.

⁶ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 17.

⁷ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 18.

⁸ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 19.

⁹ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 20.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 21.

¹¹ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 22.

таря Московского обкома ВКП(б)¹. Документы поступили на хранение в ЦГАМО в 1992 г., прошли научно-техническую обработку, в результате которой была составлена опись на 33 дела. В составе фонда имеются материалы об ущербе, нанесённом Московской области немецкими захватчиками; о состоянии промышленности Московской области в военные годы и в годы первой послевоенной пятилетки; о служебной деятельности Б. Н. Черноусова; подборка газетных публикаций времён Великой Отечественной войны со статьями Б. Н. Черноусова об освобождении Московской области, восстановлении народного хозяйства. Особенно ценны в составе фонда документы по истории партизанского движения на территории Московской области: отчёты, докладные записки с подробным описанием боевых операций, проведённых партизанскими отрядами, справки о боевой деятельности партизан-героев².

Ф. 3713. *Ривольская Вера Михайловна – участница партизанской борьбы в Московской области в период Великой Отечественной войны, журналистка*. В октябре 1941 г. В. М. Ривольская была направлена Московским комитетом ВКП(б) на работу в Северный Дмитровский подпольный окружком. В июне 1944 г. окончила Центральные курсы газетных работников и решением ЦК ВКП(б) была направлена на работу в редакцию газеты «Правда», работала собственным корреспондентом в выездной редакции газеты «Правда» в Донбассе, по Днепропетровской и Запорожской, затем – Полтавской и Кировградской областям³. В составе личного фонда В. М. Ривольской – 5 дел, среди которых: автобиография⁴, дневник воспоминаний о начале Великой Отечественной войны, о подпольной работе в Северном Дмитровском подпольном

окружком⁵, фотографии В. М. Ривольской и соратников по подполью. Данный фонд интересен при изучении деятельности подполья в годы войны, участия женщин в Московской битве, военной повседневности Дмитровского района и г. Дмитрова.

Рассматриваемые документы были разделены на следующие тематические группы: защитник Родины, боец Красной армии; участник партизанского и подпольного движения; женщина в военное время.

Тематическая группа документов «Защитник Родины, боец Красной армии» даёт представление о том, каким человеком он был, какие настроения у него были, как он проявил себя в бою.

Хотелось бы сразу отметить очень пронзительный по своему содержанию в составе личного фонда И. С. Стрельбицкого написанный им очерк «12 дней одного года»⁶, который был опубликован в журнале «Юность» в 1966 г. В этом очерке И. С. Стрельбицкий описывает события октября 1941 г., участником которых был он сам, ожесточенные бои в районе посёлка Ильинское и беспримерный подвиг комсомольцев-курсантов в битве под Москвой: «Мне пришлось повоевать. Четыре войны. В последней я узнал всё: попадал в окружения и выходил из них, отступал, наступал, участвовал в битвах, равных которым не было в истории человечества <...> Но когда меня спрашивают, что запомнилось больше всего, отвечаю, не колеблясь: те несколько октябрьских дней, когда горстка юношей остановила рвавшиеся к Москве части немецкого 57-го моторизованного корпуса. <...> Мощная, обладающая огромной инерцией гитлеровская военная машина, броневой кулак из сотен новейших танков, на пути которого всё выпаживалось бомбами, снарядами, минами, сзади подпираемый тысячами и тысячами опытных, увешанных автоматическим

¹ ЦГАМО. Ф. 2623. Предисловие к описи

² ЦГАМО. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 7.

³ ЦГАМО. Ф. 3713. Предисловие к описи

⁴ ЦГАМО. Ф. 3713. Оп. 1. Д. 1.

⁵ ЦГАМО. Ф. 3713. Оп. 1. Д. 3.

⁶ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 79.

оружием солдат, – эта машина вдруг забуксовала, остановленная старенькими пушчонками, которые можно было по пальцам перечесать, “максимами” и трёхлинейными винтовками. Впрочем, необходимая деталь: винтовки были в руках у московских и подмосковных комсомольцев; они же стояли у пушек. И чудо свершилось. Чудо свершили они».

И. С. Стрельбицкий вспоминал, что когда он был назначен начальником Подольского артиллерийского училища, в первый же день его поразила какая-то детскость лиц многих курсантов, большинству из этих ребят было 17–18, реже 20 лет.

«Через несколько дней я с этими ребятами дрался плечом к плечу и ходил в атаку вместе с ними. Ни до этого, ни после я ничего подобного не видел. Хорониться от пуль? Оглядываться на товарищей? Но ведь у каждого на устах одно: “ЗА МОСКВУ!”. Они шли в атаку так, словно всю предыдущую жизнь ждали именно этого момента. Это был их праздник, их торжество. Они мчались стремительно – не остановишь ничем! – без страха, без оглядки. Пусть их было немного, но это была буря, ураган, способный смести со своего пути всё».

И. С. Стрельбицкий описывает и героический подвиг командира батареи комсомольца лейтенанта Алёшкина: «Этот дот замаскировали очень искусно: по виду обычный крестьянский дом, но внутри сруба был железобетонный артиллерийский полукапони́р. Дот Алёшкина считался одним из самых результативных. Его гарнизон уничтожил несколько танков и не меньше сотни фашистов. Гитлеровцы никак не могли обнаружить этот дот, и потому, случалось, алёшкинцы расстреливали врага даже в спину».

Так пишет И. С. Стрельбицкий об этих вчерашних «сынках», как он сам их называл, уже на пятые сутки, когда курсанты отошли на главный рубеж – Ильинский боевой участок: «И вот ребята проходят по мосту через речку Вы-

прейку. Из-под пилоток, из-под шинелей – бинты, бинты, бинты... Воспалённые глаза, почерневшие лица. Каждому из них сейчас можно дать, по крайней мере, тридцать лет. Валяются с ног от усталости, но держатся. Какая-то уверенность и лихость в них появилась».

В составе личного фонда А. Н. Овчинникова отложились воспоминания о командире 2-го гвардейского кавалерийского корпуса Л. М. Доваторе¹: «Конец ноября 1941 года. Идут упорные тяжёлые бои под Москвой. Ленинградское шоссе. Район Крюкова. 4-я гвардейская кавдивизия отрезана от своих. Но немца надо сдержать, обескровить, измотать, выиграть время, и 29 ноября 1941 г. Доватор приказывает дивизии еще сутки держаться в тылу, держать немцев, не отдавать кусок этого шоссе, которое мы ещё удерживаем. Он не только был настойчив и решителен, но он, как я теперь понимаю, верил людям, верил всем нам, знал, что мы готовы и беспрекословно будем защищать нашу Родину».

Свои собственные переживания А. Н. Овчинников описывает в дневнике², который вёл в годы войны, так: «Положение страны тяжёлое, даже очень тяжёлое, но мы верим в победу нашу, мы верим в наши силы и должны добиться победы. Победу надо ковать, добывать тяжёлым трудом и кровью. <...> Мне ещё пока везёт. Сегодня это было испытано не один раз. Что же, и на том спасибо войне. Я хочу дожить до победы и готов драться до конца. Пусть осколки и пули летают мимо, им совсем не обязательно попадать в каждого».

В годы войны Москва постоянно подвергалась бомбардировкам, которые мужественно отражали бойцы войск противовоздушной обороны (ПВО) и воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Защищал воздушное пространство над Москвой от налётов немецкой авиации 1-й корпус ПВО, командиром

¹ ЦГАМО. Ф. 340. Оп.1. Д. 3.

² ЦГАМО. Ф. 340. Оп.1. Д. 1.

которого был назначен Д. А. Журавлёв. В докладе «Красная армия – армия мстителей за насилия, унижения, причиняемые немецко-фашистскими поддельцами нашим братьям и сёстрам в оккупированных районах нашей Родины»¹ Д. А. Журавлёв так пишет о задачах бойца ПВО: «Наша любовь к Родине и ненависть к врагу должны находить своё выражение в том, чтобы не пропустить к столице ни одного фашистского стервятника. Ненавидеть врага – это значит быть бдительным, иметь ежесекундную боевую готовность, своевременно распознавать и бить врага без промаха. Ненавидеть врага – это значит любить своё оружие, быть мастером своего дела. Добиться чёткости и слаженности в работе, сбивать фашистских стервятников с первого залпа. Ненавидеть врага – это значит бить фашистские самолеты наверняка, не отгонять их, а истреблять метким огнём. Мы должны мобилизовать все силы на дальнейшую борьбу за выполнение приказа № 95 товарища Сталина и приказов Командования фронтом. Наша задача сделать неприступными для врага воздушные подступы к столице, обеспечить нормальную деятельность трудящихся Москвы, которые отдадут все свои силы на дело разгрома врага. Надо неустанно повышать дисциплину, организованность и порядок в наших рядах. В разгорающейся борьбе с коварным врагом нам предстоят еще тяжёлые и суровые испытания. Нет места беспечности и благодушию. Крепче сожмём наше боевое оружие, будем владеть им уверенно и искусно. Оно служит священному делу расплаты с врагом, уничтожению немецких оккупантов. Будем совершенствовать наше воинское умение – бить противника наверняка. Это необходимо для того, чтобы наша месть врагу была полной и неотвратимой. Будем неустанно готовить новые сокрушительные удары по врагу, будем бить врага до полной победы!».

О настроениях бойцов войск противовоздушной обороны Москвы расска-

зывает ефрейтор Ф. Грудин в своих воспоминаниях «Стоять насмерть»², которые отложились также в фонде Д. А. Журавлёва: «Ничто так не придаёт стойкости в бою, как ненависть к гитлеровским мерзавцам, залившим кровью нашу родную землю. Мы шли по местам, освобождённым от фашистских изуверов. Мы видели следы их бандитского разгула – сожжённые улицы селений, взорванные водокачки, разграбленные и разрушенные дома. Мы слушали жуткие рассказы очевидцев об издевательствах немецких громил над нашими женщинами, стариками, детьми, и горячая ненависть прилиwała к сердцу. <...> Трудно передать словами, как нам хотелось отомстить проклятым гадам! Мы с нетерпением ждали подходящего боя».

Содержание следующей тематической группы документов – «Участник партизанского и подпольного движения» – даёт представление о том, что за люди были партизаны и подпольщики, чем помогли они Красной армии в победе над врагом.

Большую помощь действующей армии оказывали народные мстители – партизаны и подпольщики областей и районов, на территории которых шло сражение за Москву.

В составе личного фонда С. П. Афанасьева находится текст присяги партизана, в которой говорится: «Клянусь, что не выпущу из рук оружия до тех пор, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. Я клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом партизанского отряда. <...> За сожжённые города и сёла, за смерть женщин и детей, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. <...> Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавого фашизма»³.

² ЦГАМО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 87.

³ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 30.

В фонде С. П. Афанасьева содержится также справка бывшего секретаря подпольного окружкома северо-западных районов М. П. Щербакова от 24 февраля 1975 г. о действиях партизанских отрядов в Московской области¹, в которой говорится о том, что в июле 1941 г. был создан областной штаб по организации и руководству партизанским движением и партийным подпольем в Московской области в случае захвата территории области врагом. Были созданы подпольные окружкомы партии, по 5–6 районов в каждом. В 17 районах области, полностью оккупированных, и в 10 районах, оккупированных врагом частично, был оставлен в тылу врага подготовленный 41 партизанский отряд, где числилось и действовало 1 800 чел. Кроме того, на захваченной оккупантами территории было оставлено и действовало более 200 подпольщиков-коммунистов и комсомольцев. На захваченной врагом территории действовало пять подпольных окружкомов партии, руководивших подпольщиками и партизанскими отрядами. Партизанские отряды помогли вывести большое количество оказавшихся в окружении отдельных воинских подразделений и группы бойцов. В тылу врага действовали диверсионные отряды по 20–30 человек, созданные в основном из истребительных батальонов г. Москвы и области. Также были созданы спецшколы по подготовке боевых групп и диверсионных отрядов для действия в тылу вражеских войск. Из спецшкол было отправлено в тыл врага 6 тысяч человек.

Второй секретарь Московского обкома ВКП(б) Б. Н. Черноусов в своём докладе от 29 декабря 1945 г.² рассказывает о том, что в общей сложности партизаны Подмосковья истребили 7 159 гитлеровских солдат и офицеров, освободили от оккупантов 20 населённых пунктов, перерезали линии телеграфно-телефонной связи в 1 043 местах, уничтожили 5

самолётов, 64 танка, 48 орудий, 827 автомашин. Партизаны пустили под откос 5 поездов, взорвали 35 мостов, захватили 306 пулемётов и миномётов, 1 615 винтовок, свыше 53 тысяч метров телефонного кабеля и другие трофеи, заминировали 81 дорогу.

Партизаны были тесно связаны с местным населением и получали от него повседневную помощь. В своём докладе Б. Н. Черноусов приводит примеры подвигов партизан: «19 декабря 1941 г. в деревне Рогозино Уваровского района партизаны уничтожили отряд немцев, грабивших местных крестьян. На следующий день в деревню приехал карательный отряд гестапо и потребовал от колхозников указать, где находится партизанский отряд. Некоторые колхозники знали о месте партизанской стоянки, но категорически отказались отвечать немцам на всякие вопросы о партизанах. Тогда гитлеровские палачи собрали всех взрослых мужчин деревни (а их было в деревне 11 человек) заперли их в избу колхозницы Филипповой Прасковьи и подожгли. Так отважные колхозники предпочли смерть в огне, но не выдали партизанского отряда.

Приехав в деревню Вешняти Серебряно-Прудского района, немцы предложили колхознику Иванову Ивану Петровичу, 60-летнему старику, показать им ближайшую дорогу на город Венев. В то же время была сильная метель. Иван Петрович согласился быть проводником и завёл злодеев в незамерзающее болото. 30 вражеских машин с вооружением и боеприпасами застряли в этом болоте. Немцы расстреляли мужественного патриота, совершившего героический подвиг по примеру своего предка Ивана Сусанина.

В Мосбассе партизан Константин Бесмертный, двадцатилетний юноша, поджег здание столовой, где проходило заседание немецкого штаба, предварительно закрыв все двери.

13-летний Коля Арбузов из Боровского района был бесстрашным разведчиком

¹ ЦГАМО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 38.

² ЦГАМО. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 16.

партизанского отряда. Он шесть раз попадал в плен к немцам, но всегда возвращался с ценными сведениями».

Также очень активно велась деятельность подполья. В июле 1941 г. был создан подпольный окружком партии Северной группы районов области. Центром подпольного окружкома партии был избран г. Дмитров и окружком стал называться Дмитровским. Его деятельность распространялась на г. Дмитров; Коммунистический, Талдомский, Константиновский, Загорский районы и г. Загорск.

В личном фонде В. М. Ривольской, которая находилась на подпольной работе в Северном Дмитровском подпольном окружкоме ВКП(б) под конспиративным именем Белоусовой Галины Михайловны до апреля 1943 г., т. е. до расформирования подпольной сети в Московской области¹, сохранился дневник², где она описывает своё участие в подпольной работе. Воспоминания начинаются с описания начала войны: «Война!.. Она ворвалась в тот солнечный радостный июньский день как гром, потрясший всю страну. Фашистское огнедышащее чудовище изрыгало бомбы на Киев, Минск, города Прибалтики, давило танковыми гусеницами пограничные заставы, рвалось на стратегический простор советской земли. Истекая кровью, защищали каждую её пядь пограничники...».

В начале войны В. М. Ривольская жила в г. Серпухове, она приняла для себя решение идти на фронт и так описывает свои чувства: «Выхожу на улицу, глубоко вдыхаю прохладный ночной воздух. Иду легко, свободно, раскованно, быстро и сама себе удивляюсь, будто выросли у меня крылья и несут, несут меня по родному спящему городу». Но она была направлена на работу в Северный Дмитровский подпольный окружком, об отъезде в Москву она тоже пишет: «Встаю в 5 часов утра. Внимательно осматриваю любимые книги, вещи, стены

квартиры, прощаюсь со всем, что окружало в жизни. Никто не должен знать и не знает, куда я ухожу. Весь мой багаж в дамской сумочке ...». В дневнике описываются также все процедуры по присвоению конспиративного имени, составлению легенды, как она начинала работать в Дмитрове под видом беженки, подробно описаны все проблемы и тяготы, с которыми она столкнулась.

Рассматривая документы личного фонда В. М. Ривольской, мы подходим к тематической группе документов «Женщина в военное время», призванной обозначить такой феномен, как массовое участие женщин в Великой Отечественной войне. Женщины сражались в рядах Красной армии, уходили на фронт санитарками и медсёстрами, вступали в ряды партизан и подпольщиков, в тылу они заменили мужчин на заводах и в колхозах, участвовали в оборонительных мероприятиях.

Возвращаясь к дневнику В. М. Ривольской, читаем о её жизни в г. Дмитрове: ««В моём домике ничего-ничего нет, покупаю на рынке подержанные вещи: постельное бельё, занавески, посуду. У меня по ночам иногда бывает связной окружкома Сергей Александрович Гусев. Забегает на 10 минут и неслышно уходит в тревожную темноту. Но вот мглу разрывает мертвенным блеском немецкая ракета. На западе небо светится огненными сполохами. Над городом с воем проносятся мины. Сердце охватывает тревога. Она растёт у всех. Кто-то в цехе предлагает бригаде сходить в церковь. Идут все женщины и я с ними. Мы пришли пораньше, пробились вперёд. В церкви яблоку негде упасть. Все молятся за нашу победу и я прилежно отбиваю поклоны. Люди с надеждой внимают священнику, который говорит, что скоро на русской земле злой супостат найдёт свою погибель. Дьякон торжественно возглашает здравную: "Красной Армии многие лета!". Дьячок с огромным подносом обходит верующих. На поднос летят червонцы, тридцатки,

¹ ЦГАМО. Ф. 3713. Предисловие к описи

² ЦГАМО. Ф. 3713. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

денег уже целая гора. Все наши бросают бумажки, и я бросаю полсотни (других денег у меня нет) и хочу взять тридцаточку сдачи, но дьячок отстраняет мою руку от подноса и, подражая дьякону, басом тянет: «Не положено!». Немного обидно и смешно, но ничего не поделаешь. Зато этот поход еще больше сближает меня с товарищами».

В личном фонде Д. А. Журавлёва находится рапорт заместителя начальника политуправления Главного управления МПВО майора Стрелкова¹ (декабрь 1942 г.), в котором говорится о роли девушек-красноармейцев в обороне Москвы: «Присутствие девушек в армии уже за это короткое время показало, что они могут работать и воевать не хуже мужчин и способны переносить трудности и лишения, способны освоить самую сложную технику и заменить красноармейцев-мужчин.

Приведу пример с красноармейцем тов. Гольневой, 9-я батарея, 864-й ЗАП. Она по-настоящему полюбила артиллерию, настойчиво просила, чтобы её перевели работать на пушку, когда просьбу её удовлетворили, она стала упорно изучать технику. За короткое время она отлично овладела обязанностями своего третьего номера на орудии. Сейчас она подготовила себя и может заменить командира орудия.

Во время боевой работы, читав уставовку взрывателя, не допускает ни одной ошибки, боковое упреждение ставит быстро, без рывков, согласуя свои движения с работой наводчика. Такой боец, как тов. Гольнева, заслуженно пользуется авторитетом и уважением. Проверая её работу, я дал ей высокую оценку, объявил благодарность и наградил именными часами.

Исключительно большое значение в нашем фронте имеет служба ВНОС, это глаза и уши всех нас, работников обороны, а в этих частях подавляющее большинство красноармейцы-девушки. Сре-

ди вносцев есть мастера своего дела. 7 лучших девушек бойцов 1-го полка ВНОС с июня по декабрь-месяц 1942 года опознали 507 самолетов противника. В том числе красноармеец Рыбакова – 36 самолетов, Вакрушева – 35, Лебедева – 70, Самсонова – 85, Климова – 81, Кузьмина – 125».

О жизни женщины в условиях фронта рассказывает в своих воспоминаниях, отложившихся в коллекции документов, собранных членами президиума Совета ветеранов 1-й Ударной армии, медсестра 222-го отдельного медицинского санитарного батальона Ксения Филипповна Чернышова²: «Октябрь 1941 года. В это время стихия развивалась очень быстро. К Массальску, где я работала после окончания техникума, приближались гитлеровские войска. Мы, комсомольцы: Прокопова Зина, Ларикова Аня, Лобанова Нина и я, не задумываясь, пошли в горком партии. Стали настойчиво проситься направить нас на фронт. До этого при городской больнице мы окончили РОККовские курсы медсестёр и уже имели специальность, могли принести пользу фронту.

<...> Имея за плечами 19 лет, мы ушли на фронт. Наш путь лежал в Массальские леса, где гостеприимно встретил нас коллектив 22-го медсанбата. Нам выдали обмундирование – мужские шинели, ботинки с обмотками, гимнастерки и брюки. Многим форменная одежда оказалась явно не по росту, мы выглядели в ней смешными. Особенно большое огорчение доставили ботинки с обмотками по два метра каждая. Одевать ботинки мы пока не решились, продолжали оставаться в своей обуви, тем более, что зима была ещё далеко. Подгонять форму по своей фигуре в полевых условиях было не так-то просто. Но нам сказали, что как только станут поступать раненые, тогда появится возможность заменить своё обмундирование на более удобное и по размеру. Только выехали на дорогу, как из-за леса донесся гул самолётов врага и над

¹ ЦГАМО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

² ЦГАМО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 138.

нашими головами зашелестели снаряды. Подана команда: “Покинуть машины и залечь в овраги”. Первое боевое крещение нами было воспринято очень болезненно. Мы с Зиной не выдержали, плотно прижались к земле и горько заплакали.

<...> Итак, мы добрались до дер. Петровки, что расположена где-то в районе Волоколамского шоссе. Развернули медсанбат. К нам начали поступать раненые. Их было много, кто шёл сам, кого привозили или приносили на носилках. Работать приходилось день и ночь, не зная сна, т.к. на подступах к Москве были очень ожесточенные бои. Немецкие войска всеми силами стремились захватить столицу нашей родины – Москву. И что греха таить, не все из нас, добровольно ушедших на фронт, понимали, какая тяжёлая физическая работа нас ждет впереди. Нам, сандружинницам, приходилось мыть полы в холодных, полуразрушенных домах, искать соломы, которая заменяла постель для раненых, стирать грязные бинты, по несколько ночей подряд нести круглосуточное дежурство. Ведь на нас лежала большая ответственность за спасение человеческих жизней. И сколько бы мы ни работали, усталости не замечали. Конечно, подвигов больше мы не совершали, в атаку с оружием в руках не ходили. Но как вспомнишь те бессонные ночи, проведённые в палатках, ночи страданий, боли и тревог за раненых, когда мы сидели около них, выслушивая их бессвязные разговоры в бреду и, сжимая ладонями виски, ждали наступления рассвета, т.к. к утру раненым становилось легче. А ведь лучшим лекарством для раненого было заботливое и внимательное отношение к ним медработников».

Далее К. Ф. Чернышова пишет о том, как их медсанбатальон, который был переименован в хирургический полевой передвижной госпиталь, подвергся налёту немецкой авиации, и она, спасаясь от ударов вражеских бомб, увидев убитую лошадь, прильнула к её холодному телу, вцепившись за ноги ... Также она вспоми-

нает о том, как они делили сухари между ранеными, отмеряя порции кружками, т.к. это была крошка от сухарей, как однажды на всех её подопечных сухарей не хватило, и она побежала доставать хлеб в деревню, а в это время началась бомбёжка: «Прибегаю в палату и остановилась в оцепенении. Что делается с моими ранеными, не узнаю. Кто мог двигаться, ушли в окопы, а тяжелобольные сползли со своих коек (были сделаны нары вместо коек) и пытались покинуть палатку, т.к. боялись остаться в палатах во время бомбежки одни без сестры. Они знали, что для них, беспомощных, сестра является великим человеком, которая не оставит их в беде, окажет помощь в любых условиях, вынесет в тяжёлую минуту на себе в укрытие».

Рассказывает К. Ф. Чернышова и о случае, когда среди раненых встретила она своего земляка – из Смоленска и отравила его под видом высшего начсостава на самолёте У-2 в тыл: «Снимаю с него лейтенантские погоны, подвешиваю руки на бинты, одеваю шинель, в карманы шинели положила несколько сухарей на дорогу и отправляю его на самолёт. Через какое-то время ко мне в палату приходят врачи: Сизых Н. Е. и Нина Сергеевна. Стали интересоваться, где послеоперационный раненый. Неужели он умер? Я решила признаться, что эвакуировала его на самолёте в тыл. Николай Евгеньевич и Нина Сергеевна как стояли, так и замерли, скрестив руки на груди. Потом Сизых спокойно говорит: “Кто вам разрешил это сделать? Ведь он не транспортабельный. Он умрёт в самолёте”. Я стою перед ними, опустив голову, как нашкодивший ребёнок. Я сознавала, что виновата, но по-другому я поступить не могла. Мне не хотелось видеть у себя в палате смерть единственного попавшего ко мне в палату земляка. “...Пусть умирает в самолёте, только бы не у меня на глазах. Это единственный земляк, который попал ко мне в палату, и мне тяжело было бы переживать его смерть...” – промолвила я.

Врачи постояли несколько минут, потом пригрозили мне, что доложат начальнику госпиталя и будут настаивать, чтобы меня посадили на гауптвахту. Меня это нисколько не напугало, потому что я знала, что у нас нет гауптвахты, да и обслуживающего персонала не так уж много». Но всё обошлось благополучно: раненый солдат был доставлен в тыл и выжил.

В конце 1943 г., когда Северо-Западный фронт был расформирован и получил другое направление, К. Ф. Чернышову пригласили в санитарное управление армии и предложили поехать в Москву, где проходило комплектование первой отдельной женской добровольческой стрелковой бригады (ОЖДСБ), которая состояла из всех родов войск, но комплектовалась в основном из женщин. Она была направлена в учебный батальон в роту автоматчиков, который готовил младший начсостав для бригады. После прослушивания курса подготовки ей присвоили звание старшего сержанта и оставили в учебном батальоне ещё на один срок, но уже в должности заместителя командира взвода роты автоматчиков. Но потом ОЖДСБ была расформирована, и К. Ф. Чернышову направили работать в особый отдел МВД, где она прослужила до октября 1945 г.

Заканчивает свои воспоминания К. Ф. Чернышова такими словами: «Пусть живёт и процветает народ нашей Родины и пусть никогда и ничья захватническая рука не поднимется на нашу независимость! А мои пожелания вам, молодым, – делайте всё для того, чтобы эти кошмары не повторились. Берегите МИР!».

Рассмотренные документы личного происхождения дают полное представление о том, кем был Победитель в Великой Отечественной войне. Это человек, не имеющий определённого возраста, мы видим, что им мог быть и курсант военно-

Москве, и 13-летний мальчишка-партизан, и опытный военачальник, командовавший фронтом ПВО. Это и санитарка, выносящая с поля боя раненых бойцов, и подпольщица, и мать, работающая на производстве мин на заводе, и старик, строящий заградительные сооружения. Это люди с разными судьбами, но всех их объединяет то, что они верили в победу, приближали её, как могли, и каждый из них был готов отдать жизнь за свою Родину. Они – представители поколения победителей, народа – Победителя, одержавшего победу над фашизмом 75 лет назад. И этот образ, образ Победителя, живёт в сердце каждого из нас, как память о подвиге в те страшные военные годы, и ничто не должно этот образ размыть, обезобразить, а подвиг их нельзя позволить обогатить, осквернить и предать.

Проведённый анализ состава документов личных фондов и коллекций показал возможность использования документов личного происхождения как самостоятельного исторического источника для рассмотрения такой важной темы, как формирование образа Победителя, участника Великой Отечественной войны, нашего соотечественника, посредством ответов на следующие вопросы: каким человеком был защитник Родины, боец Красной армии, какие настроения у него были, как он проявил себя в бою; что за люди были партизаны и подпольщики, чем помогли они Красной армии в победе над врагом; что означает такой феномен, как массовое участие женщин в Великой Отечественной войне, а также через осознание сопричастности и преемственности подвигу, совершённому советским народом в годы Второй мировой войны. Кроме того, была обозначена возможность проведения подобных исследований на основе документов семейных архивов.

Статья поступила в редакцию 24.02.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Липатова Ксения Юрьевна – главный археограф ГКУ МО «Центральный государственный архив Московской области»;
e-mail: k_lipatova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya Yu. Lipatova – chief archaeographer, Central State Archive of the Moscow region;
e-mail: k_lipatova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Липатова К. Ю. Образ победителя в архивных документах личного происхождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 42–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-42-55

FOR CITATION

Lipatova K. Image of the winner in personal archival documents. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 42–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-42-55

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-56-66

ФРЭНК ДЖОНСОН ГУДНАУ О ФУНКЦИИ ПОЛИТИКИ

Аннотация.

Читателям предлагается перевод второй главы книги Фрэнка Джонсона Гуднау «Политика и администрация: исследование вопросов государственного управления». Автор был основателем и первым президентом Американской Ассоциации политической науки (в 1903-1905 гг.). Гуднау является одним из основоположников функционального подхода в политологии. В своей книге в качестве основной проблемы исследования он выбрал анализ функций политики. Американский политолог отмечает, что отделить функции политики от функций администрации довольно сложно. По его мнению, функция политики связана с определением того, кто должен изъявлять волю государства, а также с определением практических способов выражения этой воли. Гуднау делает и весьма проницательный вывод – неоправданное вторжение области политики в область государственного администрирования может быть предотвращено путём формирования здорового общественного мнения.

Перевод выполнил Я. Ю. Моисеенко, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, с текста оригинального издания: *Goodnow F. Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO., Ltd., 1900. P. 23–46.*

Ключевые слова: Ф. Гуднау, функции политики, функции администрации, функциональный подход, общественное мнение, власть, Американская Ассоциация политической науки

FRANK JOHNSON GOODNOW ON THE FUNCTION OF POLITICS

Abstract.

The present text is a translation of the second chapter from Frank Johnson Goodnow's book *Politics and Administration: A Study in Government*. The author was the founder and first President (1903-1905) of the American Political Science Association. Goodnow is famous for having developed the functional theory in political science. The main issue addressed in the book is the functions of politics, in particular their differentiation from the functions of administration. According to Goodnow, the function of politics should resolve into establishing who is to express the will of the state, as well as, into defining a practical and the most rational way of such expression. Goodnow makes an insightful conclusion: although the sphere of politics tends to take its unlimited control over public administration, this unjustified intrusion can be prevented by encouraging a sound public opinion.

The translation was performed by Y. Yu. Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, from the text of the first edition: *Goodnow F.*

Politics and Administration: A Study in Government. N.Y.: The Macmillan Company, L Macmillan & CO., Ltd., 1900. P. 23–46.

Keywords: F. Goodnow, functions of politics, functions of administration, functional theory, public opinion, power, American Association of Political Sciences

ФУНКЦИЯ ПОЛИТИКИ

Итак, функция политики состоит в изъявлении воли государства. Однако полномочия исполнять эту волю на практике не могут быть возложены исключительно на один государственный институт или же на комплекс таких институтов. Равно как и полномочия таких государственных институтов не могут сводиться лишь к слепому её исполнению. В связи с чем принцип разделения властей в его предельной форме не может быть положен в основу какой-либо конкретной политической организации. Дабы последнее было возможно, необходимо условие автономности органов власти друг от друга, каждый из которых должен ограничиваться выполнением возложенных на него функций правительства, которые также должны быть строго дифференцированы и поделены. Фактически политическая реальность такова, что она требует исполнения государственной воли в гармонии с тем, как она изъязвляется государством в законах.

Отсутствие гармонии между законом и приведением его в исполнение чревато параличом всей политической системы. «Правило поведения», как можно иначе назвать волеизъявление государства, не стоит практически ничего, если эта воля не исполняется. В таком случае, она лишь *brutum fulmen*, т. е. «пустые угрозы». С другой стороны, исполнение «правила поведения», что не имеет никакого отношения к волеизъявлению государства, вполне можно считать узурпацией исполнительной властью права выражать государственную волю.

Таким образом, ради достижения гармонии между изъявлением и исполнением воли государства, необходимо пожертвовать независимостью либо того

органа власти, что формулирует волю, либо того органа, на который возложено её вменение. Итак, либо исполняющая власть должна быть подчинена власти, что изъязвляет закон, либо же последняя сама должна быть подчинена контролю исполняющей власти. Лишь таким способом может быть достигнута гармония в государственной системе. Только так подлинное волеизъявление государства станет фактической нормой поведения, которая будет соблюдаться всеми субъектами. Наконец, само народно избранное правительство требует, чтобы именно исполняющая власть подчинялась формирующей волю власти, поскольку последняя, по природе вещей, может иметь куда более представительный характер, чем власть исполняющая.

Другими словами, можно заключить, что политическая необходимость делает невозможным рассмотрение функции политики в отрыве от функций администрации. Политика должна иметь определенный «контроль» над администрацией, функцию чего ей, в широком смысле слова, приписывали и в прошлом. Эта некоторая «связь» между двумя ключевыми функциями правительства, что всегда подразумевается между ними, должна прослеживаться, политическое развитие какого государства мы бы не выбрали в качестве предмета своего исследования.

Бывает, что в надежде предотвратить политическое влияние на администрацию на практике, в некоторых системах предпринимается попытка обеспечить законное разделение органов власти внутри правительства – речь идёт, главным образом, о тех органах, что наделены описанными выше двумя функциями. Однако же такие случаи ведут к разви-

тию тенденции переноса необходимого контроля за пределы легального поля. Данный казус имеет место в американской политической системе.

Что касается американской политической системы, она в значительной степени основана на фундаментальном принципе разделения государственных властей. В связи с тем, что в американской Конституции за должностными лицами, осуществляющими административные и исполнительные функции, была закреплена независимая позиция, то и осуществление необходимого политического контроля над администрацией в рамках официальной правительственной системы было невозможно. Поэтому такой контроль развивался внутри партийной системы. Американская политическая партия в той же степени вовлечена в процесс выборов административных должностных лиц, равно как и исполнительных функционеров, как и в выборный процесс тех органов власти, чей характер открыто политический, ведь они заняты формулированием воли государства. Таким образом, сама партийная система обеспечивает ту гармонию между областью политики и администрированием, что столь необходима для успешного функционирования правительства¹.

С другой стороны, если же в правительственной системе не предпринимаются никакие попытки обеспечить разграничение между политикой и администрированием, и если форма и содержание правительственных институтов не получила закрепления в письменной конституции, контроль и руководство функциями администрации, уже как правило, берёт на себя некий правительственный орган, выполняющий политические функции.

¹ Х. Дж. Форд в своей книге «*The Rise and Growth of American Politics*», что представляет собой весьма ценный и интересный для нас труд, является первым автором, кто обратил внимание на факт того, что эта самая важная обязанность в американской правительственной системе была взята на себя именно политической партией, а не кем иным.

Таким образом, в Англии, после того как люди получили в свои руки контроль над волеизъявлением государства через Парламент, они сразу же приступили к работе над тем, чтобы Парламент – их «представитель» во властных структурах – был признан инстанцией, контролирующей правительство, в обязанности которого входит вменение воли государства. Что же, в этом они преуспели. Результатом их деятельности является нынешняя система министерской ответственности перед Парламентом.

Получается, что функция политики связана, главным образом, с изъятием воли государства, но, во вторую очередь, она связана и с исполнением этой воли. В связи с этим последствия реализации именно первого функционального аспекта будут наиболее репрезентативными. Следовательно, функция политики принципиально связана с определением вопроса: кто первоочередно, а кто вторично и уже зависимо от первого, должен выражать волю государства. То есть, кто должен решать проблемы суверенитета и другие проблемы власти. В репрезентативной политической системе должно быть строго определено, кто является избирателями, как и за кого они могут голосовать и какие органы государственной системы должны принимать законы.

Рассмотрение подобных вопросов подразумевает нечто большее, чем банальное изучение формальной стороны организации правительства. Оно обязано включать в себя изучение организации партий, результатом работы которых является ограничение выбора избирателей несколькими лицами для голосования, а также позиция которых влияет на инициативы в области политики. Ведь любая политическая организация, созданная для подобных целей, имеет такое же отношение к изъятию воли народа, как и любой официальный орган правительства. Репрезентативная форма правления, где партии имеют авторитарный характер, поскольку контролируют

ются олигархией или внутрипартийным деспотом, никак не гарантирует, что она приведёт к становлению действительно “народной” политической системы. При этом форма правления с не столь ярко выраженным репрезентативным характером, но чья партийная структура менее авторитарна, как раз может с большей вероятностью обеспечить волеизъявления народа или государства.

Тот, кто станет изучать функции политики и будет со знанием дела подходить к своему предмету, должен уделить внимание партийной системе, в тех случаях, где она играет настолько важную роль, что способна оказывать влияние на государственную систему¹.

Иногда партия превращается в настолько важный политический элемент, что становится частью официальной государственной системы и получает юридическое признание того. Соединенные Штаты предлагают хороший пример в этом отношении. В нашей ранней политической истории в законе почти ничего не говорилось о методе выборов и абсолютно ничего не говорилось об организации и действиях политических партий. Партии, однако, развивались в некоторых из колоний до Революции, а в одной из колоний, а именно Нью-Йорке, борьба между ними уже начала свидетельствовать о той жёсткости, что всегда с того времени характеризовала политику американского государства².

Ожесточение партийных раздоров привело к тому, что в первую Конституцию было включено положение о том, что процедура голосования должна осуществляться с помощью избирательных бюллетеней, т. е. – тайно. С тех пор тайное голосование стало неотъемлемой частью нашей избирательной системы. Однако

же с увеличением числа избирателей и числа выборных должностных лиц, одного указания о проведении тайного голосования стало недостаточно. Принимались закон за законом, которые должны регламентировать форму и вид избирательного бюллетеня. Соблюдение этих законов строго контролировалось судами. Все бюллетени, не соответствующие закону, т. е. раскрывающие личность избирателя, строго выбраковывались. Цель формирования подобного законодательства состояла в том, чтобы обеспечить тайну голосования и помешать тем самым партийным организациям использовать процедуру голосования как незаконное средство убеждения избирателей в поддержке конкретных кандидатов.

Однако ещё до того, как избирательное законодательство было окончательно сформировано, установили, что в тех государствах, где партийные структуры играли большую роль, партийная конкуренция приводила к попыткам 1) организации повторного голосования, когда один избиратель голосовал более одного раза за одного и того же кандидата; 2) предоставления права голоса группе лиц, не проживающих в данном избирательном округе, которых массового свозили на избирательные участки под контролем партийных лидеров; 3) вброса бюллетеней и фальсификаций подсчёта. Чтобы устранить эти злонамеренные вмешательства в избирательный процесс, была предложена и принята система регистрации избирателей, и в сам закон о выборах были внесены положения, целью которых было обеспечить честный подсчёт.

В конечном итоге, оказалось, что в рамках общей избирательной системы на политические партии была возложена чрезмерно большая нагрузка, поскольку само правительство не печатало и не распространяло бюллетени. Для любой организации, не обладающей сколько-нибудь широкими финансовыми возможностями, невозможно было вести предвы-

¹ Недавняя и наиболее совершенная работа Лоуэлла «*Government and Parties in Continental Europe*» является ярким примером ценности изучения партий для тех, кто хочет понять, как функционирует правительство.

² Gitterman, “*Council of Appointment in New York*,” *Political Science Quarterly*, Vol. VII., 1892, p. 80.

борную работу, столь необходимую для выдвижения кандидатов и поддержания избирательной «гонки»¹. В связи с этим было принято постановление, согласно которому обязанности печати и распространения бюллетеней были возложены на государство, по большому счёту, по образу и подобию австралийского варианта.

Австралийская система голосования была известна со времени английского Акта о тайном голосовании от 1872 г., в котором она была зарегистрирована. Однако эта система была сформирована для государства с таким политическим устройством, что не возлагало на партию предвыборную нагрузку в полном объёме, как то было принято в американской модели. Да и количество самих избирателей в Англии было гораздо меньше, чем в Соединённых Штатах, равно как и количество избираемых должностных лиц. В связи с этим был сделан вывод, что австралийская избирательная система может быть адаптирована к американской почве только с соответствующими коррективами.

Основным моментом, где была необходимость внести изменения в английский закон о выборах, было условие, необходимое для признания в официальном бюллетене. Английский Акт о тайном голосовании предусматривал, что имена кандидатов должны быть напечатаны в официальном избирательном бюллетене после того, как те были выдвинуты в официальном порядке небольшим числом избирателей. Далее, уже в соответствии со старыми английскими прецедентами, предусматривалось, что в случае, если была выдвинута только одна такая официальная кандидатура, должностное лицо, уполномоченное по проведению выборов, признавало такого кандидата «избранным», при этом формальная процедура подсчёта голосов избирателей уже не проводилась. Наконец, каждый кандидат был обязан оплатить

расходы, связанные с печатью его имени в избирательном бюллетене.

В этой английской системе голосования следует отметить несколько вещей. В первую очередь, партия как таковая не получала никакого юридического признания, поскольку в подобном признании не было насущной необходимости – электоральная нагрузка, переданная политической партии в Англии, была незначительна. К тому же, в порядке вещей было то, что на кону каждых выборов стояла, как правило, лишь одна должность. Положение о том, что подсчёт голосов избирателей проводился не во всех случаях, снимало необходимость от каждой партии выдвигать своего кандидата на всех выборах. Поэтому для многих партий было ненужным и зачастую нецелесообразным поддерживать постоянную организацию. Кроме того, постоянное функционирование партийной организации в Англии долгое время не было таким уж необходимым, как в США, в силу меньшего числа избирателей, на которых нужно было оказывать влияние. Наконец, положение, что каждый кандидат должен сам платить за печать своего имени в официальном избирательном бюллетене, не способствовало тому, чтобы партии выдвигали своих кандидатов, за исключением тех случаев, когда шансы избраться были достаточно велики.

Так что, с теоретических позиций английский Акт о тайном голосовании не так просто было адаптировать к реалиям Соединённых Штатов Америки, где политические условия были весьма отличными. Единственный выход – внести в оригинал важные модификации. Те изменения, что он преимущественно претерпел, касались внесения положений о юридическом признании политических партий государством в качестве агентств по выдвижению кандидатов.

Юридическое признание партий осуществлялось одним из двух, но как правило – обоими способами. Во-первых, для регулярного выдвижения кандидатов от

¹ См.: Ivins, «Money in Elections».

той или иной партии требовалось свидетельство о прошедшем партийном съезде, на котором соответствующий кандидат был выдвинут. Кроме того, во многих случаях кандидаты от каждой партии печатались в избирательном бюллетене в одной колонке, либо под заголовком с указанием названия партии, либо под эмблемой, официально выбранной партией, что должно было быть достаточным для информирования не владеющих грамотой избирателей о том, к какой партии принадлежали какие кандидаты. Наконец, в новых законах, основанных уже на принципах австралийской системы, партия обычно определялась как политическая организация, которая на последних выборах смогла получить определенный процент голосов.

Во всех государствах, которые так или иначе приняли эту (австралийскую) систему, было отмечено юридическое признание партии как политического органа. В большинстве штатов была принята такая форма организации бюллетеня, где имена кандидатов группировались в колонки с названием партии в заголовке. Чаще всего настойчивость к принятию данной формы избирательного бюллетеня была вызвана желанием партийных менеджеров препятствовать каким бы то ни было политическим действиям, не зависящим от партии – или, во всяком случае, усложнить таковые. Однако здесь следует помнить, что такие действия и без того затрудняются (если они вообще возможны) по воле американской формы правления. Избирательная система США предъявляет избирателю такие требования, что для их удовлетворения он просто обязан полагаться на партийные структуры. Не стоит возлагать надежды на то, что он может пройти всю избирательную процедуру и в конечном итоге выбрать на одну из многочисленных должностей, не имея партии за своей спиной.

В густонаселенных районах, где число избирателей велико, и это не самые образованные люди, а должностных лиц, ко-

торых выбирают на одних выборах, также много, рядовой избиратель неизбежно полагается на работу партий в предвыборном периоде. Ведь не имеет никакого смысла требовать, чтобы в районах, где сплочённость населения не так уж высока, избиратель был осведомлён о личных достоинствах и недостатках того или иного кандидата. Если преследовать цель установления гармонии в правительстве, важно следить за тем, чтобы в рамках одного административного округа все кандидаты были избраны от “больших и значимых” партий. Независимые кандидаты должны быть потоплены, а на место их индивидуальной ответственности должна прийти партийная ответственность.

Однако для того, чтобы выбор избирателей не ограничивался одними и теми же признанными партиями, и чтобы способствовать возникновению новых партий по мере необходимости, было предусмотрено выдвижение кандидатов *по свидетельству*. Однако число лиц, необходимое для выдвижения кандидатуры с помощью этого метода, было настолько велико, что затрудняло его применение. Условия, которые было необходимо соблюсти для проведения независимого выдвижения, были сделаны преднамеренно трудно выполнимыми по тем же причинам, по которым была принята постанова о форме бюллетеня, где имена кандидатов группировались в колонки с названием партии в заголовке – всё это было нацелено на предотвращение выдвижения “неблагонадежных” кандидатов. Избирательные бюллетени, при этом, печатались за государственный счёт, а не как в Англии – за счёт самих кандидатов.

Этот краткий обзор развития нашего законодательства, посвящённого выборам и процедуре тайного голосования, демонстрирует, что глубокое погружение в устройство партийной системы часто становится необходимостью для тех, кто изучает функции политики, и что в Соединенных Штатах партия постепенно получает юридическое признание. Таким

образом, политическая партия заняла положенное ей место в наших официальных государственных структурах.

Но функция политики связана не только с определением того, кто же должен изъяснять волю государства. Она также связана с определением практических способов выражения этой воли. Таким образом, может случиться и так, что в государстве будет предусмотрен ряд некоторых формальностей волеизъявления в отношении вопросов определённого толка. Зачастую бывает и так, что воля государства в отношении формы правления выражается неким особым образом, совершенно отличным от того, как она выражается в рутинных вопросах функционирования правительства. Волеизъявление государства в отношении формы правления, как правило, носит особый характер – оно требует от должностных лиц или же органов власти, которым доверено формальное выражение воли государства, большей осознанности действий. Тот же самый принцип “особенности” методов волеизъявления справедлив и относительно фундаментальных прав граждан и вопросов их соблюдения. Мы видим, тем самым, какова разница в методах, касающихся разработки Конституции США, и методах разработки иного законодательства. Что касается первого, здесь всегда будет необходимо вмешательство специального правительственного органа – Конституционного собрания, да и народа в целом. Для второго же достаточно одному из законодательных органов выполнить свою повседневную работу.

Когда органы власти, которые по большей части действуют во исполнении воли государства, имеют право определять, соблюдаются ли положения Конституции в том или ином случае законодательным органом, они становятся в своей реализации этой власти конституционными и, следовательно, политическими органами. Суды в США имеют полное право выносить вердикт, является ли акт, при-

нятый законодательным органом, конституционным актом. Таким образом, суды вносят свою немалую лепту в волеизъявление государства и, следовательно, являются политическими органами, т. е. выполняют функции политики в том смысле, в каком этот термин используется на этих страницах.

Нами было показано, что функция политики, хотя и связана главным образом с выражением воли государства, также имеет отношение к её исполнению. Ибо должна быть гармония между изъяснением и вменением государственной воли, т. е. между созданием и исполнением закона. Также было сказано, что в народном правительстве орган, который выражает государственную волю или издает закон, должен обладать правом контроля над органом, который исполняет такую волю или закон. Наконец, мы пришли к заключению, что источники этого контроля следует искать либо в самой официальной правительственной системе, либо же вне неё, т. е. в политической партии.

Вне зависимости от того, обретёт ли себя этот контроль внутри или же вне правительственной системы, его необходимость обусловлена тем фактом, что без него невозможно представить себе ни одно прогрессивное государство с упорядоченным устройством. Следовательно, этот контроль должен распространяться настолько, как потребует того гармонизация изъяснения и исполнения воли государства, что, как было показано нами выше, имеет высокую ценность. Однако, если же контроль начинает посягать на другие сферы, он сразу теряет *raison d'être*, т. е. смысл существования. К примеру, он может быть использован для увековечения позиций конкретной партийной организации в политической системе, вместо того чтобы способствовать гармоничному воплощению государственной воли в конкретных поведенческих практиках. То есть, если политический контроль не служит вменённым ему целям, он начинает работать против на-

рода, который вследствие этого теряет возможность спонтанного выражения собственной воли. Подобное применение контроля политики над администрацией вносит искусственный, неестественный мотив в проблему обеспечения волеизъявления государства. Что неминуемо приводит к тому, что возникает принципиальный разлад между тем, что на самом деле представляет из себя воля государства, и тем, как она формально выражается.

Чрезмерное расширение сферы влияния этого контроля, как бы необходим он ни был, действительно искажает ту цель, для достижения которой он изначально был задуман. Однако проблема заключается не только в этом, подобное вторжение контроля в области политики, где ему нет места, может легко чинить препятствия эффективному выполнению и административных функций. Поскольку в этом случае эти функции будут реализовываться не столько в связи с исполнением выраженной государством воли, сколько в связи с потугами оказать влияния на будущее волеизъявление, т.е. в интересах политической партии, осуществляющей контроль, или целого социального класса.

Поэтому, хотя в интересах обеспечения исполнения воли государства политика должна иметь возможность контролировать администрацию, как в интересах народного правительства, так и эффективной администрации, нельзя допускать, чтобы контроль выходил за пределы, необходимые для того, чтобы исполнялось его предназначение. Тем не менее в политической практике наблюдается тенденция, когда государственный орган, наделённый правом волеизъявления от имени государства и контроля за администрацией, злоупотребляет этими полномочиями в целях влияния на содержание государственного послания. Бывает, разумеется, это происходит из самых чистых и патристических побуждений, но чаще – из порочных и эгоистичных. В любом случае,

результат этого вмешательства одинаков. Закон перестаёт применяться беспристрастно и начинает вменяться исключительно (или в значительной степени) в надежде повлиять (прямо или косвенно) на волеизъявление государства в будущем и зачастую в интересах определенных общественных классов.

Пороки, возникающие в результате избирательного или предвзятого применения закона, настолько велики, что наиболее прогрессивные политические сообщества почувствовали моральное обязательство предпринять серьёзные меры для обеспечения независимости органов власти, которым доверено применение закона. Так, например, было в Англии, которая с давних времён основывала свою государственную систему на принципе, согласно которому ни одно «правило поведения», т.е. волеизъявление государства, не должно применяться на практике вплоть до того момента, пока не будет получено согласие на это применение от некоего независимого и авторитетного органа власти. Однако не следует трактовать этот важнейший принцип, лежащий в основе всей английской правительственной системы, таким образом, что эта система, стоящая на страже соблюдения закона, не может быть подвергнута изменениям. Этот принцип означает всего лишь, что органы, обеспечивающие исполнение или исполняющие волю государства, будут независимы от органа, выражающего эту волю. Система фактически предусматривает, что согласие исполняющего органа должно быть получено до того, как выражение воли государства станет фактическим «правилом поведения», но и не более того.

Влияние данного принципа можно проследить во всех отраслях английского публичного права. Небезосновательно, что оно наиболее заметно в области правосудия, поскольку крайне необходимо, чтобы правосудие отправлялось беспристрастно, т.е. без учета интересов отдельных заявителей в суде, и с мини-

мальным вниманием, насколько вообще возможно, к тому, какой эффект то или иное определённое решение окажет на будущее волеизъявление государства. Английская система правосудия с самых своих истоков придавала судам крайне самостоятельную позицию. И действительно суды в Англии не только исполняли закон, они сами творили его. Однако по мере того, как росло влияния королевской власти, судьи всё чаще и чаще стали назначаться самими монархами.

Они стремились взять в свои руки решение большинства правовых вопросов, т. е. *волеизъявление* государства, и оставить присяжным – представительству народа в суде – применение закона, установленного судьёй, к конкретным фактам преступления, т. е., по сути, оставить этим присяжным заседателям *исполнение* воли государства. Но присяжные смогли, несмотря на все усилия судей, сохранить за собой право оправдывать подсудимого, преданного их суду, причём их оправдательный вердикт не подлежал пересмотру ни одним судом или другим авторитетным органом власти¹.

¹ См. знаменитый случай подполковника Лилбёрна, который, будучи изгнанным Парламентом из страны, был предан суду за возвращение в Англию, а затем оправдан судом присяжных на том основании, что акт Парламента, осудивший его, был незаконным. Присяжные пошли наперекор официальному решению, поскольку сочли незаконным не поступок подполковника, а решение судьи на основании фактов дела, 12 *Hargrave State Trials*, 79,80. См. также *Penn and Mead's Trials*, 6 *Howell's State Trials*, 992, где комитет Палаты общин заключил, что судебные разбирательства в отношении главного судьи, который оштрафовал присяжных за то, что они не осудили заключенного в соответствии с его указаниями, были «новшеством в суде над людьми за их жизнь и свободы, и что он (главный судья) использовал свою власть волюнтаристски и незаконно, что было чревато для народа Англии и могло привести к царству произвола». См. также дело Бушеля, *Vaughan*, 135-158, где присяжный, совершивший отказ следовать государственному обвинению, был освобожден на основании *habeus corpus*. В Соединенных Штатах бытовал такой же закон. См. *Wharton*, 5 *Southern, Law Review*, 355, цитируется в примечании к 33 *Amer. Rep.* 791, *Kane v. Commonwealth*, 89 *Pa. St.* 522; 33 *Amer. Rep.* 787, где главный судья Шарсвуд говорит: «Было во

Хотя английские суды (не считая, разве что, суда присяжных) никогда не были юридически независимыми от парламента, за органом, обладающим преимущественно изъявлять волю государства, обществом не признавалось право осуществлять контроль над жизнью граждан, преследуя цели как-то повлиять в будущем на Парламент. Хотя, юридически, суды не являлись независимыми, некоей политической независимостью они всё же обладали.

В Соединенных Штатах, однако, мы сделали судей юридически независимыми от законодательных органов, за исключением одного случая, когда они подвергаются импичменту. Всяческие попытки посягнуть на их независимость от законодательных органов власти, от политической партии, встречают широкие общественные протесты.

Таким образом, можно заключить, что англоязычные народы пришли к двум выводам: 1) доверять сугубо политическим органам власти осуществлять контроль над отправлением правосудия может быть чревато; 2) государственные институты, коим доверена ветвь исполнительной власти, должны быть облечены беспрецедентной независимостью, несмотря на связанный с этим риск поставить под сомнение беспрекословный статус волеизъявления государства как направляющую жизнь общества «стрелку компаса». Английский принцип, что со-

всеуслышание заявлено: хоть присяжные и имеют права, но они не имеют права выносить вердикт, противоречащий постановлению суда по закону. Другими словами, это нарушение их долга и нарушение данных ими клятв. Различие между правами и правом, какую бы ценность оно не имело в этике, в законе же весьма призрачно и несущественно. Тот, кто обладает законной властью, тот имеет и законное право». См. также мнение судьи Холла по делу «Стейт против Крото», 23 *Vermont*, 14; 54 *Amer. Dec.* 90, где говорится: «Полномочия присяжных принимать решения, связанные с вопросом «виновен» обвиняемый или «не виновен», не неся при этом юридической ответственности перед любым другим судом за их решение, общепризнанны». На мой взгляд, такие права могут быть эквивалентны праву.

гласие какой-либо власти, независимой от органа, выражающего волю государства, должно быть получено до того, как волеизъявление государства стало фактическим «правилом поведения», был принят как на уровне правительственной администрации, так и на уровне управления юстиции. Применение этот закон нашёл преимущественно в системе управления муниципалитетов, которой Англия столь знаменита. Системе самоуправления Англии характерна большая степень независимости местных административных органов власти, наделенных полномочиями обеспечивать соблюдение закона. Именно из-за неё Стюарты, в своё время, не смогли построить систему абсолютизма, за которую они отчаянно и долго боролись.

Подобная система местного самоуправления была внедрена и в Соединенных Штатах, где, как и в случае с положением о независимости судебных органов от других властных инстанций, она получила более серьёзное правовое развитие, нежели было в той стране, откуда она родом. Однако, несмотря на то, что административная система Соединенных Штатов (в силу адаптации английской системы местного самоуправления и следования принципу «разделения властей») имела юридическую независимость от органа власти, официально транслирующего государственную волю, т. е., скажем прямо, от законодательной власти – на деле всё же попала под контроль политической партии. В результате администрация всё же во многом оказалась «под пятой» у политиков, что привело к снижению эффективности административного руководства. Также среди негативных последствий установившейся иерархии можно выделить следующее: часто администрация используется политиками, дабы влиять на волеизъявление государства, а иногда и для того, чтобы формальное выражение воли государства противоречило его истинной воле. Подобные следствия неизбежны, когда контроль политического органа

власти над административным органом осуществляется за надлежащими пределами, как уже было замечено нами ранее.

Сказанное не следует понимать как призыв к тому, чтобы полностью вывести административную систему из-под политического контроля, по образу судов. Такое требование не может быть принято в одно мгновение. Волеизъявление государства во многом зависит от активной инициативы со стороны административных органов, в противном случае закон так и не будет исполнен. Эти органы должны находиться под политическим контролем до самого конца, чтобы они проявили такую инициативу. Но с судами дело обстоит совершенно иным образом, ведь их назначение – просто исполнять закон в отношении физических лиц.

Однако всё же следует вернуться к тезису, что политический контроль над тем, что было принято ранее называть правительственной администрацией, не должен выходить за рамки, обрисованные нами выше. Пренебрежение этим принципом может иметь катастрофические последствия для общей эффективности административного руководства в исполнении воли государства и способности людей выражать эту волю.

Неоправданное вторжение области политики в область государственного администрирования может быть предотвращено (о чём как раз свидетельствует опыт прошлого) через определение степени независимости административной и судебной власти, что может быть обеспечено путём формирования здорового общественного мнения. Этот способ отлично показал себя на примере защиты судебных властей как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Кроме того, это единственная защита, которая может быть предложена как судебным, так и административным органам власти от таких структур, как политические партии, которые не занимают чётко определённую позицию в официальной правительственной системе, но тем не менее способны рас-

пространять на них своё влияние, будучи элементом «вне-правительственной» политической системы.

Наш анализ функции политики, в конечном итоге, приводит нас к выводу, что она заключается как в выражении, так и в исполнении воли государства, но прежде всего в первом, нежели во втором. Также она включает в себя разработку Конституции, законодательства, отбор государственных служащих и контроль за исполнением воли государства. Таким образом, функция политики весьма сложна, и она не может быть возложена всецело на какой-то один конкретный орган государственной власти или же на ряд подобных органов.

Хотя в целом, мы можем заключить из всего вышесказанного, что раз функция политики заключается в создании и изменении основного закона, то осуществляется она в соответствии с конституционным соглашением, однако мы не должны забывать, что орган, интерпретирующий Конституцию, также участвует в её исполнении. В американской государствен-

ной системе этот орган обычно является судебным.

Опять же, мы можем сказать, что исполнение функции политики лежит в сфере законодательства, т. е. она исполняется каким-то законодательным органом. Однако мы должны помнить, что исполнительная власть, а во многих случаях местные органы власти, имеют полномочия издавать указы, законы, которые с трудом можно отличить от творчества федеральной законодательной власти. Суды также через силу судебных решений часто принимают законы.

Наконец, мы должны помнить, что действия Конституционного конвента и, в меньшей степени, действия судов, законодательных органов власти, а также органов исполнительной и местной власти могут находиться (и часто находятся) под контролем неправительственных представителей власти, т. е. политических партий, деятельность которых оказывает существенное (если даже не решающее) влияние на отправление функций политики.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фрэнк Джонсон Гуднау о функции политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 56–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-56-66

FOR CITATION

Frank Johnson Goodnow on the function of politics. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 56–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-56-66

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74

ДИСКУССИИ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1930-х – НАЧАЛА 1950-х гг.

Тихомиров Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить теоретико-методологическое значение научных дискуссий конца 1930-х – начала 1950-х гг., посвящённых проблеме периодизации централизованного русского государства.

Процедура и методы исследования. Автором произведён анализ источниковых материалов (публикации в периодических научных изданиях, политические выступления), произведена оценка влияния политико-идеологического фактора на исследовательскую работу историков.

Результаты проведённого исследования. Автором установлены и обобщены проблемные направления научных дискуссий о периодизации процесса централизации. Выявлены ключевые факторы, влиявшие на работу историков-марксистов. Проанализированы выводы исследователей о критериях, подходах к периодизации. Показана специфика развития марксистской методологии в рассматриваемый период.

Теоретическая/практическая значимость. Автором представлен целостный взгляд на проблему научной периодизации создания централизованного государства. Систематизированы позиции ведущих исследователей. Выводы статьи способствуют углублению представлений об особенностях формирования советской моноконцепции отечественной истории.

Ключевые слова: историческая концепция, периодизация, моноконцепция, исторический материализм, марксизм-ленинизм, идеология, фактор

HISTORIOGRAPHY OF THE LATE 1930S TO THE EARLY 1950s

N. Tikhomirov

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To determine the theoretical and methodological significance of scientific discussions of the late 1930s to early 1950s for the problem of periodization of the centralized Russian state.

Methodology and Approach. The author analyzed source materials (publications in periodicals, political speeches) and assessed the influence of their political and ideological content on the research work of historians.

Results. The author establishes and summarizes the problem areas of scientific discussions of the periodization of the centralization process. The key factors that influenced the work of Marxist historians are identified. The conclusions of researchers about the criteria for and approaches to periodization are analyzed. In particular, the development of Marxist methodology is demonstrated in the period under consideration.

Theoretical and/or Practical Implications. The author presents a holistic view of the problem of scientific periodization of the creation of a centralized state. The positions of leading researchers are systematized. The conclusions of the article contribute to a deeper understanding of the features of the formation of the Soviet monoconcept of domestic history.

Keywords: historical concept, periodization, monoconception, historical materialism, Marxism-Leninism, ideology, factors

Предметом статьи являются дискуссии о периодизации возникновения централизованного русского государства в исторической литературе конца 1930-х – начала 1950-х гг. Цель работы состоит в обнаружении ведущих тенденций по созданию модели периодизации складывания централизованного государства. Для её достижения необходимо: 1) выявить основные теоретико-методологические проблемы советской историографии рассматриваемого периода; 2) рассмотреть процесс формирования новых подходов в исследовательской практике.

Проблема возникновения централизованного государства была и остаётся одной из ведущих в отечественной исторической науке. А одним из важнейших вопросов, с ней связанных, несомненно, является вопрос о научной периодизации данного процесса. Чёткая и ясная периодизация обеспечивает подлинно научное понимание событий прошлого, а также возможность успешного преподавания истории как дисциплины в средних и высших учебных заведениях.

Установленные здесь временные рамки (конец 1930-х – начало 1950-х гг.) обусловлены особенностями развития отечественной науки в данное время, своеобразием сложившейся историографической ситуации. На этот период пришлось становление советской моноконцепции отечественной истории, призванной по-новому объяснить исторический процесс в соответствии с основополагающими принципами исторического материализма. Работа историков в эти годы протекала в условиях мощного воздействия со стороны партийно-правительственных структур [1, с. 169] и лично И. В. Сталина. По замечанию А. Н. Фукса, «новая концепция истории страны требовала новой периодизации, контуры которой были чётко намечены И. В. Сталиным» [9, с. 299].

Создание стройной схемы периодизации централизованного государства было необходимо для создания единой концепции отечественной истории на теоретико-методологических основах марксизма-ленинизма и совершенствования

ния понятийного аппарата исторической науки.

Вопросы периодизации явились важнейшим аспектом полемики внутри академического сообщества с конца 1930-х гг. Это время стало кульминацией борьбы с исторической концепцией М. Н. Покровского, имевшей существенный вес в науке до начала 1930-х гг. [7, с. 260]. Ядром идей Покровского был тезис о торговом капитале как ведущем факторе исторического процесса. Именно его учёный видел в основе централизации русских земель. Однако предложенная Покровским периодизация давала смутные представления о границах исторических периодов и, что важно, слабо привязывала их к марксистскому учению об основных общественных формациях. В то время как формационная теория, начиная с 1920-х гг., рассматривалась советской наукой как важнейшая составляющая научного исследования и основа построения новой концепции отечественной истории.

Большую значимость для последующих изысканий историков имели теоретические замечания И. В. Сталина, которые тот делал в разное время, обращаясь к мировой и отечественной истории. Некоторые контуры будущей периодизации образования централизованного русского государства И. В. Сталин наметил в докладе X съезду РКП(б) (март 1921 г.) и тезисах к докладу. Рассуждая об особенностях исторического процесса в Восточной Европе (в частности в России), он указал три его отличительные черты. Во-первых, это мощное воздействие внешней угрозы, ускорившее политическую интеграцию. Во-вторых, это предшествование процесса централизации процессу разложения феодализма. В-третьих, это складывание таких государств изначально как многонациональных. Так, И. В. Сталин утверждал, что на востоке Европы «процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизован-

ных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство».

Данные положения были взяты на вооружение советскими историками как руководящие. Впервые новый взгляд на процесс создания централизованного русского государства был предложен в конспекте школьного учебника, предложенного группой А. В. Шестакова (1937 г.). Авторы выделили два периода этого процесса, отразив их в названии тематических разделов: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства». Позднее предложенные формулировки были уточнены в учебнике для 8-го класса, созданном под редакцией А. М. Панкратовой (1940 г.): в нём была закреплена идея о превращении России в многонациональное государство как стержневом смысле второго этапа централизации. Соответствующие разделы носили название: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство». Эта схема в большей мере соответствовала посылам И. В. Сталина, и она в итоге закрепились в научной и учебной литературе 1940-х – середины 1950-х гг.

В том же ключе вопрос о периодизации был решён в учебнике для исторических факультетов вузов под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина (1939 г.). Здесь он представлялся

следующим образом: 1) «Образование Русского государства при Иване III», 2) «Усиление Русского государства при Василии III» и 3) «Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство в XVI в.».

А. М. Панкратова в дальнейшем изменила подход к выделению хронологических этапов централизации. В ходе последующих доработок формулировки учебника для средней школы приобрели такой вид: «Образование централизованного многонационального государства» и «Расширение Русского государства при Иване IV». При сохранении общих теоретических ориентиров была изменена трактовка процесса: государство приобретает многонациональный характер вследствие объединительной политики Ивана III, а не как итог мероприятий Ивана Грозного.

Однако в понимании части научного сообщества, периодизация, предложенная в учебной литературе, не была вполне удовлетворительной. В частности, на учёном совете Института истории АН СССР, обсуждавшем вторую редакцию учебника В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, было отмечено, что с периодизацией в учебнике «не всё благополучно: нет необходимой чёткости». А годом позже в редакционной статье журнала «Вопросы истории» (печатного органа АН СССР) появилось указание о недостаточной проработке данного вопроса.

В этой связи на страницах издания развернулась дискуссия, поднимавшая важные вопросы о методах и принципах периодизации истории СССР и, в частности, процесса политической централизации на Руси. Отправной точкой стала статья К. В. Базилевича, в которой он подступил к вопросу о чётком установлении оснований, или критериев, периодизации. Учёный предложил три шкалы, основанные на следующих признаках:

1) развитие производительных сил и производственных отношений;

2) изменения в политической структуре феодального общества;

3) комплекс явлений, наиболее характерных для выделенного исторического периода.

Подход К. В. Базилевича и структурно, и концептуально отвечал требованиям марксистско-ленинского учения об историческом материализме, основанном на диалектике базисных и надстроечных явлений. Выдвинутые положения были в целом поддержаны А. А. Зиминим. Учёный указал на ещё один возможный аспект проблемы – методику выявления границ между историческими периодами внутри феодальной формации. Данная сторона вопроса периодизации не подвергалась основательной проработке, хотя имела большое значение для установления особенностей исторического процесса в России в сравнении с прошлым западноевропейских стран.

Не обошлось без критических замечаний по поводу статьи Базилевича. Так, А. П. Пьянков настаивал на принятии в качестве ведущего критерия периодизации «типичных явлений в организации феодального способа производства». С более основательной критикой выступил П. Мирошниченко, который отметил недостаточность предложенных оппонентом критериев. Она состояла в отсутствии связки истории великороссов с историей иных народов СССР, а также в невнимании к явлениям идеологии и культуры. Из этого заключалось, что «предложенная периодизация не определяет единства разных сторон исторического процесса внутри одного и того же периода».

Схожие нарекания высказал И. Миллер. Он отметил, что, невзирая на ведущую роль фактора производительных сил в истории, периодизация «не может не включать важнейших явлений в области развития надстройки». Мысль о явлениях надстроечного порядка развил В. В. Мавродин. По его утверждению, история государственного строительства

не могла быть рассмотрена обособленно от истории становления великорусского народа. По мнению учёного, эти проблемы «сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления». Таким образом, методологическая модель, предложенная К. В. Базилевичем, получила как бы дополнительное измерение – ещё одну «шкалу», в терминологии самого К. В. Базилевича.

Данная дискуссия обнаружила любопытную черту методологии отечественных историков-марксистов. Советская историческая наука изначально выстраивалась на принципе монистического единства, предполагавшего истолкование исторического процесса в контексте развития производительных сил общества. Однако суждения, высказанные учёными в конце 1949 – начале 1951 гг., показали их тяготение к комплексному многофакторному подходу в разработке проблемы периодизации феодальной эпохи.

Не менее показательная в этом отношении дискуссия состоялась тремя годами ранее на страницах тех же «Вопросов истории». Толчком к ней послужила статья П. П. Смирнова «Образование Русского государства в XIV – XV вв.». Автор упрекал коллег-исследователей в отсутствии строго научных представлений о природе исторического процесса. По его мнению, они пренебрегли «монистической теорией исторического материализма», предпочтя ей эклектические построения.

Реакция на статью ряда учёных (В. В. Мавродин, К. В. Базилевич, И. И. Смирнов) показала «единство исходных принципиальных позиций» историков по вопросу изучения процесса централизации русского государства. Попытка П. П. Смирнова подвергнуть периодизацию процесса политической централизации под схему, нарочито выделяющую производственный фактор как единственно значимый, потерпела неудачу. Отечественные историки-марксисты в своих ответах на указанную

статью, хотя и выступили поборниками идеи о главенствующем значении производительных сил в истории, но подчеркнули необходимость рассматривать их в связи с многообразием сопутствующих обстоятельств, таких, как: международные отношения, география, торговля и т. д. К. В. Базилевич описал этот принцип так: «Буржуазные историки, изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли её неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества».

Как видим, невзирая на провозглашаемую приверженность историческому материализму, советские историки сохраняли многоплановость подходов к разработке ключевых вопросов отечественной истории, в частности, к её периодизации.

Достигнуть полного согласия в части определения оснований для периодизации процесса становления централизованного государства историкам-марксистам не удалось. Открытыми остались вопросы и по другим аспектам данной проблемы. Примечательна дискуссия о формах государства в связи с поступательным изменением общественных отношений. Отечественные историки жёстко привязывались к формационной схеме, а следовательно, и к связанным с ней представлениям о формах правления (раннефеодальная монархия, сословная монархия, абсолютизм). Периодизация феодальной эпохи (а после отказа от концепции Покровского централизованное русское государство безоговорочно признали феодальным) требовала внятного логического соотнесения с конкретными политическими институтами.

В учебнике под редакцией А. В. Шестакова (1937 г.) вопрос о форме и характере русского государства XV – XVI вв. специально не выделялся. Власть Ивана IV мимоходом определяется как самодержавная. Иначе в учебнике для вузов

(1939 г.), содержащем раздел «Феодальное абсолютистское государство», что на структурном уровне подчеркивает характер политического строя.

Впрочем, идея об абсолютистском характере государства в указанный период не встретила поддержки в научном сообществе. С резкой критикой выступили историки-правоведы С. В. Юшков и А. И. Денисов, настаивавшие на отсутствии объективных предпосылок для складывания абсолютистского государства в XVI в. По их мнению, общественный строй при Иване Грозном приобрёл черты сословно-представительной монархии. Позже эту точку зрения поддержал Л. В. Черепнин.

В то же время К. В. Базилевич полагал тезис о сословном представительстве несостоятельным. Он был склонен утверждать о «сословной феодальной монархии». А историк П. Мирошниченко предложил категорию «сословная монархия», что, на его взгляд, удачнее отражало особенность русского исторического процесса. В итоге в литературе сохранилось как понятие «самодержавие», от использования которого ведущие исследователи не отказались, так и заметная оппозиция такому подходу.

Показательна осторожность, с которой к понятию «сословно-представительная монархия» отнеслась редколлегия «Вопросов истории», заметив между делом, что «В. И. Ленин и И. В. Сталин данным термином не пользуются».

Ни в 1940-е, ни в 1950-е гг. отечественным историкам не удалось добиться полного согласия по всем аспектам периодизации процесса создания централизованного русского государства. Многие вопросы остались открытыми, сохранили дискуссионный потенциал. Главным же итогом длительной полемики вокруг проблемы периодизации процесса создания централизованного русского государства стала активизация исследовательской работы по ряду смежных проблемных направлений.

В спорах о методах и принципах новой периодизации отразилась во всём своеобразие историографическая ситуация конца 1930-х – начала 1950-х гг. Анализ дискуссий, развернувшихся в советской историографии по вопросам периодизации становления централизованного государства, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, периодизация конкретно-исторического процесса неразрывно связана с пониманием его содержания, характера и особенностей. Посредством периодизации учёным задаётся модель интерпретации событий и явлений, раскрываются их сущностные черты. Чёткое выделение периодов исторического процесса позволяет проследить пути его изучения, сформировать ясную картину прошлого. Создание концепции централизованного русского государства могло быть осуществлено только с опорой на строгую схему периодизации, что и показали дискуссии ведущих исследователей-марксистов.

Во-вторых, влияние политической идеологии на развитие исторической мысли способно проявиться как через подсказанные политическим руководством теоретические схемы, так и через предложенный сверху набор опорных понятий, задающих смысловую матрицу последующих научных изысканий. Понимание особенностей историографической ситуации конца 1930-х – начала 1950-х гг. невозможно без учёта идейно-политического фактора. Как отмечает А. Н. Фукс, «суть концепции не может быть понята вне анализа её теоретико-методологических и политических основ» [8, с. 104–105]. Это в полной мере относится к формированию подходов в рассмотрении этапов централизации русского государства.

В-третьих, методология периодизации сложных процессов не способна удержаться в тесных рамках монистической теории. Последние неизбежно деформируются в ходе обстоятельного многостороннего изучения данной про-

блематики. Это ясно показала полемика вокруг методологических основ периодизации централизованного русского государства в середине 1940-х гг. Провозглашаемая историческим сообществом приверженность теоретическим принципам марксистско-ленинского учения о материалистическом монизме не помешала ведущим исследователям процессов централизации выстраивать концептуальные схемы, включавшие широкий набор движущих сил и факторов.

Все указанные явления мы наблюдаем в развитии научных представлений

о периодизации процесса образования централизованного русского государства в трудах отечественных учёных конца 1930-х – начала 1950-х гг. Это указывает на сложность историографической ситуации данного периода. Дискуссии отечественных учёных-марксистов способствовали углублению теоретико-методологических представлений исторической науки, уточнению её понятийного аппарата, совершенствованию подходов в исследовательской работе.

Статья поступила в редакцию 28.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
2. Зеленев М. В. Сталин и историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. СПб.: Наука, 2006. 496 с.
3. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти / 3-е изд. М.: URSS, 2013. 288 с.
4. Котеленец Е. А. Битва за Ленина: новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.
5. Рейман М. Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 839 с.
6. Сидорова Л. А. Советская историческая наука в лицах: академик М. В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С. 158–169.
7. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
8. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113.
9. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. 420 с.
10. Хлевнюк О. В. Жизнь одного вождя. М.: АСТ; CORPUS, 2015. 464 с.

REFERENCES

1. Dubrovsky A. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-ye gg.) [Power and historical thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2017, 622 p.
2. Zelenov M. Stalin i istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920–1950-ye gody [Stalin and historical ideology in the USSR in the 1920–1950s]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, 496 p.
3. Kislytsyn S. Nauchnaya elita v sisteme politicheskoy vlasti [Scientific elite in the system of political power]. Moscow, URSS Publ., 2013, 288 p.
4. Kotelenets E. Bitva za Lenina: noveyshiye issledovaniya i diskussii [The battle for Lenin: the latest research and discussion]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, 256 p.
5. Reiman M. Rozhdeniye derzhavy: Istoriya Sovetskogo Soyuz s 1917 po 1945 god [Birth of a Power: History of the Soviet Union from 1917 to 1945]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2015, 839 p.
6. Sidorova L. [Soviet historical science in persons: academician M. V. Nechkina]. In: Rossiyskaya istoriya [Russian History], 2014, no. 6, pp. 158–169.
7. Tikhonov V. Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoy polovine XX veka: nauchnoye tvorchestvo Yu. V. Got'ye, S. B. Veselovskogo, A. I. Yakovleva i S. V. Bakhrushina [Moscow historical school in the

- first half of the twentieth century: the scientific work of Yu. Gautier, S. Veselovsky, A. Yakovlev and S. Bakhrushin]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, 320 p.
8. Fuchs A. [The formation of the Soviet monoconcept of Russian history and its reflection in the school textbook of A. V. Shestakov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauk* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2009, no. 2, pp. 104-113.
 9. Fuchs A. *Shkol'nyye uchebniki po otechestvennoy istorii kak istoriograficheskiy fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.)* [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (late 17th century – second half of the 1930s)]. Moscow, IPU MGOU Publ., 2017, 420 p.
 10. Khlevnyuk O. *Zhizn' odnogo vozhdya* [Life of one Leader]. Moscow, ACT&CORPUS Publ., 2015, 446 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомиров Никита Вадимович – аспирант кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета; старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук МГАВМиБ – МВА им. К. И. Скрябина;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Tikhomirov – Postgraduate student, Department of Methods for Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихомиров Н. В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 67–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74

FOR CITATION

Tikhomirov N. Historiography of the late 1930s to the early 1950s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University*. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 67–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-67-74

УДК 930.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-75-82

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III В СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Горлов М. И., Мезенцева Ю. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить особенности интерпретации идеологии государственной политики Российской империи периода правления Александра III в школьных учебниках советского и постсоветского периодов по отечественной истории.

Процедура и методы исследования. Авторами произведен сравнительный анализ содержания советских и современных учебников отечественной истории, касающийся оценки правления Александра III.

Результаты проведённого исследования. Историографически проверена зависимость оценки государственной политики правительства Александра III и глубина представления исторического материала в зависимости от идеологических установок определенного времени составления учебников по отечественной истории в советский и постсоветский период.

Теоретическая/практическая значимость заключается в определении факторов, влияющих на оценку государственной политики Российской империи периода правления Александра III в учебниках отечественной истории советского и постсоветского периодов.

Ключевые слова: государственная политика, идеология, Россия (конец XIX в.), Александр III, учебник истории

INTERPRETATION OF THE STATE POLICY OF THE GOVERNMENT OF ALEXANDER III IN SOVIET AND MODERN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS

M. Gorlov, J. Mezentseva

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To characterize how school textbooks apply ideology to interpret official state policy of the Russian Empire during the reign of Alexander III according to their publication in the Soviet and post-Soviet periods, respectively.

Methodology and Approach. The authors make a comparative analysis of the content of Soviet and modern textbooks of Russian history, specifically their assessment of the reign of Alexander III.

Results. The authors empirically verify the ideological correlation of school textbooks' interpretation of state policy during the reign of Alexander III, as well as depth of presentation of historical material, with prevailing contemporary attitudes at publication in the Soviet versus post-Soviet period.

Theoretical and/or Practical Implications. The ideological factors that influenced school textbooks' assessment of the Russian Empire's state policy during the reign of Alexander III during the Soviet versus post-Soviet periods are determined.

Keywords. Internal and foreign policy of Russia at the end of the nineteenth century, Alexander III, ideology of state policy, Soviet history textbooks

Государственная идеология – важнейший инструмент социального развития, а ее наличие является необходимым условием функционирования страны. Поэтому научные работы, посвященные исследованию идеологии государственной политики Российской империи второй половины XIX в., приобретают особую теоретическую и практическую важность. Специфика государственной идеологии состоит в том, что она призвана обеспечивать единство общества, способствовать достижению согласия различных политических и социальных групп в целях стабильного развития страны.

Важнейшим звеном формирования государственной идеологии у детей и подростков являются школьные учебники по отечественной истории: «историческая наука получает прямой выход в социальную практику в школьных учебниках истории, которые, формируя мировоззрение подрастающего поколения, решают образовательные и воспитательные задачи» [3, с. 4].

Характеристика идеологии государственной политики Российской империи периода правления Александра III как консервативной и государственно-охранительной появляется уже в первых советских учебниках и впоследствии в той или иной форме встречается практически во всех учебниках истории советского периода. В советской историографии утвердился даже специальный термин – «контрреформы», призванный буквально одним словом охарактеризовать всю внутреннюю политику Александра III.

Заметно меняется концепция учебников по истории в постсоветский период. И хотя в целом идеология государственной политики Российской империи периода

правления Александра III в исследуемых учебниках по истории России определяется как государственно-охранительная и консервативная, авторы пытаются глубже понять основы государственной политики Александра III на основе внимательного изучения большого количества исторических фактов, имеющих отношение к его деятельности.

С введением новых учебных планов и программ ГУСа в 1923/1924 учебном году до 1934 г. преподавание истории как учебного предмета было исключено в семилетней школе, а в старших классах в рамках обществоведения изучались история труда, новейшая история и политика советской власти. По этому поводу видный историк советской эпохи М. Н. Покровский писал: «Восемь-девять лет тому назад история была почти изгнана из нашей школы – явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и подростков занимали исключительно современностью ...» [2, с. 120].

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1934 г. преподавание истории было восстановлено, а также была утверждена авторская группа для создания учебника по истории СССР. Советское руководство придавало огромное значение новому школьному учебнику истории, о чем свидетельствует тот факт, что утверждался учебник высшим руководством страны – Сталиным, Кировым и Ждановым. Они лично прочитали и составили рецензии на авторские конспекты учебников. Мнение рецензентов было отрицательным, поскольку авторская группа «...не выполнила задания и даже не поняла своего задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР. То есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав

СССР»; существенным недостатком проектов учебников, по мнению указанных выше руководителей страны, было то, что в них не была подчеркнута «аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма», а также его «контрреволюционная роль <...> во внешней политике»¹.

Исходя из указанных идеологических установок советских лидеров, становится понятным, почему в «Кратком курсе истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова, 1937 г. издания, период правления Александра III отдельно вообще не упоминается. Характеризуя в главе 43 «Капитализм в России» экономическое положение, автор указывает: «После реформы 1861 года десятки миллионов крестьян продолжали жить в ужасной нищете и бесправии <...> К концу XIX века половина всех крестьян стала бедняками ...»². Вывод вполне соответствует духу времени: «Одинаково бесправны были в царской России и рабочих, и крестьянин»³.

Комментируя подобного рода оценки деятельности Романовых в советской учебной литературе, А. П. Шевырев отмечает: «Полного табу на публикации текстов о Романовых не было <...> Такое двойственное отношение к Романовым начало складываться с 1930-х гг., когда, с возрождением имперских ценностей и восстановлением преподавания гражданской истории в школе, официальная идеология вынуждена была отказаться от полной деперсонификации политической истории, характерной для второй половины 1920-х гг.. Фактическая периодизация политической истории по царствованиям приводила к тому, что в учебной литературе появились цари и императоры. Залогом их допуска в исто-

рическую память служила исключительная негативность образа» [4, с. 199].

Справедливость мнения А. П. Шевырева подтверждает анализ учебников 1950–1980 гг. Так, например, в учебнике «История СССР» 1953 г. издания для 9 класса средней школы под редакцией А. М. Панкратовой, оценка государственной политики Александра III не меняется, хотя и появляются некоторые исторические подробности. По всей вероятности, наличие этих «деталей» должно было служить большей убедительности учебного материала. В §55 «Политическая реакция» указанного учебника можно прочесть: «После убийства народовольцами Александра II царем стал его сын Александр III, при котором народу стало жить еще хуже». Проект реформ, предложенный Лорис-Меликовым, был отвергнут, а манифест 29 апреля 1881 г. указывает, что царь будет действовать «... с верою в силу и истину самодержавной власти»⁴. Далее говорится, что Александр III всю жизнь боялся покушений и поэтому перебрался из Петербурга в Гатчину, за что и получил от современников ироничное прозвище «гатчинский пленник».

В сфере военной политики Александр III также проявил себя, по мнению авторов указанного учебника, как крайний реакционер: «В армии восстанавливались порядки Николая I: возродились рукоприкладство и муштра. В военно-техническом отношении армия всё больше и больше отставала от Западной Европы»⁵. Столь же «реакционной» оценивается и внешняя политика Российской империи, превратившей страну в «величайший резерв западного империализма»⁶.

Внутренняя политика Александра III также характеризуется как «крайне реакционная»: «Царь был открытым врагом просвещения народа». Именно с этой

¹ Сталин И. В., Киров С. М., Жданов А. А. Замечания о конспекте учебника новой истории // Правда. 1936. 27 янв.

² Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А. В. Шестакова (Одобрено Всесоюзной Правительственной Комиссией). М.: Учпедгиз, 1937. С. 106.

³ Там же. С. 108.

⁴ История СССР. Учебник для 9 класса средней школы / К. В. Базилович, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт; под ред. А. М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1953. С. 286.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ Там же. С. 289.

позиции оценивают авторы знаменитый циркуляр «о кухаркиных детях» 1887 г. Подтверждением реакционной политики в сфере науки и просвещения служит, по мнению авторов учебника, и новый университетский устав 1884 г., который лишил советы университетов «права выбирать ректора и профессоров». И даже сокращение женского образования трактуется как реакционное влияние царицы, которая, по мнению авторов учебника, утверждала, что «дело женщины – семья и кухня»¹.

Формирование образа царя-угнетателя народов России формировался с самого раннего возраста. Так, например, в учебной книге для 4-го класса «История СССР», 1961 г. издания, читаем: «Русское государство было одним из самых больших государств на земле. Около 60 больших и малых народов объединяло оно», однако «... нерадостна была жизнь народов в царской России. Все они жестоко угнетались и царскими правителями, и своими богачами. Капиталисты и помещики держали трудящихся в темноте и невежестве», потому что «... царь, капиталисты и помещики боялись, что все угнетенные народы объединятся и поднимутся на революционную борьбу. Поэтому они старались посорить народы. Они натравливали один народ на другой»².

Особый интерес представляет собой также пособие для учителя «Изучение элементарного курса истории СССР в VII классе». В разделе «Культурная жизнь России в 1-й половине XIX в.» дается точный план изучения нового материала, одним из пунктов которого значится: «Царизм – враг просвещения и культуры». Далее следуют уже сформулированные ответы на поставленные учителем вопросы: «Царизм был главным защитником крепостного права и душителем освободительного движения в стране, <...> кре-

постное право и царизм характеризуются как враги просвещения и культуры». Никаких альтернативных точек зрения по данной теме не предусматривается. В пособии строго указывается, что «... обобщая сказанное школьниками, учитель еще раз напоминает им основной вывод <...> о том, что уничтожение крепостного права и свержение царского самодержавия являлись главными задачами, стоявшими тогда перед народами нашей страны» [1, с. 348–349].

В учебнике «История СССР» И. А. Федосова (1982 г.) характер оценок деятельности царского правительства остается прежним, однако авторы уже не ограничиваются общими выводами, а подробно расписывают трагическое положение народа во всех сферах общественно-политической и культурной жизни: «Цареубийство произвело огромное впечатление как в России, так и границей, однако никакого облегчения народу оно не принесло и к тому же стало поводом для усиления реакционной политики и политических репрессий. Место старого царя занял новый»³.

Далее следует характеристика Александра III, как человека ограниченного, «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования» – так, по словам авторов учебника, характеризовали Александра III даже самые близкие ему люди⁴.

Затем авторы переходят к характеристике государственной политики и методов управления Александра III, в частности: «Он был крайним реакционером. От своих министров он требовал, чтобы они «не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом»»⁵.

Вся политическая деятельность Александра III характеризуется не только как крайне консервативная и реакционная,

¹ Там же. С. 290.

² История СССР. Учебная книга для 4-го класса / С. П. Алексеев, В. Г. Карцов. М.: Учпедгиз, 1961. С. 37–38.

³ История СССР. Учебник 8 класс. Утвержден Министерством просвещения СССР / И. А. Федосов. М.: Просвещение. 1982. С. 162.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же.

но и трусливая: «Буржуазные реформы 60-70-х годов казались Александру III слишком либеральными. Некоторое время правительство выжидало: оно боялось развертывания революционных событий, однако, убедившись в слабости народолюбивого движения, перешло к открытой реакции <...> Для усиления борьбы с революционным движением были расширены права правительственной администрации <...> Произвол полиции ничем не ограничивался»¹.

Та же картина государственного деспотизма предстает и в сфере «крестьянской политики»: «Царские законы еще более затруднили выход крестьян из общины и раздел имущества крестьянской семьи», а также в сфере просвещения, культуры и образования: «Беспощадно преследовалась демократическая печать. Реакционная политика проводилась в области просвещения: было уменьшено количество учебных заведений, резко ограничен прием в университеты, повышена плата за обучение»².

Ну и, наконец, в отношении населения национальных окраин, по мнению авторов учебника, Александр III также успел проявить себя как ярый националист: «Усилился гнет царизма на национальных окраинах. Проводилась насильственная русификация нерусских народностей, т. е. насаждался русский язык, русские обычаи, преследовалась национальная культура»³.

Побудительными причинами проведения государственной политики Александра III, по мнению авторов учебника под редакцией А. Н. Сахарова, стала убежденность Александра III в том, что «... убийство его отца, реформатора и освободителя крестьянства, стало возможным из-за ослабления самодержавной власти»⁴.

¹ Там же.

² Там же. С. 165.

³ Там же.

⁴ История с древнейших времен до конца XIX века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. Базовый уровень / А. Н. Сахаров, Н. В. Загладин. М.: Русское слово – учебник, 2013. С. 406.

Авторы учебника «История. Россия и мир» (О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин) считают, что внутриполитический курс Александра III носил противоречивый характер: «Несмотря на успешное в целом экономическое развитие страны в конце XIX века, политические и социальные преобразования в России были приостановлены и даже повернуты вспять»⁵. Оценивая реформы Александра II, авторы отмечают: «Преобразования эпохи Великих реформ оказали решающее воздействие на экономику России, которая в пореформенный период приобрела все больше капиталистических черт»⁶. И далее, рассматривая экономическое развитие страны уже в период правления Александра III, авторы подтверждают данный тезис большим количеством фактов из сферы промышленного, финансового и сельскохозяйственного развития. Оценивая же идеологию государственной политики Александра III в целом, они характеризуют её как «полицейский режим»: «Внутриполитический курс Александра III носил противоречивый характер. В политической области он характеризовался приостановкой либеральных преобразований, а в дальнейшем и консервативным пересмотром некоторых из них»⁷.

Сходной позиции в отношении государственной идеологии в период правления Александра III придерживаются и А. А. Левандовский в своем учебнике «История России XVIII–XIX веков». Положительно оценивая экономические преобразования Александра III, автор отмечает, что «... во внутриполитической сфере Александр III последовательно придерживался реакционного курса. Он критически оценивал реформы, проведенные его отцом. Реальная политика <...> правительства была направлена,

⁵ История. Россия и мир. 10 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений / О. В. Волобуев, В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин. 12-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2013. С. 313.

⁶ Там же. С. 322.

⁷ Там же. С. 329.

прежде всего, на нейтрализацию «губительных последствий» реформ 60-70-х гг. и потому получила вполне оправданное название контрреформ»¹.

В учебнике «История России» базового уровня для 10 класса под редакцией А. Ф. Киселева и Н. И. Павленко (2013 г.) деятельность правительства Александра III отдельно вообще не рассматривается. Изложение исторического материала осуществляется на основе цифр и показателей статистической отчетности, то есть максимально «объективно», без каких-либо оценочных суждений, которые, видимо, авторы предлагают учащимся сделать самостоятельно на основе анализа приведенных в учебнике фактов.

В новой редакции учебника «История России» для 10 класса под редакцией Н. И. Павленко (2013 г.) те же авторы в целом также оценивают деятельность Александра III, как политику контрреформ. При этом они как бы оправдывают эту политику непоследовательностью и противоречивостью самих великих реформ Александра II: «Первые пореформенные десятилетия показали, что самодержавие плохо уживалось с учреждениями, появившимися в результате реформ 1860-х гг. Местное самоуправление, новые суды, университетская автономия внесли противоречия в систему управления, лишив её дореформенной целостности и монолитности. Власть, по природе своей призванная быть всеохватывающей и монопольной, не могла мириться с теми зачатками демократии, что были заложены преобразованиями»².

Существенно меняется тональность оценок деятельности Александра III в учебнике «История России» для 8 класса (2015 г.) – раздел, посвященный правле-

нию Александра III, предваряется словами: «Александр III изменил жизнь в стране. Ускорились развитие российской экономики, росли города, строились железные дороги, открывались школы и больницы. Это был следующий этап модернизации российского общества, начатый еще при Петре I». При этом авторы придерживаются взвешенной позиции, указывая на явные социальные противоречия в развитии государства: «Но не все были довольны реформами. Чиновники в новых условиях теряли свою власть. Помещики были недовольны тем, что лишались своих привилегий и права владеть крестьянами как рабами. Крестьяне были недовольны освобождением без земли. Появившиеся в стране террористические группы совершали покушения на высших чиновников императора»³.

Оценка деятельности царского правительства периода правления Александра III в советских учебниках истории носила крайне идеологизированный характер. Реальные достижения России в экономике, культуре, внешней и внутренней политики в 1880–1890 гг. либо замалчивались, либо давались исключительно с точки зрения развития революционного движения, что в итоге приводило к абсолютизирующей отрицательной оценке деятельности правительства Александра III.

В постсоветский период акценты историков несколько изменились, однако общая характеристика государственной политики Российской империи периода правления Александра III как крайне «консервативной» осталась прежней. Утвердившийся в отечественной историографии термин «контрреформы» в отношении деятельности правительства Александра III благополучно перешел в большинство современных школьных учебников истории.

Статья поступила в редакцию 23.01.2020

¹ История России XVIII–XIX веков. 10 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А. А. Левандовский. 8-е изд. М.: Просвещение. 2012. С. 165.

² История России. 10 класс. Углублённый уровень. Часть 2. Учебник / Н. И. Павленко, Л. М. Ляшенко, В. А. Твардовская; Под ред. Н. И. Павленко. М.: Дрофа, 2013. С. 234.

³ История России: учеб. для 8 кл. спец. (коррекционных) образоват. учреждений для детей с нарушениями интеллекта (умственно отсталых) / Б. П. Пузанов и др. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2015. С. 279.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейбенгруб П. С. Изучение элементарного курса истории СССР в VII классе (по материалам опытного преподавания). М.: АПН РСФСР, 1962. 475 с.
2. Покровский М. Н. Предисловие к сборнику статей «Русская историческая литература в классовом освещении» (Т. 1. М., 1927) // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 118–132.
3. Фукус А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен: конец XVII в. – 1930-е гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011, 55 с.
4. Шевырев А. «И вообще после Петра Первого России очень не везло на царей»: Романовы в общественном дискурсе советской эпохи // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013 / под ред. В. В. Лапина, Ю. А. Сафроновой. СПб.: Европейский ун-т, 2016. С. 198–212.

REFERENCES

1. Leybengrub P. *Izucheniye elementarnogo kursa istorii SSSR v VII klasse (po materialam opytnogo преподаvaniya)* [Studying the elementary course in the history of the USSR in the 7th grade (based on the materials of experimental teaching)]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1962, 475 p.
2. Pokrovskiy M. [Preface to the collection of articles "Russian historical literature in class coverage", Moscow, vol. 1, 1927]. In: Pokrovskiy M. *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov* [Historical science and the struggle of classes], iss. 1. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1933, pp. 118–132.
3. Fuks A. *Shkol'nyye uchebniki po otechestvennoy istorii kak istoriograficheskiy fenomen: konets XVII v. – 1930-ye gg.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon: end of the 17th century – 1930s: abstract of a doctor thesis in historical sciences]. Moscow, 2011, 55 p.
4. Shevyrev A. ["In general, after Peter the Great Russia was very unlucky for kings": The Romanovs in the public discourse of the Soviet era]. In: Lapina V., Safronovoy Y., eds. *400-letiyе doma Romanovykh: politika pamyati i monarkhicheskaya ideya, 1613–2013* [400th anniversary of the Romanovs: politics of memory and the monarchist idea, 1613–2013]. St-Petersburg, Yevropeyskiy univ. Publ., 2016, pp. 198–212.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Михаил Иванович – старший преподаватель кафедры методики обучения изобразительно-му и декоративному искусству, Московский государственный областной университет;
e-mail: mgorlov@mail.ru

Мезенцева Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой методики обучения изобразительно-му и декоративному искусству Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-moidi@mgou.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORES

Mikhail I. Gorlov – Senior Lecturer, Department of Teaching Methods of Fine and Decorative Arts, Moscow Regional State University;
e-mail: mgorlov@mail.ru

Julia I. Mezentseva – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Head of the Department of Methods of Teaching Fine and Decorative Arts, Moscow Regional State University;
e-mail: kaf-moidi@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н., Мезенцева Ю. И. Интерпретация государственной политики правительства Александра III в советских и современных школьных учебниках истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-75-82

FOR CITATION

Gorlov M., Mezentseva J. Interpretation of the state policy of the government of Alexander III in Soviet and Modern school history textbooks. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 75–82.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-75-82

УДК 94+276

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-83-90

ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИУМА В ТЕОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА V В.: АВГУСТИН О НАРОДАХ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Епифанова Т. В.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Исследование теории происхождения и развития этносов, а также и их взаимодействий в учении отца церкви Августина.

Процедура и методы исследования основаны на системном и терминологическом анализе данных главного труда Августина «О граде Божьем» с привлечением трактатов «Энхиридион» и «О согласии евангелистов».

Результаты проведенного исследования. Этносы (*gentes*) в учении отца церкви представляют собой кровнородственные племенные коллективы, отличающиеся происхождением от разных библейских предков, различием языков и территорий расселения. Этносы отличаются от народов, понимаемых как совокупность граждан или подданных государства или как упорядоченное законами сообщество. Если народы составляют государства земного града, то этносы – это элементы Града Божьего, опосредованные к нему институтом христианской церкви. Отношения между народами рассматриваются Августином с позиций распространения христианской религии и расширения масштабов церкви, а отношение к войнам как к неизбежному злу, что определило разработку им принципов и положений теории справедливой войны в международных и межэтнических взаимодействиях.

Теоретическая/практическая значимость. Вопросы этнической общности в теории Августина, как и его представления о месте этносов в позднеантичной государственности, межгосударственном и международном взаимодействии ранее специально не изучались ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

Ключевые слова: Аврелий Августин (блаженный), этнос, народ, церковь, справедливая война

ETHNIC MEASUREMENT OF SOCIETY IN THE THEORY OF EARLY CHRISTIANITY DURING THE FIFTH CENTURY: AUGUSTINE ON PEOPLES AND THEIR RELATIONS

T. Epifanova

Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry

53/2–1 ul. Ostozhenka, Moscow 119021, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the theory of the origin and development of ethnic groups, as well as their role in teachings, in the writings of the church father Augustine, who lived in the period of late antiquity and whose views determined the doctrine of the Catholic Church (Augustinianism) from the fifth century to the era of the “high” Middle Ages.

Methodology and Approach. Using systemic and terminological analysis, Augustine’s chief work, *De Civitate Dei*, as well as his treatises *Enchiridion* and *On the Consent of the Evangelists*, are studied for their ideas about ethnic groups and their role in society.

Results. Ethnoses (*gentes*) in the teaching of Augustine are blood-related tribal collectives distinguished from one another by their origin with different biblical ancestors, their language differences and their settlement territories. In his work, ethnic groups differ from peoples understood as a collection of citizens, subjects of the state or a community ordered by laws: peoples constitute the states of the earthly city, whereas ethnic groups are elements of the City of God, connected to it through the institution of the Christian church. Relations between nations are considered by Augustine from the standpoint of the spread of Christianity and expansion of the church. The military campaign of the Germans against the Roman Empire, as well as his own concept of history, predetermined Augustine’s attitude to wars as an inevitable evil and his development of the principles and practice of the just war in international and interethnic interactions.

Theoretical and Practical implications. Issues of ethnic community in Augustine’s theory, as well as his ideas about the role of ethnic groups in statehood and interstate and international interaction, seem important for understanding the content of the early Christian doctrine he promulgated, as well as the European worldview that developed in the early Middle Ages. These issues have not been specifically studied in either Russian or foreign literature, despite a significant amount of extant research on the theoretical legacy of Augustine.

Keywords: ethnoses, ethnic community, people, Church, family, just war, Augustine

В богатом письменном наследии авторитетного отца христианской церкви Августина (354–430 гг.), включающем разнообразнейшие памятники мысли от писем и посланий до монументальных трактатов, сохранившихся до наших дней, много внимания уделено человеку и его общественному измерению: сообществам в разных формах – семье, государству, церкви, этносу.

Последнее из перечисленных сообществ наименее изучено в его произведениях. Исключением стало исследование феномена «христианского народа» в теории Августина, предпринятое С. В. Рассадным, приведшим к выводу, что теолог «осуществил концептуальный перевод всех форм античных социальных «множеств» к одному универсальному понятию «народ» (*populus*), предложив последующим мыслителям принципиально новую идею религиозного общества – «*respublica christianorum*», обладающего

сверхприродной сущностью, но при этом существующего в виде реального земного сообщества» [7, с. 180–184].

Соглашаясь с приведенным мнением, необходимо обратить внимание и на этническое сообщество, библейскую священную историю появления народов и их взаимоотношений, отраженную в идеологии раннего средневековья, ярким представителем которого был Августин.

Происхождение этносов

Основываясь на ветхозаветной книге Бытия, Августин пишет о происхождении народов (*gentes*) от трех человек, сыновей Ноя, от которых «получили начало рассеянные по странам земли семьдесят три, или <...> семьдесят два народа (*gentes*) и столько же языков (*linguas*). Народы эти, разрастаясь, наполнили и острова. Число народов, впрочем, значительно превысило число языков. Мы знаем в Африке

очень много варварских народов, говорящих одним языком»¹.

Этническое сообщество Августин определяет преимущественно термином *gens*, употребляя также *genus*, *familia* и *domus* в схожих смысловых значениях. Устойчивая связь народа (*gens*) и языка (*lingua*) изначально обозначена Августином и свойственна этническому сообществу, контекст же высказывания в целом дает основания полагать, что речь идет о племенной этнической общности.

Продолжая толкование ветхозаветного текста (XVI книга «О граде Божьем») Августин отметил, что основателями *gentes* были Сим, Хам, Иафет. Потомки Иафета стали родоначальниками 15 народов, потомки Сима основали 27 народов, а Хама – 31². «Если сыновья многих (потомков Ноя. – Т. Е.), – полагает Августин, – не упомянуты, то потому, что, рождаясь, они присоединялись к другим народам, а сами произвести народы не могли»³. Основателями народов стали потомки пяти поколений сыновей Ноя. Следуя книге Бытия, Августин считает разделение народов и языков божьим наказанием: «за нечестивое превозношение народы были наказаны различием языков, подверглись разделению»⁴. В семействе (*familia*) Евера «по разделении других народов (*ceterae gentes*) иными языками, сохранился тот язык, о котором не без основания думают, что он прежде был общим для всего рода человеческого (*humano generi*), то язык этот и назван был потом еврейским»⁵.

Таким образом, в толковании Августина присутствует взаимосвязь понятий

семья – народ – род человеческий (*familia* – *gens* – *genus*), где *genus* – не этническое понятие. В соответствии с ветхозаветной библейской традицией Августин выводит происхождение народов, как этнических сообществ, от одного предка через большесемейные племенные кровнородственные коллективы, отличающиеся языком и территорией расселения.

Логику происхождения народов (*gentes*) нарушает одно исключение, описанное Августином. Это сын Хама Нимрод, основатель Вавилона, которого невозможно считать основателем народа (*gentem*) из-за отсутствия собственного языка, смешения языков и народов в Вавилонии⁶. Поэтому теолог пишет о 72 народах, произошедших от 73 библейских предков.

«Имена этих народов (*gentium vocabula*) отчасти сохранились, так что и в настоящее время видно, откуда они произошли: как ассирияне от Ассура, евреи от Евера; отчасти же изменились, от давности до такой степени, что едва ученые исследователи древностей в состоянии разгадать по ним происхождение (*origines*) не всех, а лишь некоторых народов (*gentium*)»⁷. Причем, «если рассмотреть и все вообще имена, более окажется измененных, чем удержавшихся»⁸. Следовательно, взаимосвязь названия народа (*gentium vocabula*) с его происхождением от основателя (*origines gentium* – *Assur, Heber*) установить, чаще всего, невозможно.

Таким образом, в *De civitate Dei*, *gens* – племенная этническая общность людей, связанных кровным родством, общим языком и происхождением от единого библейского предка.

Сочетание кровнородственного коллектива с именем его основателя обозначается у Августина не только термином *gens*, но также и термином *domus*. Например, он пишет: «Вергилий называет властолюбивейший град домом Ассарака (*domum Assaraei*), разумея под этим именем римлян

¹ Augustinus Aurelius (далее – Aug.), *De Civitate Dei* (далее – DCD), XVI, 6. Здесь и далее цит. по изданию: Augustinus Aurelius. Opera Omnia. Ed. Froben. Basiliae. 1569. Перевод на русский язык цит. по изданию: Блаженный Августин. О граде Божием, в двадцати двух книгах. Т. 1–4. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994 (репринт изд. 1905–10 гг.)

² Aug., DCD, XVI, 3.

³ Ibid.

⁴ Aug., DCD, XVI, 11.

⁵ Ibid.

⁶ Aug., DCD, XVI, 4.

⁷ Aug., DCD, XVI, 11.

⁸ Ibid.

(*Romanos*), которые ведут свое происхождение от Ассарака через троян; и их же называет домом Энея (*domum Aenae*): потому что пришедшие под его предводительством в Италию трояне основали Рим. Поэт подражал на этот раз Священному Писанию, в котором домом Иакова (*domum Jacob*) называется многочисленный народ еврейский (*populus Hebraeorum*)»¹.

В интерпретации Августина *domus* обозначает этническую общность, происходящую от определенного предка, что сближает смысловое содержание *domus* и *gens*. Разница же употребления терминов определена самим контекстом: *domus* Августин использует в повествовании об основании Римского государства (*civitas* – град, Рим). Термином *gens* им названа этническая общность безотносительно ее государственной принадлежности.

В XIX книге *De civitate Dei* Августин пишет: «дом (*domus*) человека должен быть началом или частичкою града (*civitatis*)»². Эта мысль Августина не оригинальна, она типична для греко-римской античной мысли в целом. Достаточно вспомнить Аристотеля: «всякая семья составляет часть государства»³. Или Цицерона: «в человеческом обществе есть много ступеней <...> более тесны связи и узы между родными, исходя из <...> неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное»⁴.

В неразрывной связи с государством⁵ или законом божьим употреблен термин *populus* для обозначения народа. Именно как *populus* представлен у Августина еврейский народ в периодизации его существования: «по таким периодам времени распределен был и народ Божий

(*dei populus*), как было угодно Богу, расположившему все мерою, числом и весом (Прем. XII, 21). Сначала он существовал до закона, потом был под законом, даным через Моисея (Иоан. 1, 17), потом под благодатью, открытой первым пришествием Ходатая»⁶. Поэтому можно сделать вывод, что *populus* у Августина представляет собой организованную государством или упорядоченную божьими законами общность людей.

Интересно, что для названия еврейского народа как этноса Августин употреблял словосочетание *gens Hebraea*⁷, а не *populus*. В XIX книге *De civitate Dei* он использовал *populus* для обозначения народа как совокупности граждан государства в контексте рассмотрения определения *res publica* Цицерона⁸. Следовательно, со всем основанием можно сказать, что *populus* определял общность граждан государства.

Евреи и римляне

В главном по значимости труде теолога *De civitate Dei* упомянуто много легендарных и реальных этносов – *gentes*. Это египтяне⁹, ассирийцы¹⁰, халдеи¹¹, троянцы¹², содомляне¹³, филистимляне¹⁴, индийцы¹⁵ эллины¹⁶, атланты¹⁷, ливийцы, персы, скифы, галлы, испанцы¹⁸.

⁶ Aug., *Enchiridion ad Laurentium, sive de Fide, Spe et Caritate* (далее – *Ench.*), 118.

⁷ Aug., *De consensu Evangelistarum* (далее – *De cons. Evang.*), XII, 18; *De cons. Evang.*, I, 12.

⁸ Aug., DCD, XIX, 24.

⁹ DCD, VIII, 23; DCD VIII, 26; DCD XII, 10; DCD, XII, 12; DCD, XVI, 4; DCD, XVI, 11; DCD XVI, 43; DCD, XVIII, 5; DCD, XVIII, 39; DCD, XVIII, 40; DCD, XVIII, 52.

¹⁰ Aug., DCD, IV, 7; DCD, XVI, 3; DCD, XVI, 11; DCD XVIII, 2.

¹¹ Aug., DCD, XVI, 12; DCD, XVI, 13; DCD, XVI, 15; DCD, XVI, 24; DCD, XVIII, 2; DCD, X, 10; DCD, X, 27; DCD, X, 32.

¹² Aug., DCD, III, 2; DCD, III, 3; DCD, III, 4; DCD, I, 3; DCD XVIII, 19; DCD, XV, 19.

¹³ Aug., DCD, XVI, 22; DCD XVI, 29; DCD XVI, 30; DCD, XXI, 24; DCD XXIV, 19.

¹⁴ Aug., DCD, XVII, 7; DCD XVI, 3.

¹⁵ DCD, VIII, 9; DCD, XVIII, 2; DCD, X, 32; DCD, XIV, 17.

¹⁶ DCD, XVI, 2; DCD, XV, 26.

¹⁷ DCD, VIII, 9.

¹⁸ *Ibid.*

¹ Aug., DCD, XV, 19.

² Aug., DCD, XIX, 16.

³ Арист., Пол., V, 1260b. Цит. по изданию: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1984. 830 с.

⁴ Циц., Об обязанностях, I, XVII, 53. Цит. по изданию: Цицерон. Об обязанностях [Электронный ресурс]. URL: <https://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/08/Mark-Tulliy-Tsitseron-Ob-obyazannostyah.pdf> (дата обращения: 21.03.2020).

⁵ Aug., DCD, XV, 19.

Но, несмотря на этот внушительный перечень, основное внимание Августина привлекали два народа: римляне и евреи. И если *Hebraei* – этническое сообщество, то *Romani* – совокупность граждан римского государства. Античные авторы римского государства периода ранней империи, например Тацит, уже идентифицировали римлян как граждан государства¹. Следовательно, ко времени Августина, римлянин – давно неэтническое понятие, в отличие, например, от германца.

Как отметила Л. Сумм, «“римлянин” эпохи античной классики – понятие гражданское, не отменяющее принадлежности человека к тому или иному народу и не дополняющее ее» [9, с. 173–174].

Этнические общности в теории Августина организуются и упорядочиваются не только и столько государством и законами, сколько церковью – прообразом Града Божьего на земле. В *De civitate Dei* приводятся многообразные определения церкви. И одно из них непосредственно связано с этническими сообществами и их происхождением: «церковь (*ecclesia*) поскольку собирается из всех народов (*ex omnibus gentibus*), названа двукровною ради двух родов людей (*duobus generibus*), т. е. обрезанных и необрезанных, которых апостол называет иначе иудеями и эллинами (Рим. III. 9): трекровною же потому, что «все племена (*omnes gentes*) восстановлены были после потопа от трех сыновей Ноя»².

Следовательно, институт церкви носит всемирный характер и состоит из всех этносов (*omnes gentes*) и конфессий (*duobus generibus*). Представители религиозных общностей – *generes* иудеев и язычников (обрезанные – необрезанные; иудеи – эллины) пополняют вселенскую христианскую церковь после обретения истинной веры. А этнические сообщества – *gentes* являются структурными элементами, сумма которых создает вселенскую христианскую церковь.

¹ Tacitus, Hist., IV, 13-15, 20-23, 54-56, 74-76.

² Aug., DCD, XV, 26.

Очевидно, что этносы (*gentes*), как и роды людей (*generes*) у Августина являются составными элементами института вселенской церкви, а семья (*domus*) и народ (*populus*) – составными единицами государства.

Уже было отмечено, что интерес Августина к этносам ограничивается иудейским и римским народами. Евреев Августин считает богоизбранным народом³, история возникновения и развития которого (до Авраама) запечатлена в священных писаниях.

Совершив великий грех, евреи были подвергнуты Богом справедливому наказанию. «У иудейского народа (*Hebraei gentis*), назначенного для проповеди о Христе, не было никакого иного Бога, кроме Бога единого, Бога истинного, сотворившего небо и землю и все, что на них; и за отступления от Него иудеи часто предавались во власть своим врагам; и ныне за тягчайшее преступление, – за умерщвление Христа, -- они почти изгнаны из самого Иерусалима, который стоял во главе их царства, и подчинены власти Рима»⁴.

Помимо совершенного ими великого греха, евреи, как пишет Августин, не придерживаются истинной веры, поэтому они «из старших были сделаны младшими (*ex majoribus minores facti sunt*)»⁵.

Римляне же, не будучи избраны Богом, изначально отличались свободолубием и жадной славой. В восемнадцатой главе V книги *De civitate Dei* Августин перечислил выдающихся, с его точки зрения, политических деятелей доимператорского Рима. Среди них Камилл, Муций, Курций, Марк Пульвилл, Регул, Цинциннат, Фабриций. Августин пришел к заключению, что в Римской империи, «такой обширной и такой долговечной, знаменитой и славной доблестями столь великих мужей, и усилия этих мужей получили награду, которой добивались, и нам даны нужные

³ Aug., DCD., XVI, 3-10.

⁴ Aug., De cons. Evang., XII, 18.

⁵ Aug., DCD, XVII, 4.

примеры для подражания»¹. «Для славы же человеческой и для славы нынешнего времени достаточно достойною считалась и их жизнь. Поэтому совершенно справедливо были отданы в жертву славе их иудеи, убившие Христа»².

В целом история еврейского и римского народов изложена Августином в контексте развития нравов этих народов. Совершившие тяжкий грех убийства Христа и не почитающие истинного Бога евреи отданы римлянам под господство. Судьба евреев в интерпретации теолога должна послужить примером римлянам, нравы которых в период империи сильно упали, и предостережением им на будущее время: если продолжится падение их нравов, римляне могут быть наказаны господством других народов.

Международные отношения

Отношения власти, господства и подчинения одних народов другими в теории Августина обосновано происхождением этносов, с одной стороны, и их нравственным совершенством, с другой. В рабовладельческом обществе, пронизанном отношениями доминирования свободных над зависимыми, в исторических реалиях начавшегося завоевания территории Западной Римской империи германцами, отношения между народами и этносами мыслились в категориях насилия, завоевания и покорения. Экономические связи между народами не интересуют теолога. Межэтническое и межгосударственное взаимодействие рассматривается им с точки зрения распространения христианской религии и превращения церкви как института во вселенскую, всемирную.

Августин определяет отношения подчинения/доминирования божественным произволением. Благословение Ноем двух сыновей, Сима и Иафета, и проклятие среднего, Хама, повлекло изначальное неравенство между этносами,

основателями которых они были. «Хам был проклят в сыне своем, как в плоде, т. е. в произведении своем»³. Поэтому «злой брат в лице своего сына, т. е. своими действиями служит отроком, т. е. рабом для братьев добрых, когда добрые с умением пользуются злыми или для упражнения в терпении, или для преуспевания в мудрости»⁴. Таким образом, в священной библейской истории, интерпретируемой Августином, покорение и порабощение одних этносов другими обусловлено божественной волей, оправдано и заслужено самими народами или их библейскими предками.

В исторических реалиях града земного, Римской империи рубежа IV–V вв., процесс покорения и подчинения, завоевания народов мыслился и осуществлялся преимущественно при помощи войн, которые вели государства друг с другом. Августина принято считать одним из основоположников теории справедливой войны, всесторонне исследованной зарубежными и российскими специалистами. Роль Августина в разработке теории справедливой войны изучалась Б. Н. Кашниковым [3], В. Ю. Балабушевичем и А. И. Гурским [1], Р. З. Рувинским [8], А. Б. Егоровым [2], А. Д. Куманьковым [5] и др. Августина называют одним из первых христианских мыслителей, выдвинувшего идеи справедливой войны [1, с. 19], которые, однако, еще не кристаллизировались в системную доктрину [4, с. 37]. Отмечается акцент Августина на наказание греха как на справедливое основание начала войны, получившее широкие трактовки в дальнейшем и послужившие концептуализации доктрины священной войны [5, с. 142]. Главными принципами теории справедливой войны Августина выделяют принципы правого дела и легитимной власти [6, с. 33].

Подводя итоги, можно отметить, что в трудах основоположника ранней доктрины христианской церкви этническое

¹ Aug., DCD, V, 18.

² Ibid.

³ Aug., DCD, XVI, 2.

⁴ Ibid.

измерение социума чрезвычайно важно. Как показал анализ, этносы – *gentes* в его учении, – основанные ветхозаветными библейскими предками, потомками Ноя, представляют собой кровнородственные племенные сообщества, отличающиеся языком и территорией расселения.

Именно *gens* является структурным элементом вселенской христианской церкви, так же как семья (*familia*) и народ (*populus*) – составными частями государства земного, организованного властью и законами. Этническое же измерение социума в учении Августина через посредство института церкви целиком и полностью имеет отношение к Граду Божьему.

Вопреки пацифистскому настрою христианства в целом, в конкретных условиях германского завоевания теолог пришел к идее о необходимости ведения справедливых войн в межэтнических взаимодействиях. Результаты справедливых войн и покорение одних народов другими обусловлены всецело божественной волей.

Взаимоотношения между народами в граде земном определяются в учении

теолога в соответствии с их происхождением и нравственным совершенством. Завоевание или подчинение одних народов другими является божественной карой для покоренных народов за их грехи. История завоевания богом избранного еврейского народа римлянами-язычниками тому пример.

В процессе завоевания германцами территории Западной Римской империи теория Августина давала исчерпывающие ответы на запросы современников о происходящих событиях и их причинах, несмотря на то, что сам Августин не знал, что ждет римлян. Он писал: «римское государство скорее расстроено, чем разрушено; подобное случалось с ним и в прежние времена, до христианства, и оно от такого расстройтва оправлялось. Не следует отчаиваться в этом и теперь»¹. Учение Августина заложило основы христианской доктрины, в которой еще долгие века после падения Римской империи люди находили ответы на самые важные вопросы.

Статья поступила в редакцию 24.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабушевич В. Ю., Гурский А. И. Христианская теория «справедливой войны»: философско-социологический анализ // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 1 (6). С. 15–20.
2. Егоров А. Б. Понятие «справедливой войны» в римском сознании // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 55–57.
3. Кашников Б. Н. «Теория справедливой войны» как война и справедливость глобального мира // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 24–31.
4. Коростелев С. В. Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 34–44.
5. Куманьков А. Д. Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137–151.
6. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под общ. ред. Б. Коппитерса и др. М.: Гардарики, 2002. 407 с.
7. Рассадин С. В. Социальный порядок в концепции Августина: от «множеств» к «народу» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. Вып. 1. С. 180–184.
8. Рувинский Р. З. Отражение доктрины «справедливой войны» (*bellum justum*) и понятия «незаконного врага» (*hostis injustus*) в современном международном праве // Международное право. 2016. № 1. С. 1–12.
9. Сумм Л. Римский стык // Новый мир. 2000. № 11. С. 173–174.

¹ Aug., DCD, IV, 7.

REFERENCES

1. Balabushevich V., Gursky A. [Christian theory of "just war: philosophical and sociological analysis]. In: *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2016, no. 1(6), pp. 15–20.
2. Egorov A. [The concept of "just war" in the Roman mind]. In: *Mavrodinskiye chteniya 2018: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Vasil'yevicha Mavrodina* [Mavrodin Readings 2018. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 110th birthday of Professor Vladimir Vasilievich Mavrodin], St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 55–57.
3. Kashnikov B. [«The theory of a just war» as a war and justice of the global world]. In: *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal* [Military Law Journal], 2014, no. 3, pp. 24–31.
4. Korostelev S. [Evolution of views on the justification of the use of force before the establishment of modern institutions]. In: *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management Consulting], 2016, no. 10, pp. 34–44.
5. Kumankov A. [War as a punishment: historical foundations and the current state]. In: *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2019, vol. 19, no. 2, pp. 137–151.
6. Coppieters B., et al., eds. *Nravstvennyye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [The moral limitations of war: problems and examples], Moscow, Gardariki Publ., 2002, 407 p.
7. Rassadin S. [Social order in the concept of Augustine: from «sets» to «people»]. In: *Vestnik TvGTU. Seriya: Nauki ob obshchestve i gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities], 2017, iss. 1, pp. 180–184.
8. Ruvinsky R. [Reflection of the doctrine of «just war» (bellum justum) and the concept of «illegal enemy» (hostis injustus) in modern international law]. In: *Mezhdunarodnoye pravo* [International Law], 2016, no. 1, pp. 1–12.
9. Summ L. [Roman junction]. In: *Novyy mir* [New World], 2000, no. 11, pp. 173–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Epifanova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанова Т. В. Этническое измерение социума в теории раннего христианства V в.: Августин о народах и их взаимоотношениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 83–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-83-90

FOR CITATION

Epifanova T. Ethnic measurement of society in the theory of early christianity during the fifth century: Augustine on peoples and their relations. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 83–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-83-90

УДК – 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-91-100

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ В АВСТРИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЖИМА Э. ДОЛЬФУСА (1933–1934 гг.)

Козьякова Н. С.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Исследование установления режима Э. Дольфуса и борьба против террористической диктатуры (1933–1934 гг.).

Процедура и методы исследования. Ведущими методами являются историко-генетический, позволяющий рассматривать исследуемые вопросы в динамике и воссоздавать между ними причинно-следственные связи, а также проблемно-хронологический подход, опирающийся на принцип историзма.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу, что реакционные правящие круги в стране уничтожили остатки демократических свобод, стремясь перейти к фашистским методам управления при помощи поощрения роста и политической значимости националистических организаций. С 1931 г. в Австрии заметно усилилась опасность национал-социализма, обусловленная угрозами со стороны хеймвера – вооруженной гвардии крупных австрийских помещиков, роста фашизма в соседней Германии и профашистской политике австрийских правящих кругов. Особенно эта ситуация обострилась в конце 1932 г. – начале 1933 г. с переходом реакционных австрийских правящих кругов к избавлению от парламентаризма в обстановке, когда массовое движение приняло значительный масштаб, а экономический кризис достиг наибольшей глубины.

Теоретическая/практическая значимость заключается в возможности использовать результаты исследования при подготовке учебных пособий по новейшей истории Европы и Америки, а также специальных курсов по истории Австрии.

Ключевые слова: Первая Республика (Австрия), Энгельберт Дольфус, диктатура, террористический режим

AGGRAVATION OF THE INTERNAL POLITICAL SITUATION IN AUSTRIA FOLLOWING THE RISE OF THE DOLLFUSS REGIME (1933–1934)

N. Kozyakova*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyze the ascendance to power of Austria's Dollfuss regime and the opposing struggle against the terrorist dictatorship (1933–1934).

Methodology. Methods of historical research are used, primarily the historical-genetic method, allowing a consideration of the dynamics of the issues under study and a recreation of the cause-and-effect relationships among them. In presenting the material, the author also refers to the problem-chronological approach based on the principle of historicism.

Results. The author concludes that the reactionary ruling circles in the country destroyed the remnants of democratic freedoms, seeking to transition to fascist methods of governance by encouraging the growth of fascist organizations.

From 1931, the danger of national socialism increased markedly in Austria, due largely to the rise of the *Heimwehr*, the armed guard of large Austrian landowners, as well as the growth of fascism in neighboring Germany and pro-fascist sympathies in Austrian ruling circles. The danger intensified in late 1932 through early 1933, with the growing desire of reactionary elements of the Austrian ruling circles to institute openly fascist methods of government and eliminate parliamentarism. At this time the fascist movement took on significant scale and the country's economic crisis reached its greatest depths.

Theoretical and/or Practical Implications. Findings are relevant for the preparation of textbooks on the modern history of Europe and America, as well as special courses on the history of Austria.

Keywords: Government of E. Dollfuss dictatorship terrorist regime, amplification reaction

Введение

Изучение исторического опыта борьбы за национальную независимость и свободу, а также против реакции и фашизма по-прежнему актуально и в XXI в. Актуальность данной темы обусловлена также и тем, что в XX в. для перехода стран к социализму от капитализма открывались новые перспективы, которые были связаны с глубокими историческими изменениями на международной арене и, следовательно, требовали анализа состояния правящего класса, его связей с другими слоями населения, которые совместно могли преодолеть сопротивление реакции [1, с. 92].

Курс на установление фашистской диктатуры правительство Э. Дольфуса взяло после роспуска парламента. В стране были уничтожены остатки демократических свобод и установился режим жесточайшего террора. Новое руководство отбирало у рабочих все завоевания, которые сохранились со времени революции 1918 г. На одном из собраний христианско-социальной партии реакционер К. Вогуэн определил режим Э. Дольфуса как своего рода «контрреволюцию против 1918 г.» [5, S. 148]. Свобода печати и собрания была упразднена чрезвычайными декретами от 7 марта. По мнению австрийского историка Юргена Наутца, свыше четырехсот плакатов и листовок, а также 274 номера рабочих газет было запрещено цензурой за два с половиной месяца с момента установления дольфу-

совской диктатуры. 2,5 млн. экземпляров достигало количество конфискованных изданий [13, S. 148]. В числе первых здесь была газета *Rote Fahne*, над которой обязательная предварительная цензура была установлена еще 13 марта. Около 300 чрезвычайных декретов было издано за 11 месяцев диктатуры Э. Дольфуса, большая часть из них была направлена против трудящихся. При подготовке разгрома рабочего движения, фашистская клика усилила преследование Коммунистической партии, которая занималась организацией борьбы с фашизмом [2, с. 60]. Австрийский исследователь фашизма Детлеф Лехнерт считает, что, прибегая к жесткой травле, коммунистов старались изолировать от масс, что должно было стать началом похода против рабочих, но партия разоблачила данные планы. *Rote Fahne* писала: «Опыт Германии доказывает, что с коммунистов начинают, <...> что после атак на коммунистов приходит очередь всего рабочего класса» [10, S. 135].

Наступление на права трудящихся

Первым шагом на пути к ликвидации массовых рабочих организаций был роспуск шуцбунда. В своем исследовании профессор Венского университета Штеффен Кайлитц делает вывод, что предприниматели торопились нанести подготовленный удар по шуцбунду. 16 марта была запрещена деятельность шуцбунда в Тироле, а его местный руководитель Х. Куприан арестован. Это проходило под

предлогом напряженного положения на австро-германской границе и являлось своего рода проверкой готовности социал-демократии к сопротивлению. Но руководство социал-демократической партии призвало возмущенных шуцбундовцев Тироля к спокойствию и заявило, что «дело не в названии и не в одежде» [8, S. 247]. Это поощряло реакцию в дальнейших действиях против шуцбунда.

Немецкий историк Пауль Бернхард Водразка полагает, что правительство Э. Дольфуса начало несколько раз откладываявшийся процесс по делу шуцбундовцев Зиммеринга, которые обвинялись в убийстве. Таким образом оно рассчитывало создать повод для запрета шуцбунда. Вопреки ожиданиями сторонников Э. Дольфуса, оправдание шуцбундовцев судом вызвало волнение в правящих кругах. В статье «Непонятный приговор» газета *Neue Freie Presse* требовала немедленной ликвидации института присяжных, а также писала, что это – «Шаттендорф наоборот» [19, S. 128].

Действительно, социал-демократические руководители и на этот раз ограничились только словесным протестом, а не призвали рабочих к сопротивлению. Распоряжение К. Зейца о роспуске венского хеймвера было пустословным, так как не подкреплялось действиями. Правительство Э. Дольфуса на следующий день отменило его распоряжение и поставило забывшегося бургомистра на место. Правление социал-демократической партии для того, чтобы успокоить возмущенных рабочих, взамен шуцбунда объявило о создании дружин (*Ordnerschaften*) для наблюдения за охраной и порядком. По мнению Ерики Вайнцирл, в рамках партии «орднеры» не должны были иметь организации и вооружения, а их единственным отличительным признаком была красная повязка на рукаве [16, S. 12].

Социал-демократические руководители, допустив роспуск шуцбунда, дали свое согласие на разоружение рабочих. С этого момента аресты шуцбундовцев

и поиски оружия приобрели еще более широкий характер. С марта 1933 г. по февраль 1934 г. у рабочих было конфисковано 57 тыс. патронов, 1210 винтовок и 25 пулеметов¹. У них оставалась только небольшая часть оружия, которое находилось в надежных укрытиях.

В это же время правительство Э. Дольфуса приступило к расширению и укреплению военно-полицейского аппарата. Военный министр К. Вогуэн 24 марта резко выступил по радио против «нарушителей порядка» и заявил, что правительство будет действовать против них «твердой рукой». Австрийский историкограф Кристиан Лука считает, что при этом особое внимание уделялось принимаемым мерам по усилению армии: налаживание взаимодействия между полицией, армией и жандармерией, создание моторизованных частей и т. д. [12, S. 74]. Стефан Карнер делает вывод, что в это время усилилась чистка армии от неблагонадежных элементов. За 1933 г. возросли расходы на вооружение и армию с 80 до 86 млн. шилл., а в 1934 г. – еще на 15 млн. шилл. [9, S. 75].

Таким образом, правительство Э. Дольфуса, добиваясь увеличения численности вооруженных сил реакции, приступило в апреле к созданию из фашистских формирований так называемого «вспомогательного корпуса»: *Ostmerksische Sturmsharen*, хеймвера, Союза фронтовиков и т. д. Под руководством армейских инструкторов вступившие во вспомогательный корпус добровольческие части проходили военную подготовку². Несмотря на то, что данные меры проводились для борьбы против национал-социалистов, в первую очередь они были направлены против революционного движения в стране. Приближавшийся с самого на-

¹ Felber U. Staats- und Verfassungskrise: Symposium zum 80. Jahrestag des 4. März 1933; stenographische Protokolle des Nationalrates und des Bundesrates 1933/34. Wien: Parlamentsdirektion; 2013.

² Kriechbaumer R. «Dieses Österreich retten ...»: die Protokolle der Parteitage der Christlichsozialen Partei in der Ersten Republik. Wien; 2006, 485 S.

чала по своему характеру к диктатуре фашистского типа террористический режим Э. Дольфуса знаменовал собой постепенный переход к открытой фашистской диктатуре. В качестве клерикальной фашистской диктатуры он ускорил процесс оформления астрофашизма.

Финансовые круги и крупные промышленники с удовлетворением встретили реакционные мероприятия и государственный переворот Э. Дольфуса. Согласно протоколам, выступая 10 марта на заседании Нижне-Австрийского промышленного объединения, его председатель О. Беллер заявил, что «хозяйственные круги приветствуют намерения правительства»¹. Правительство Э. Дольфуса еще больше усилило давление на социальные завоевания трудящихся и жизненный уровень, выполняя требования монополий. 31 марта в клубе промышленников состоялось собрание крупнейших австрийских предпринимателей. Эрих Фрошль считает, что доклад генерального директора «Альпине-Монтан» Г. Апольда стал триггером к принятию резолюции, в которой правительству были выдвинуты требования «коренного устранения препятствий на пути снижения себестоимости австрийской продукции» [7, S. 68].

Сильнейшим ударом по рабочим стал закон «О защите хозяйства» от 21 апреля 1933 г., согласно которому на государственных и других «жизненно важных» предприятиях запрещались любые забастовки, а на других предприятиях – забастовки политического характера. Вслед за этим для некоторых категорий рабочих государственных предприятий и служащих был урезан закон, а в фабричных заводских комитетах сокращена оплата сверхурочных работ, введен принудительный арбитраж, ликвидирована

система коллективных договоров и отменен восьмичасовой рабочий день. Законами от 11 апреля и 30 июля для всех категорий рабочих были резко сокращены размеры и сроки получения пособий по безработице. Беате Литтиг приходит к выводу, что в отношении числа привлекаемых лиц и характера производимых ими работ по требованию промышленников был также принят закон о расширении так называемой «добровольной» трудовой повинности [11, S. 56]. Таким образом, под знаменем «борьбы с безработицей» для рабочих создавался авторитарный режим.

В своей монографии австрийский исследователь Стефан Малин рассматривает, как правящая клика использовала ряд демагогических приемов для того, чтобы привлечь на свою сторону ряд мелких предпринимателей и скрыть истинный характер дольфусовской диктатуры. Сюда можно отнести запрет открытия новых предприятий в тех сферах, где было перепроизводство продукции, и так называемые законы об «охране ремесла» (*Geverberordnungsnovelle*), направленные «против ростовщичества». Но и здесь интересы правительства Э. Дольфуса были в первую очередь связаны с крупным капиталом. По этому поводу газета *Der oesterreichische Volkswirt* писала: «Для многих лиц с небольшим капиталом теперь исчезает последняя возможность найти заработок <...> Имеется опасность, что мелкие предприниматели мало извлекут выгод из развернувшейся в их интересах законодательной деятельности»². На заседании Нижне-Австрийского промышленного объединения Э. Дольфус заявил: «То, что правительство делает для ремесленного сословия, не затрагивает области интересов промышленности»³.

Оценивая события, Мартина Винкельхофер приходит к выводу, что ши-

¹ Protokolle des Ministerrates der Ersten Republik: 1918–1938: Abt. 8, Kabinett Dr. Engelbert Dollfuß: 20. Mai 1932 bis 25. Juli 1934, Bd. 5; 3. November 1933 bis 16–17. Februar 1934 / Bearb. Gertrude Enderle-Burcel. Wien; 1984, 677 S.

² Malin S. Industrie- und Infrastrukturpolitik in der Ersten Republik: Österreich 1918–1938. Wien, 2016, 555 Bl.

³ Ebenda.

роко разрекламированная Э. Дольфусом «помощь» крестьянам горных районов в виде 200 вагонов муки была номинальной. Правительство под видом «дружбы» жестоко расправилось с инициаторами выступления крестьян в Форау. Крестьяне, которые предстали перед судом в мае 1933 г., были приговорены к длительным срокам лишения свободы [18, S. 58]. В проводимой антинародной политике правительство Э. Дольфуса имело поддержку у габсбургской бюрократии и военных, землевладельческой аристократии, части средних и мелких промышленников, банкиров. Сюда относились также собственники мелких торговых и ремесленных предприятий, находившиеся под влиянием реакционных деятелей христианско-социальной партии и видевшие своего главного конкурента и врага в социал-демократическом общинном управлении, а также собственники недвижимого имущества, которые от правительства ожидали полной отмены закона об охране прав квартирантов. Правительству Э. Дольфуса удалось привлечь на свою сторону эти слои мелких промышленников при помощи подогревания собственнических интересов и травли «Красной Вены». В это же время в других провинциях подавляющая часть крестьянства и городских промышленников шли за национал-социалистами.

Борьба рабочих против реакционной диктатуры

Непрочность дольфусовской диктатуры с самого начала определили раскол фашистского лагеря и отсутствие у него широкой социальной базы. При этом решающее значение имело то обстоятельство, что рабочие не были разбиты, сохраняли свою решимость и организации для отпора натиска фашизма и реакции, несмотря на частичное разоружение и вынужденное отступление.

Во второй половине марта и апреля в различных районах Австрии произо-

шёл ряд политических выступлений рабочих, несмотря на репрессии, которые затрудняли деятельность революционных элементов социал-демократии и компартии. Многочасовая демонстрация против чрезвычайных декретов состоялась 16 марта в г. Леобене, и в ней приняло участие несколько тысяч безработных [3, S. 127], которые были разогнаны жандармами и полицейскими. 17 марта в Кремсе также произошла демонстрация безработных. Перед зданием бециргсгауптмана прошло свыше тысячи безработных, главными требованиями которых было предоставление работы и восстановление Конституции [3, S. 211]. Сабина Датцингер в своем исследовании особое внимание уделяет демонстрации безработных в Мюрццушлагге, которая прошла в тот же день. В связи с огромным возбуждением народных масс представители жандармерии обратились к руководству местной социал-демократической организации с просьбой успокоить безработных [6, S. 34].

После запрета собраний секций местной организации социал-демократической партии состоялась антифашистская демонстрация в г. Швехат. Выступления против хеймеровских провокаций происходили в городах Вайдхофен, Корнейбург, Хюттенберг и Штейр. Правительство, опасаясь усиления волнений, назначило комиссаров в ряд городов Нижней Австрии [5, S. 57]. В промышленных центрах Верхней Штирии движение было развито наиболее широко. По мнению Гюнтера Шефбека, до вооружённых столкновений социал-демократических рабочих и шуцбундовцев с хеймеровцами и жандармерией дело дошло в Бруке на Муре и Капфенберге [14, S. 42]. Продолжением указанных выступлений стали демонстрации безработных в Зальцбурге, Нойнкирхене, Штейре и других городах, которые сопровождались ожесточёнными столкновениями с полицией [17, S. 127]. С новой силой во многих выступлениях проявилось единство дей-

ствий рабочих, стихийно проявлявшееся в борьбе против фашизма. Но в целом выступления были разрозненными и стихийными и не могли привести к ослаблению редакционного режима Дольфуса.

Ответом на введение предварительной цензуры над социал-демократическими газетами *Kleines Blatt* и *Arbeiter-Zeitung* стала всеобщая забастовка работников печати, это было маркером несомненной силы рабочих. Все типографии Вены вечером 24 марта прекратили работу. За исключением нескольких экстренных выпусков, отпечатанных вручну, на следующий день не вышла ни одна из центральных газет. Рабочие встретили сообщение о забастовке с энтузиазмом. Центральный комитет Коммунистической партии Австрии обратился с призывом к объявлению всеобщей забастовки, укреплению единого фронта бастующих и расширению забастовки печатников. Данный призыв имел широкий отклик. Под лозунгами борьбы против фашизма и всеобщей забастовки в ряде районов Вены состоялись демонстрации, которыми руководили коммунисты. Руководители профсоюзов были напуганы возможной перспективой перерастания забастовки печатников во всеобщую и 25 марта начали переговоры с правительством. Секретарь объединения «свободных» профсоюзов В. Шорш добивался только смягчения цензуры¹. Совместно с руководством социал-демократической партии, профсоюзные руководители, получив неопределенные обещания, носившие технический характер, под предлогом «мирного разрешения» конфликта объявили о прекращении забастовки. Ранее о прекращении забастовки принял решение христианский профсоюз. Расширению и перерастанию во всеобщую забастовку помешало отсутствие революционного руководства у работников печати.

29 марта Коммунистическая партия снова направила руководству социал-демократической партии письмо, в котором был прямой вопрос: единый фронт борьбы или продолжение переговоров с фашистами и согласие на проведение правительственных мероприятий против рабочих. Компартия предостерегала: «Каждый час оттягивания отпора со стороны пролетариата есть капитуляция перед фашизмом»².

В конечном итоге социал-демократические руководители не могли скрывать обращение Коммунистической партии. *Arbeiter-Zeitung* 5-го апреля опубликовала ответ правления социал-демократической партии. Так как рядовые члены социал-демократической партии поддерживали предложение Коммунистической партии, руководители социал-демократов не решились прямо его отвергнуть, но старались скрыть свой отказ от единого фронта известной отговоркой о том, что перед тем, как проводить переговоры в странах, необходимо их проведение в международных политических организациях³.

С точки зрения историка Джозефа Виллы, стремление к единству действий с коммунистами у рядовых членов социал-демократической партии усиливалось. В Линце и Вене в конце апреля состоялись конференции единства, которые призвали к усилению борьбы за единый фронт и организацию первомайских демонстраций [15, S. 147].

30 апреля 1933 г. на тридцатитысячном митинге в Дреймаркштейне выступили руководитель запрещенного австрийского комсомола Г. Габлер и Э. Фишер от социал-демократической партии. Тысячи социал-демократических рабочих приняли участие в широко развернутой Коммунистической партией кампании за проведение первомайской демонстрации. Единые комитеты по проведению празднования 1-го мая были организованы на многих

¹ Blümel B. Staats- und Verfassungskrise 1933: Protokolle aus Nationalrat und Bundesrat. Wien: Parlamentsdirektion; 2014, 146 S.

² Mugrauer M. 90 Jahre KPI: Studien zur Geschichte der Kommunistischen Partei Österreichs. Wien; 2009.

³ Ebenda.

биржах труда и предприятиях. В рабочей среде царил боевое настроение, несмотря на призывы социал-демократического руководства к мирной прогулке и подготовку правительства, которое превратило Вену в укрепленный лагерь [15, S. 215].

1-го мая на улицы Вены вышли 200 тыс. трудящихся. В некоторых районах Вены, а также в Санкт-Пельтене, Линце и других провинциальных городах демонстрации проходили под лозунгами единого фронта и имели антифашистский характер.

Герхард Ботц отмечает, что особую тревогу правящей клики вызвал намечающийся процесс отхода значительных рабочих масс от социал-демократии. Ненависть всех групп правящего лагеря вызывали Коммунистическая партия и все беспартийные организации, которые вели борьбу против дольфусовской диктатуры. Неудивительно, что правительство Э. Дольфуса стремилось как можно скорее уничтожить КПА и к началу мая свыше тысячи коммунистов были арестованы. Под предлогом «нелегальной антигосударственной деятельности» Коммунистическая партия была запрещена 26 мая [4, S. 241].

В мае была запрещена не только деятельность марксистских рабочих школ, но и рабочие организации: «Красная помощь», «Союз пролетарской солидарности» и «Союз друзей СССР». 27 мая состоялась конференция социал-демократических функционеров Вены, на которой была принята резолюция протеста против запрета коммунистической партии, но руководство социал-демократической партии не предприняло массовых акций в ее защиту. Таким образом, под угрозой были поставлены не только рабочие организации, но и сама социал-демократическая партия.

Заключение

Таким образом, на основании имеющихся документов и материалов можно говорить о том, что подобная согла-

шательская и выжидательная тактика руководства социал-демократической партии позволила Э. Дольфусу серьезно ослабить силы рабочих, нанести тяжелый удар по революционному авангарду и в дальнейшем перейти к преследованиям массовых рабочих организаций. Главными причинами поражения выступлений австрийских рабочих в марте-апреле 1933 г., направленных против дольфусовской диктатуры, был отказ от единого фронта с Коммунистической партией и уклонение лидеров социал-демократической партии от развертывания массовых форм борьбы.

Рассмотренная позиция социал-демократов деморализовала и демобилизовала рабочих, оттолкнула от них мелкие промышленные слои, а также ускорила концентрацию фашистских и реакционных сил. Это стало одной из причин ослабления борьбы рабочих против дольфусовской диктатуры, которое намечалось весной 1933 г. С 3 по 5 мая в Вольфсэге-Трантауле состоялась забастовка шахтеров, которая стала последним революционным подъемом начала 1933 г. Около 1300 рабочих в ответ на угрозу увольнения заняли шахты и удерживали их в течение двух суток, несмотря на прибытие жандармерии и войск. Данная забастовка закончилась частичной победой рабочих. Весной 1933 г. забастовки оставались единичным явлением.

Окончание экономического кризиса стало другой причиной временного спада революционной активности рабочих. Кризис сменился депрессией весной 1933 г. Согласно данным Австрийского института конъюнктурных исследований, в мае 1932 г. производство «сырой стали» составило 4900 т., а в апреле и мае 1933 г. – соответственно 10700 и 13500 т.¹ Но в целом экономика страны из состо-

¹ Protokolle des Ministerrates der Ersten Republik: 1918–1938: Abt. 8, Kabinett Dr. Engelbert Dollfuß: 20. Mai 1932 bis 25. Juli 1934, Bd. 5; 3. November 1933 bis 16. - 17. Februar 1934 / Bearb. Gertrude Enderle-Burcel. Wien; 1984, 677 S.

яния кризиса выходила со срывами и крайне медленно. Промышленность восстанавливалась слабо, реанимировались только отдельные ее отрасли: обувная, текстильная, сталелитейная, металлообрабатывающая. В области внешней торговли стал наблюдаться некоторый подъем, несмотря на общее резкое сокращение товарооборота. Возрос вывоз головных уборов, шерстяной и хлопчатобумажной пряжи, железных изделий, свинца, магне-

зита и леса, число безработных немного уменьшилось. Временной стабилизации австрийской экономики содействовала полученная летом 1933 г. финансовая помощь, предоставленная Италией, Францией и Великобританией, которая была направлена на политическую и экономическую стабилизацию реакционного режима Э. Дольфуса.

Статья поступила в редакцию 25.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Вититнев С. Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 664 с.
2. Жиряков И. Г. Из истории аншлюса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 59–63.
3. Bischof G. Austrian studies today. Innsbruck, 2016. 278 S.
4. Botz G. Gewalt in der Politik: Attentate, Zusammenstöße, Putschversuche, Unruhen in Österreich 1918 bis 1934. München: Fink, 1976. 358 S.
5. Carsten F. Die erste österreichische Republik im Spiegel zeitgenössischer Quellen. Wien; 1988, 235 S.
6. Datzinger S. Weimarer Republik – Österreich 1918–1938: Ursachen und Hintergründe des Scheiterns beider Republiken. Wien, 1996, 108 S.
7. Fröschl E. Februar 1934: Ursachen, Fakten, Folgen; Beiträge zum wissenschaftlichen Symposium des Dr.-Karl-Renner-Instituts, abgehalten vom 13. bis 15. Februar 1984 in Wien. Wien: Verl. der Wiener Volksbuchhandlung, 1984. 567 S.
8. Kailitz S. Nach dem «Großen Krieg»: vom Triumph zum Desaster der Demokratie 1918/19 bis 1939. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2017, 441 S.
9. Karner S. Die umkämpfte Republik: Österreich 1918–1938. Innsbruck, 2017. 384 S.
10. Lehnert D. Die unterschätzte Erste Republik. Zur politischen Kultur der österreichischen Konkurrenzdemokratie in den 1920er Jahren. Demokratiekultur in Europa. Wien, 2011. 135 S.
11. Littig B. Soziale Nachhaltigkeit. Wien: Bundeskammer für Arbeiter u. Angestellte, 2004. 108 S.
12. Louca C. Zur Zeitlosigkeit der Methoden politischer Propaganda: eine historische Vergleichsstudie. Wien, 2009. 427 S.
13. Nautz J. Öffentliche Religionen in Österreich: Politikverständnis und zivilgesellschaftliches Engagement. 1. Aufl. Innsbruck: Innsbruck Univ. Press, 2013. 292 S.
14. Schebeck G. Österreich 1934: Vorgeschichte-Ereignisse-Wirkungen. Wien, 2004. 131 S.
15. Villa J. Ökonomische und politische Krisenstrategien in Österreich, den Vereinigten Staaten von Amerika und Deutschland zwischen 1930 und 1938: Konvergenzen und Divergenzen. Wien, 2016. 330 S.
16. Weinzierl E. Geschichte der Ersten Republik bis 1927. Wien, 1991. 30 S.
17. Winkelbauer T., Lackner Ch., Mazohl B., Pohl W., Rathkolb O. Geschichte Österreichs. 2., durchgesehene, aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 2016. 653 S.
18. Winkelhofer M. 100 Jahre Erste Republik: das Krone-Magazin: Menschen, Hintergründe, Geheimnisse. Wien, 2018. 98 S.
19. Wodrazka P. B. Und es gab sie doch!: die Geschichte der christlichen Arbeiterbewegung in Österreich in der Ersten Republik. Wien, 2003. 340 S.

REFERENCES

1. Vititnev S. *Ekologicheskoe dwizenie v FRG: genesis, ideologija, funkzii. Diss. ... dokt. ist. nauk* [Environmental movement in Germany: Genesis, ideology, functions: Doctor Thesis in Historical sciences]. Moscow, 2004. 664 p.
2. Zirjakov I. [From the history of the Anschluss]. In: *Vestnik Moscovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. Moscow, 2012, № 4, pp. 59–63.

3. Botz G. *Gewalt in der Politik: Attentate, Zusammenstöße, Putschversuche, Unruhen in Österreich 1918 bis 1934* [Political violence: assassinations, clashes, attempted coups, riots in Austria from 1918 to 1934]. München, Fink Publ., 1976. 358 p.
4. Bischof G. *Austrian studies today*. Innsbruck, 2016. 278 S.
5. Carsten F. *Die erste österreichische Republik im Spiegel zeitgenössischer Quellen* [The first Austrian republic reflected in contemporary sources]. Wien, 1988. 235 p.
6. Datzinger S. *Weimarer Republik – Österreich 1918-1938: Ursachen und Hintergründe des Scheiterns beider Republiken* [Weimar Republic – Austria 1918-1938: causes and backgrounds of the failure of both republics]. Wien, 1996. 108 p.
7. Fröschl E. *Februar 1934: Ursachen, Fakten, Folgen; Beiträge zum wissenschaftlichen Symposium des Dr.-Karl-Renner-Instituts, abgehalten vom 13. bis 15. Februar 1984 in Wien* [February 1934: causes, facts, consequences; Contributions to the scientific symposium of the Dr. Karl Renner Institute, held from February 13 to 15, 1984 in Vienna]. Wien, Verl. der Wiener Volksbuchhandlung, 1984. 567 p.
8. Kailitz S. *Nach dem «Großen Krieg»: vom Triumph zum Desaster der Demokratie 1918/19 bis 1939* [After the "Great War": from triumph to disaster of democracy 1918/19 to 1939]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2017. 441 p.
9. Karner S. *Die umkämpfte Republik: Österreich 1918-1938* [The contested republic: Austria 1918–1938]. Innsbruck, 2017. 384 p.
10. Lehnert D. *Die unterschätzte Erste Republik. Zur politischen Kultur der österreichischen Konkurrenzdemokratie in den 1920er Jahren. Demokratiekultur in Europa* [The underrated First Republic. On the political culture of Austrian competitive democracy in the 1920s. Culture of democracy in Europe]. Wien, 2011. 135 p.
11. Littig B. *Soziale Nachhaltigkeit* [Social sustainability]. Wien: Bundeskammer für Arbeiter u. Angestellte Publ., 2004. 108 p.
12. Louca C. *Zur Zeitlosigkeit der Methoden politischer Propaganda: eine historische Vergleichsstudie* [The timelessness of the methods of political propaganda: a historical comparative study]. Wien, 2009. 427 p.
13. Nautz J. *Öffentliche Religionen in Österreich: Politikverständnis und zivilgesellschaftliches Engagement* [Public religions in Austria: understanding politics and civic engagement]. Innsbruck, Innsbruck Univ. Press, 2013. 292 p.
14. Scheffbeck G. *Österreich 1934: Vorgeschichte-Ereignisse-Wirkungen* [Austria 1934: prehistory-events-effects]. Wien, 2004. 131 p.
15. Villa J. *Ökonomische und politische Krisenstrategien in Österreich, den Vereinigten Staaten von Amerika und Deutschland zwischen 1930 und 1938: Konvergenzen und Divergenzen* [Economic and political crisis strategies in Austria, the United States and Germany between 1930 and 1938: convergences and divergences]. Wien, 2016. 330 p.
16. Weinzierl E. *Geschichte der Ersten Republik bis 1927* [History of the First Republic until 1927]. Wien, 1991. 30 p.
17. Winkelbauer T., Lackner Ch., Mazohl B., Pohl W., Rathkolb O. *Geschichte Österreichs. 2., durchgesehene, aktualisierte und erweiterte Auflage* [History of Austria. 2nd, revised, updated and expanded edition]. Stuttgart, 2016. 653 p.
18. Winkelhofer M. *100 Jahre Erste Republik: das Krone-Magazin: Menschen, Hintergründe, Geheimnisse* [100 years of the First Republic: Krone magazine: people, backgrounds, secrets]. Wien, 2018. 98 p.
19. Wodrazka P. B. *Und es gab sie doch!: die Geschichte der christlichen Arbeiterbewegung in Österreich in der Ersten Republik* [And it did exist!: the history of the Christian labor movement in Austria in the First Republic]. Wien, 2003. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Kozyakova – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н. С. Обострение внутривнутриполитического положения в Австрии после установления режима Э. Дольфуса (1933–1934 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 91–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-91-100

FOR CITATION

Kozyakova N. Aggravation of the internal political situation in Austria following the rise of the Dollfuss regime (1933–1934). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 91–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-91-100

УДК 327(091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-101-111

ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД РАЗРЯДКИ (1969–1974 гг.)

Каширина Т. В.*Дипломатическая академия МИД РФ**119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Исследование советско-американского переговорного процесса по ближневосточному урегулированию в 1969–1974 гг.

Процедура и методы исследования основаны на системном и терминологическом анализе, включая сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы, документов Министерства иностранных дел СССР и Государственного департамента США, касающихся прямых контактов между советскими и американскими руководителями, в том числе по конфиденциальному каналу Добрынин-Киссинджер.

Результаты проведенного исследования. Определены факторы начала советско-американской разрядки и двусторонних переговоров по ограничению вооружений и по решению других международных проблем, включая ближневосточное урегулирование. Доказана первостепенность для американской стороны проблемы выхода из вьетнамской войны «без потери лица», что использовалось для «увязки» с решением по ближневосточному урегулированию. Доказана заинтересованность СССР, в первую очередь, в налаживании и продолжении двустороннего процесса ограничения вооружений, что отводило проблеме арабо-израильского конфликта второстепенную роль. Определены факторы закрепления единоличной лидирующей роли США в арабо-израильском урегулировании после окончания вьетнамской войны.

Теоретическая/практическая значимость. Обобщен ряд вопросов истории международных отношений, внешней политики США и СССР в период разрядки, важных для понимания современного этапа международных и российско-американских отношений.

Ключевые слова: разрядка международной напряженности, ближневосточное урегулирование, арабо-израильский конфликт, Шестидневная война 1967 г., война Судного дня 1973 г., советско-американские переговоры

THE PROBLEM OF THE MIDDLE EAST SETTLEMENT IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS DURING THE PERIOD OF DETENTE (1969–1974)

T. Kashirina*Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry**53/2–1 ul. Ostozhenka, Moscow 119021, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To study the Soviet-American negotiation process in the Middle East settlement in 1969–1974.

Methodology and Approach. The author examines documents from the USSR's Ministry of Foreign Affairs and the US State Department concerning direct contacts between Soviet and American leaders, including the confidential Dobrynin-Kissinger channel. System and terminological analysis is used, as well as comparative-historical and concrete-historical analyses.

Results. Factors that contributed to the beginning of the Soviet-American detente and bilateral negotiations on arms limitation and other international problems, including the Middle East settlement, are identified. The author verifies the importance for the American side of resolving its withdrawal from the war in Vietnam “without losing face,” which was then used as a “link” with the problem of Middle East settlement. Additionally, the interest of the USSR in first establishing and continuing the bilateral process of arms limitation before addressing the problem of the Arab-Israeli conflict is proved. The key role of the confidential channel in the Middle East settlement is analyzed. The factors that led to the United States’ assumption, after resolution of the Vietnam war, of its role as the sole lead in the Arab-Israeli settlement are determined.

Theoretical and/or Practical Implications. A number of theoretical issues in the history of international relations, the foreign policies of the United States and the USSR, and Soviet-American relations during the period of detente are analyzed and summarized. The study of the Soviet-American negotiation process and the activities of the confidential channel is important for understanding modern international and Russian-American relations.

Keywords: Soviet-American detente, Middle East settlement, Arab-Israeli conflict, Six-Day War of 1967, Yom Kippur War of 1973, confidential channel, Dobrynin-Kissinger

В истории советско-американских отношений 1970-е гг. XX в. являются уникальным периодом – периодом разрядки. Два главных противника в «холодной войне» договорились о взаимном ограничении стратегических вооружений и систем противоракетной обороны, оставаясь по существу соперниками в других областях межгосударственных и международных отношений. Сохраняющаяся и периодически углубляющаяся советско-американская конфронтация, безусловно, накладывала отпечаток на ход и характер разрядки (в частности, на темп ратификации договоров об ОСВ), и привела со временем к демонтажу этого процесса.

Период разрядки стал первым этапом масштабного советско-американского сотрудничества со времен Второй мировой войны. В первой половине 1970-х гг., особенно при президенте США Р. Никсоне, обе великие державы пытались совместно прийти к компромиссам в решении важнейших международных проблем – арабо-израильский, индо-пакистанский конфликты, урегулирование статуса Западного Берлина.

Факторы разрядки

Основным фактором, способствовавшим развитию разрядки и переговорного процесса по ограничению вооружений со

стороны Соединенных Штатов в период президентства Р. Никсона было, в первую очередь, стремление США выйти из вьетнамской войны «без потери лица». Вьетнамская война стала своего рода призмой, через которую американская администрация рассматривала процесс советско-американской разрядки. Именно через проблему вьетнамской войны Никсон проводил политику «увязки» поведения Советского Союза на парижских переговорах (по Вьетнаму) с темпом и характером процессов совместного разоружения и решения других проблем.

С другой стороны, успехи политики разрядки (как только закончилась война во Вьетнаме) способствовали активизации оппонентов и противников улучшения американо-советских отношений. Оппоненты разрядки способствовали раздуванию «уотергейтского» скандала, приведшего к отставке президента Никсона.

Со стороны Советского Союза основными факторами, побудившими к началу переговоров с американской стороной по ограничению стратегических вооружений, были: невероятное напряжение советской экономики в ходе гонки вооружений; опасение значительного перевеса США в вооружениях.

В целом со стороны обеих держав общим было стремление снизить финансовые

затраты на гонку вооружений, нежелание допустить ядерную войну [2, с. 118–121].

В основе американского подхода к переговорам по ОСВ, по урегулированию арабо-израильского конфликта и других международных проблем лежала политика «увязки» содействия СССР американцам в ходе парижских переговоров по Вьетнаму с продвижением по ограничению вооружений, в том числе, и в решении ближневосточной проблемы [1].

Со стороны Советского Союза политика «увязки» также была взята на вооружение – оттягивание желательной для Никсона встречи на высшем уровне до урегулирования проблемы Западного Берлина, достижения реальных договоренностей на переговорах по ОСВ и решения ближневосточной проблемы.

До арабо-израильской войны 1967 г. между Москвой и Вашингтоном не было систематического обмена мнениями по Ближневосточному региону, хотя обе державы считали этот регион потенциально опасным.

Начало переговорного процесса США–СССР в 1967–1970 гг.

В ходе Шестидневной войны 1967 г., когда сложилось катастрофическое положение у Египта и Сирии, СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем и предъявил ультиматум об оказании военной помощи Египту в случае продолжения наступления израильской армии. Разрыв дипломатических отношений с Тель-Авивом в перспективе ограничил возможности Москвы в урегулировании Ближневосточного кризиса, по сути, ограничив влияние Советского Союза только арабскими странами. Примечателен тот факт, что в ходе урегулирования проблемы арабо-израильской войны 1967 г. впервые была использована телефонная «горячая линия» между Кремлем и Белым домом с момента ее создания в 1963 г. после Карибского кризиса.

В результате ожесточенных дискуссий 22 ноября 1967 г. СБ ООН принял

резолюцию № 242, требовавшую полного вывода израильских войск с оккупированных территорий по формуле «земля в обмен на мир». Резолюция № 242 была достигнута на основе компромисса между СССР и США, не стремившихся втягиваться в сложный международный конфликт. Одновременно обе державы не желали поражения «своего клиента».

В результате арабо-израильской войны 1967 г. проблема ближневосточного урегулирования прочно укоренилась в советско-американской повестке.

После прихода к власти президента США Р. Никсона в 1969 г. обмен мнениями по ближневосточному урегулированию был продолжен на постоянной основе – на уровне Совета безопасности ООН, на уровне встреч советского посла в США А. Ф. Добрынина с госсекретарем США У. Роджерсом, с заместителем госсекретаря Дж. Сиско. Но особую конструктивную роль в советско-американской разрядке, в политико-правовом оформлении процесса ограничения вооружений, в урегулировании арабо-израильского конфликта и других международных проблем сыграл конфиденциальный канал Добрынин – Киссинджер. Именно на этом уровне предварительно решались сложнейшие вопросы, достигались компромиссы и развязки, которые потом выносились на обсуждение официальных делегаций на переговорах.

Уже в самом начале президентства Р. Никсона в феврале 1969 г. на его встрече с послом Добрыниным и встрече советского посла с помощником президента по национальной безопасности Киссинджером была проявлена обоюдная готовность совместно обсуждать вопросы Ближнего Востока¹, а также с постоянными членами Совбеза ООН². Президент

¹ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 15 февраля 1969 г. // Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976: Сборник документов. Т. 1: 1969 – май 1972. Кн. 1: 1969–1971. М.: Международные отношения, 2007. С. 7.

² Запись беседы А. Ф. Добрынина с президентом США Р. Никсоном. 17 февраля 1969 г. // Советско-

США Р. Никсон заявил о необходимости поддержания канала связи между Москвой и Вашингтоном для решения насущных международных проблем¹.

С самого начала переговорного процесса США и СССР исходили из того, что стороны арабо-израильского конфликта должны были получить реальные гарантии своей безопасности². Тем более, что ситуация в регионе начала ухудшаться из-за объявленной в марте 1969 г. президентом Египта Насером «войны на истощение» в ответ на то, что Израиль не собирался выполнять Резолюцию СБ ООН об уходе с оккупированных территорий.

В это время СССР выдвинул план урегулирования арабо-израильской проблемы, основанный на полном выводе израильских войск с гарантией существования Израиля, в целом позитивно оцененный Г. Киссинджером и Р. Никсоном³.

Но советско-американские дискуссии по Ближнему Востоку увязывались с продвижением проблемы выхода США из вьетнамской войны и содействия Москвы в этом процессе путем давления на Северный Вьетнам⁴.

23 сентября 1969 г. на встрече министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с госсекретарем США У. Роджерсом американская сторона выразила свою позицию по узловым вопросам урегулирования следующим образом:

– арабские беженцы (США выступали за установление квоты возвращаемых в Израиль беженцев в 10 тысяч человек, а общий период репатриации – в 10 лет, но СССР считал данную квоту низкой);

– судоходство по Суэцкому каналу (США считали возможным попробовать договориться о том, чтобы вопрос о прохождении израильских судов решался на основе Константинопольской конвенции 1888 г., которая признает суверенитет Египта над каналом и не предусматривает какой-либо дискриминации в отношении судов той или иной страны);

– вывод израильских войск с оккупированных территорий и прекращение состояния огня (США соглашались с предложением советской стороны об увязке этих двух процессов во времени)⁵.

Но США, не желавшие портить отношения со своим союзником – Израилем, считали, что победивший в войне 1967 г. Израиль имеет право удерживать оккупированные территории⁶. В феврале 1970 г. советская сторона прямо заявляла президенту Р. Никсону, что если Израиль будет продолжать бомбить территорию ОАР и других арабских государств, то Москва активизирует поставки вооружений и направит военных специалистов в ОАР⁷. Такая ситуация создавала серьезные сложности для США, которые хотели избежать прямого вовлечения в арабо-израильский конфликт, не создавать опасную проблему «нового Вьетнама» и «сохранить лицо» в арабском мире⁸.

В марте 1970 г. советская сторона выдвинула следующие предложения: проблема контроля над нерегулярными войсками (федаинами) в ходе арабо-израильского конфликта ложится на правительства арабских стран; установление полного суверенитета ОАР над Синаем; Шарм-аш-Шейх и прилегающие территории должны быть поставлены

американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 18.

¹ Запись беседы А. Ф. Добрынина с президентом США Р. Никсоном. 17 февраля 1969 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 22.

² Записка Г. Киссинджера для президента США Р. Никсона. 15 февраля 1969 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 9.

³ Записка Г. Киссинджера для президента США Р. Никсона. 18 февраля 1969 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 25.

⁴ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 74.

⁵ Телеграмма министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в ЦК КПСС. 23 сентября 1969 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 95–96.

⁶ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 29 декабря 1969 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 152.

⁷ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 10 февраля 1970 г. // Советско-американские отношения. <...>. Кн. 1. С. 161.

⁸ Там же. Кн. 1. С. 162–163.

под контроль сил ООН, которые могли быть выведены только по единогласному решению постоянных членов Совбеза ООН. Таким образом, в руках Советского Союза сохранялось право вето в отношении присутствия международных сил в Шарм-аш-Шейхе¹. Как известно, район Шарм-аш-Шейха стратегически важен для контроля за судоходством между Эйлатским заливом и основной акваторией Красного моря.

Президент США Р. Никсон согласился с советскими предложениями, но, узнав, что Москва в это время поставила в ОАР ракеты ПВО, мотивируя это усилением оборонительных возможностей Египта, отложил обсуждение советского плана урегулирования² и отказался от идеи убедить Израиль пойти на прекращение огня³.

Израильское руководство восприняло советский план урегулирования как попытку выиграть время для усиления оборонительных возможностей Каира. По мнению израильского правительства, установка ракет ПВО вблизи Суэцкого канала, т. е. театра непосредственных военных действий, а не египетских мирных городов, способствовала продолжению объявленной Насером «войны на истощение». Кроме этого, израильские войска, по утверждению Тель-Авива, несли серьезные потери от египетской артиллерии, поставляемой из Советского Союза. Также Израиль опасался, что у ОАР могло появиться определенное военное преимущество в связи с установкой советских зенитных ракетных комплексов, что являлось препятствием для принятия Тель-Авивом предложений Москвы⁴. В связи с этим в апреле 1970 г. заместитель

госсекретаря США Сиско предложил советской стороне ограничить развертывание комплексов ПВО городами Александрия, Каир и Асуанской плотин⁵.

В целом в 1969–1970 гг. в связи с проведением советско-американских консультаций по ограничению стратегических вооружений и особой заинтересованностью Вашингтона в урегулировании проблемы вьетнамской войны, вопросы Ближневосточного конфликта у администрации Р. Никсона не стояли на первом плане⁶. Пользуясь его заинтересованностью в проведении советско-американской встречи в верхах, посол Добрынин в беседе с Киссинджером указывал, что двумя наиболее результативными темами для встречи на высшем уровне были бы ОСВ и Ближний Восток⁷.

Американский президент в беседе с послом Добрыниным в июне 1970 г. указывал и на то, что, в отличие от его предшественников-демократов, он не находился в такой зависимости от голосов еврейских избирателей в США, так как они в любом случае будут голосовать против него, в том числе проявляя недовольство затянувшейся вьетнамской войной. И, со слов Никсона, ему легче выдерживать давление произраильских кругов и легче пойти на компромиссное урегулирование на Ближнем Востоке⁸. Но президент не может не учитывать, что печать, телевидение и радио в США в значительной степени находились под контролем еврейских кругов, а это означало, что они могли оказывать влияние на массу избирателей, в голосах которых президент был заинтересован.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 10 апреля 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 192.

⁷ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 7 апреля 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 189–190; Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 10 апреля 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 192.

⁸ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 10 июня 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 198–199.

¹ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 10 марта 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 181.

² Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 20 марта 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 182–184.

³ Там же. С. 185.

⁴ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 7 апреля 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 187.

По словам Киссинджера, Вашингтон считал, что воплощение советского плана урегулирования, основанного на выводе израильских войск с территории Египта, дало бы выигрыш Советскому Союзу, но подвергло бы критике США со стороны Израиля и американских еврейских кругов («заставили Израиль отступить»), так и со стороны арабов («США – защитники израильских интересов»). Форсирование договоренности по ближневосточному урегулированию, да еще с нажимом на Израиль со стороны США, дало бы неблагоприятный для администрации Никсона эффект внутри страны. Одновременно американская сторона, которая на тот момент приняла решение о новых поставках самолетов Израилю, стремилась прояснить ситуацию с советским военным присутствием в ОАР в случае полного вывода израильских войск с территории Египта.¹ Причем о своих военно-политических обязательствах в такой ситуации США умалчивали.²

Упорное несогласие американской администрации с советским планом урегулирования, одновременная активизация миссии специального представителя Генерального секретаря ООН Ярринга в переговорах с Израилем, развязанная в США антисоветская медиакампания вокруг вымышленной «угрозы самому существованию Израиля, если он лишится своего военного превосходства в районе Суэцкого канала», создавали впечатление, что Вашингтон хотел отстранить Советский Союз в деле мирного арабо-израильского урегулирования³ и сохранить за Израилем оккупированные территории⁴.

С августа 1970 г. активизировались переговоры по конфиденциальному каналу по условиям прекращения огня в зоне Суэцкого канала, которые сопровождались американскими публичными обвинениями ОАР и советской стороны в нарушении еще не подписанной договоренности⁵. Тезис о прекращении огня выдвигался Вашингтоном в первую очередь для ОАР как условие возобновления миссии Ярринга. В связи с этим на состоявшейся 19 октября 1970 г. встрече с госсекретарем У. Роджерсом министр иностранных дел СССР А. А. Громыко настаивал на необходимости политического урегулирования ближневосточной проблемы, возвращении Израиля к границам до начала войны 1967 г., временном присутствии в зоне конфликта воинского персонала ООН⁶.

На встрече А. А. Громыко с президентом Р. Никсоном 22 октября 1970 г. советский министр акцентировал внимание на заключении юридически оформленного детального соглашения, регулирующего вопросы вывода израильских войск с оккупированных территорий. В направлении достижения этого решения советская сторона предлагала возобновить миссию Ярринга, достичь договоренности о прекращении огня, продолжить консультации на уровне СБ ООН.⁷ Эти встречи были особенно важны в свете прихода к власти в ОАР Садата, который в перспективе будет лавировать между Москвой и Вашингтоном и, заинтересованный в экономической помощи, часто придерживаться прозападной позиции.

¹ Запись беседы президента США Р.Никсона и Г.Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 10 июня 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 204–206.

² Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 7 июля 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 231.

³ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 10 июня 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 206–207.

⁴ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 9 июля 1970 г. // Советско-американские от-

ношения <...>. Кн. 1. С. 230–231.

⁵ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 6 октября 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 266–269.

⁶ Телеграмма министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в ЦК КПСС. 26 октября 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 277–278.

⁷ Запись (первой части) беседы президента США Р. Никсона с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. 22 октября 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 290–295.

Активизация советско-американских переговоров в 1970 – 1973 гг.

Советско-американские переговоры по Ближнему Востоку по линии встреч Добрынина с Роджерсом и Сиско, конфиденциального канала Добрынин-Киссинджер активизировались в конце 1970 г. в преддверии избирательной кампании президента Р. Никсона. Одновременно продолжались поставки американских вооружений Израилю, советских – Египту. Фактически на протяжении всего 1971 г. вплоть до советско-американской встречи в верхах в мае 1972 г. в рамках конфиденциального канала Добрынин-Киссинджер прорабатывались условия заключения предложенного Вашингтонском так называемого промежуточного соглашения между Израилем и Египтом с возможным выходом на окончательное соглашение. В связи с этим в октябре 1970 г. глава израильского государства Г. Меир совершила поездку в США и провела негласные переговоры с Никсоном и Киссинджером. В декабре 1970 г. аналогичную поездку в СССР совершил глава ОАР Садат. Но в целом наблюдалась тенденция вытеснения Вашингтоном СССР из процесса ближневосточного урегулирования и стремление занять в этом вопросе лидирующие позиции¹.

Основными вопросами, вызвавшими дискуссии между Москвой и Вашингтоном (а по сути, между ОАР и Израилем) были – открытие Суэцкого канала и полный вывод израильских войск с оккупированных территорий. 15 января 1971 г. правительство ОАР передало специальному представителю Генерального секретаря ООН Яррингу документ, конкретизировавший египетские позиции. В частности, по возможному участию воинских контингентов четырех великих держав в вооруженных силах ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке как гарантии соблюдения договоренно-

стей, в первую очередь, по прекращению огня. Советское правительство выражало готовность выделить советский военный контингент для этих целей².

В марте 1971 г. в советско-американских переговорах обозначились контуры возможного промежуточного соглашения между Израилем и ОАР. Основная цель соглашения – открытие Суэцкого канала. Для этого необходимо было решить три ключевые проблемы – определить границы, к которым израильская сторона готова отвести свои войска (СССР и ОАР настаивали на полном выводе израильских войск); создание демилитаризованных зон на египетской и израильской территориях; проблемы беженцев. В отношении гарантий ООН или постоянных членов СБ ООН Израиль высказывал резко отрицательную позицию³.

Для согласования пунктов промежуточного соглашения в мае-июле 1971 г. госсекретарь США Роджерс, его заместитель Сиско, директор ЦРУ Хелмс совершили поездки на Ближний Восток, где прошли переговоры с израильской и египетской сторонами. Активизация исключительно американской «миссии» в ближневосточном урегулировании в преддверии избирательной кампании Никсона лишней раз подтверждала то, что Вашингтон явно хотел играть лидирующую роль в укреплении безопасности (в американском понимании) в данном регионе, а также наладить отношения с арабскими странами и новым руководителем ОАР Садатом. Последнее было важно в плане расстановки сил в глобальном противостоянии с Советским Союзом, что в дальнейшем использовалась как предмет «торга» на переговорах с Москвой по ближневосточному урегулированию.

На встрече президента США Р. Никсона с министром иностранных дел

¹ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 22 декабря 1970 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 325.

² Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 2 февраля 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 366–367.

³ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 22 марта 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 408.

А. А. Громыко, состоявшейся 29 сентября 1971 г., американская сторона, по сути, поставила Москву перед дилеммой – либо Советский Союз соглашается на промежуточное соглашение об открытии Суэцкого канала без полного вывода израильских войск, либо США увеличат поставки вооружений Израилю¹. На последовавшей на следующий день встрече госсекретаря США Г. Киссинджера с А. А. Громыко американская сторона представила стадии осуществления ближневосточного урегулирования: до ноября 1972 г. (до президентских выборов) заключить промежуточное соглашение; вторая стадия (окончательное урегулирование) – вскоре после выборов 1972 г. Негласную договоренность между Москвой и Вашингтоном госсекретарь предлагал закрепить во время личной встречи Никсона с советским руководством в Москве в мае 1972 г.².

В результате Советский Союз, продолжая отстаивать идею полного вывода израильских войск с оккупированных территорий, фактически согласился на все остальные американские предложения – прекратить поставки вооружений Египту, вывести советских военнослужащих с египетской территории, при этом оставаясь гарантом выработки договоренностей по ближневосточному урегулированию. Все эти меры должны были лечь в основу промежуточного соглашения, где должны быть определены пути достижения окончательного урегулирования, которое, по предложению министра Громыко, должно было осуществиться в течение года после подписания первого договора³.

¹ Запись беседы президента США Р. Никсона с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. 29 сентября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 616.

² Запись беседы министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с президентом США Р. Никсоном. 30 сентября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 619.

³ Запись беседы Г. Киссинджера с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 624–625.

После получения принципиального согласия СССР по американским предложениям промежуточного соглашения переговоры по ближневосточному урегулированию велись в основном по конфиденциальному каналу Киссинджер-Добрынин. Киссинджер, стремившийся укрепить свои позиции в администрации Р. Никсона, обосновывал это недовольством Египта и Израиля деятельностью Роджерса и Сиско⁴.

С октября 1971 г. в ходе переговоров с СССР американская сторона стала настаивать на оставлении части израильских войск в Шарм-аш-Шейхе и создании здесь наземного пути экстерриториального характера⁵. В ноябре 1971 г. в преддверии приближавшейся встречи в верхах Киссинджер конкретизировал и обозначил проблемы будущего промежуточного соглашения. Сложным оставался вопрос полного вывода израильских войск с оккупированных территорий и возвращением к границам до войны 1967 г.

В связи с несогласием Израиля Вашингтон предложил условие отхода израильских войск на несколько десятков километров от Суэцкого канала и переход части египетских войск на восточный берег канала. По вопросу создания демилитаризованных зон СССР настаивал на создании таких зон не только в Египте, как предлагал Киссинджер, но и в Израиле. Со своей стороны, Израиль выразил несогласие с пунктом перехода египетских войск на восточный берег Суэцкого канала, выразил стремление сохранить за собой две трети оккупированной территории Синайского полуострова. Египет выразил согласие на взаимное сокращение концентрации войск обеих сторон по обоим берегам канала, с отводом части своих войск от канала при условии со-

⁴ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 9 октября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 635.

⁵ Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 15 октября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 648.

хранения на его берегах ракетных установок¹. По вопросу присутствия израильских войск в районе Шарм-аш-Шейха при сохранении суверенитета Египта над Синаем советская сторона проявляла готовность согласиться².

Г. Мэйр, получив в январе 1972 г. обещание администрации Никсона о новых поставках вооружений в Израиль, в принципе согласилась с частью условий промежуточного соглашения³. Но в отношении окончательного урегулирования Израиль был категорически не согласен с возвращением к границам 1967 г., настаивая на некоторой их корректировке; не согласен с созданием демилитаризованных зон, стремясь сохранить «небольшое» присутствие своих войск на части освобождаемых от оккупации арабских территорий; настаивал на своем военном присутствии в районе Шарм-аш-Шейха. Надо отметить, что сохранение израильского военного присутствия на египетской земле в той или иной форме было абсолютно неприемлемо для Каира.

По поводу промежуточного («суэцкого») этапа урегулирования в феврале 1972 г. фактически сохранялись четыре главных спорных между Египтом и Израилем аспекта:

- расстояние, на которое израильтяне были согласны отвести свои войска от Суэца (Тель-Авив соглашался отвести свои войска от восточного берега канала на позиции к западу от горных проходов примерно на 20-30 км и, таким образом, проходы должны были остаться в руках израильтян);

- проход израильских судов по Суэцкому каналу (Израиль был согласен на право

свободного судоходства после достижения окончательного урегулирования);

- переход египетских войск на восточный берег канала (Израиль был согласен на переход египетской полиции или администрации, но не войск);

- вопрос о длительности прекращения огня (Израиль, со слов Киссинджера, настаивал на двухлетнем сроке⁴).

В марте 1972 г. американской стороной были уточнены некоторые спорные вопросы окончательного урегулирования о границах между Египтом и Израилем. Израиль настаивал на удержании за собой примерно одной трети Синайского полуострова – земли к востоку от линии Эль-Ариш – Шарм-аш-Шейх.

Окончательными границами между Египтом и Израилем планировались границы 1967 г. с несколькими исключениями. Шарм-аш-Шейх оставался под полным суверенитетом Египта, но с присутствием в этом районе контингентов израильских войск, возможно, в рамках состава войск ООН или состава отрядов трех-четырёх соприкасавшихся в этом районе государств. Предусматривалось небольшое выправление границы (6-8 км) в пользу Израиля в районе израильского Эйлата на Акабском заливе с целью уменьшения обстрела арабами находившегося здесь аэродрома и самого Эйлата. Должна была произойти демилитаризация Синайского полуострова к востоку от горных проходов (ведущих к Суэцу) до границы с Израилем. Кроме того, по мнению Белого дома, можно было рассмотреть возможность создания небольшой демилитаризованной полосы израильской территории вдоль границы с Египтом⁵.

Таким образом, промежуточное соглашение было составлено больше в интересах Израиля, нежели арабских стран.

¹ Запись (второй части) беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 4 ноября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 662–666.

² Запись беседы Г. Киссинджера с А. Ф. Добрыниным. 18 ноября 1971 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 1. С. 678–679.

³ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 28 января 1972 г. // Советско-американские отношения. Годы разрядки <...>. Кн. 2: январь-май 1972. С. 26.

⁴ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 15 февраля 1972 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 2. С. 45–46.

⁵ Запись беседы А. Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 17 марта 1972 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 2. С. 89–90.

В целом накануне предвыборной президентской кампании Вашингтон в определенной степени осторожничал, опасаясь, что излишнее американское давление на Тель-Авив приведет к деструктивной активизации еврейских кругов в США. Со своей стороны, советское руководство дорожило результатами советско-американской разрядки – заключение соглашения по Западному Берлину, в перспективе договоров ОСВ-1 и ПРО, и на фоне непоследовательной политики президента Египта Садата, в дальнейшем выславшего советских военных специалистов обратно в СССР – не желало обострять отношения с США из-за арабо-израильского противостояния.

Накануне советско-американской встречи на высшем уровне Киссинджер в апреле 1972 г. совершил рабочую поездку в Москву. В ходе его встречи с Громыко советский министр обратил внимание на то, что план окончательного урегулирования касался вывода израильской армии только с территории Египта, но не затрагивал оккупированные территории Сирии и Иордании и не затрагивал никоим образом проблему палестинцев беженцев¹. Громыко и Брежнев заверили Киссинджера, что после окончательного вывода израильских войск с оккупированных территорий Египта будет предусмотрен вывод из Египта советского воинского персонала с оставлением только военных советников. Советская сторона была готова также обсудить вопрос о взаимном ограничении поставок оружия странам Ближнего Востока после осуществления полного мирного урегулирования в этом регионе².

В ходе советско-американской встречи в верхах в Москве в мае 1972 г. состоялись

переговоры, в том числе, по ближневосточному урегулированию. Л. И. Брежнев настаивал на том, что в основе разрешения арабо-израильского конфликта должна оставаться Резолюция СБ ООН № 242. Никсон, соглашаясь с этим тезисом, по сути, предлагал реализовать все тот же «промежуточный» вариант³. В результате, никаких прорывных решений и просто конкретных подвижек по ближневосточному урегулированию в ходе состоявшейся встречи в верхах не было принято.

Следующая арабо-израильская война (война «Судного дня») в октябре 1973 г., в ходе которой советские и американские войска были приведены в боевую готовность, стала катализатором советско-американских переговоров по ближневосточному урегулированию. Вашингтон сыграл важную посредническую роль («челночная дипломатия» Г. Киссинджера) в разведении израильских и сирийских, египетских войск. США на какое-то время приняли тезис о необходимости совместных с СССР действий в интересах обеспечения мира на Ближнем Востоке. В декабре 1973 г. в Женеве под эгидой ООН состоялась международная конференция по ближневосточному урегулированию, на которой сопредседателями выступили СССР и США [3].

В дальнейшем на фоне ухудшения советско-египетских отношений Соединенные Штаты стремились не без успеха занять лидирующие позиции в ближневосточном урегулировании. Этому способствовали: окончание вьетнамской войны; личная дипломатия Г. Киссинджера; поддержка его деятельности президентом Р. Никсоном; возможность Вашингтона оказать существенную экономическую и военную помощь Израилю и Египту; первый нефтяной шок 1973–1975 гг.; а также влияние еврейского лобби в США. Для Советского Союза существенными

¹ Запись беседы министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Г. Киссинджером. 23 апреля 1972 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 2. С. 242–252.

² Запись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Г. Киссинджером. 24 апреля 1972 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 2. С. 274.

³ Запись переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом США Р. Никсоном. 26 мая 1972 г. // Советско-американские отношения <...>. Кн. 2. С. 508–515.

ограничителями посреднической роли в ближневосточном конфликте являлись: отсутствие дипломатических отношений с Израилем; проблемы с иммиграцией советских евреев, что создавало основу для критики внутренней и внешней политики Москвы в Соединенных Штатах, западноевропейских странах; невозможность оказать массированную экономическую помощь арабским странам;

серьезная заинтересованность в продолжении советско-американского процесса ограничения вооружений. Объективным фактором для осложнения советско-американских отношений в сфере урегулирования Ближневосточного конфликта стал демонтаж разрядки во второй половине 1970-х гг.

Статья поступила в редакцию 21.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Каширина Т. В. Война США во Вьетнаме и советско-американские отношения. Конец 1960-х – первая половина 1970-х годов // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 53–61.
2. Каширина Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружение в американо-советских/российских отношениях в 1969–2010 годах. Воронеж: Научная книга, 2013. 590 с.
3. Пестич С. С. Политика СССР по урегулированию арабо-израильского конфликта в ходе Женевской мирной конференции (декабрь 1973 – сентябрь 1974 гг.) // Клио. 2018. № 7 (139). С. 130–135.

REFERENCES

1. Kashirina T. [The US War in Vietnam and Soviet-American Relations. The end of the 1960^s - the first half of the 1970^s]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2015, no. 4, pp. 53–61.
2. Kashirina T. *Problema ograniicheniya i sokrashcheniya strategicheskikh vooruzheniye v amerikano-sovetskikh/rossiyskikh otnosheniyakh v 1969–2010 godakh* [The problem of limiting and reducing strategic weapons in US-Soviet / Russian relations in 1969–2010]. Voronezh, Scientific book Publ., 2013, 590 p.
3. Pestich S. [Politics of the USSR to resolve the Arab-Israeli conflict during the Geneva Peace Conference (December 1973 – September 1974)]. In: *Clio*, 2018, no. 7 (139), pp. 130–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каширина Татьяна Владиславовна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений Дипломатической академии МИД РФ;
e-mail: Kashirina73@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Kashirina – Dr. Sci. (History), Departmental Head, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: Kashirina73@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каширина Т. В. Проблема ближневосточного урегулирования в советско-американских отношениях в период разрядки (1969–1974 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 101–111.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-101-111

FOR CITATION

Kashirina T. The problem of the middle East settlement in Soviet-American relations during the period of detente (1969–1974). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 101–111.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-101-111

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-112-127

КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ (1999–2020): ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

Курылев К. П., Шабловский В. С.*Российский университет дружбы народов**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью исследования является всесторонний анализ косовского конфликта в его сегодняшнем виде (по состоянию на 2020 г.), а также изучение перспектив разрешения конфликта.

Процедура и методы исследования. Исследование основывается на системном подходе к изучению косовского конфликта, который базировался на комплексе взаимодополняющих методов: методы теоретического анализа литературы, официальных документальных источников и средств массовой информации по исследуемой проблематике, а также контент-анализ; исходные общенаучные методы обработки эмпирического материала – наблюдение, описание, сбор и группировка фактов, обобщение, сравнение, аналогия; метод прогнозирования и системный анализ.

Результаты исследования. Авторы статьи пришли к выводу, что в мировом сообществе есть понимание необходимости разрешения данного конфликта для укрепления безопасности на Балканах и снятия напряженности в регионе. Однако в то же время нет четкого видения относительно того, как и на каких условиях должно осуществляться мирное урегулирование в Косово.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведенное исследование дает полную картину текущего состояния дел в косовском конфликте. Кроме того, авторы статьи определили три возможных сценария, по которым будет далее развиваться ситуация вокруг Косово.

Ключевые слова: Косово, Сербия, Албания, косовский конфликт, Россия, российско-сербские отношения, ЕС, США, Китай

KOSOVO CONFLICT (1999–2020): CURRENT SITUATION AND POTENTIAL RESOLUTIONS

K. Kurylev, V. Shablovskiy*RUDN University**10/2 ul. Miklukho-Maklaya, Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyze the current (2020) situation in the Kosovo conflict and examine the prospects for its resolution.

Methodology and Approach. The authors use a systems approach to study the Kosovo conflict based on a set of complementary research methods: theoretical analysis of literature, official documentary sources, and mass media, as well as content analysis; initial general scientific methods of processing empirical material – observation, description, collection and grouping of facts, generalization, comparison and analogy; and forecasting and systems analysis.

Results. The authors conclude that the world community has the understanding of the necessity for resolution of this conflict, which would reinforce security in the Balkans and relieve tensions in the region. However, there is no clear vision of how and under what conditions a peaceful settlement in Kosovo should be implemented.

Theoretical and/or Practical Implications. The study captures the full picture of the current situation in the Kosovo conflict and determines three possible scenarios for future development of the situation.

Keywords: Kosovo, Serbia, Albania, Kosovo conflict, Russia, Russian-Serbian relations, EU, USA, China

Обзор литературы по проблеме

Литература по исследуемой проблематике достаточно репрезентативна. Известными специалистами по тематике косовского конфликта и в целом Балканского региона являются Е. Ю. Гуськова, М. Ю. Мартынова, С. А. Романенко. Однако в данной статье мы решили уделить внимание другим, менее известным исследователям косовского вопроса, чьи работы, на наш взгляд, также представляют значительный интерес. Анализ этих работ стал большим подспорьем при написании данной статьи.

В статье А. Г. Анашкиной приводится подробный анализ этнополитического развития региона Косово и Метохия в исторической ретроспективе [1]. В результате автор приходит к выводу, что Косово исторически являлось частью сербского государства. Более того, именно Косово было культурным центром сербского этноса, вокруг которого сербы и образовали свое государство в XII вв. Наконец, на Косовом поле в 1389 г. произошла легендарная битва между сербами и турками-османами, являющаяся одной из самых героических и свято почитаемых страниц в истории Сербии. Тогда сербы потерпели поражение, так и не обретя независимость от Османской империи; однако, храбрость и отвага, проявленные сербскими войсками в борьбе за независимость своей родины, с тех пор стали ключевой составляющей национального самосознания сербов.

Таким образом, вывод Анашкиной имеет фундаментальное значение в контексте научной полемики об исторической принадлежности региона Косово и Метохия.

Проалбански настроенные ученые пытаются доказать исторические права албанцев на данный регион, тем самым стремясь оправдать геноцид сербского населения, осуществлявшийся косовскими албанцами на протяжении всего XX в. Автор рассматриваемой работы наглядно демонстрирует, что именно Сербия обладает историческими правами на данный регион.

Другой интересной работой по тематике косовского кризиса является статья И. О. Мишина [4]. Исследователь подчеркивает, что почти все американские политики-неоконсерваторы (Э. Абрамс, Д. Болтон, Д. Киркпатрик, У. Кристол, Д. Маккейн, Д. Муравчик, Р. Перл) настаивали на необходимости военного вмешательства США в косовский конфликт на стороне косовских албанцев и свержения режима Слободана Милошевича. При этом неоконсерваторы преподносили конфликт в Косово как посягательство Югославии на демократические ценности, тем самым акцентируя внимание на необходимости американского вмешательства для защиты этих ценностей. Еще одним важным моментом во взглядах американских неоконсерваторов являлась критика ООН и ее ведущего органа – Совета Безопасности. Мишин резонно отмечает лицемерие неоконсерваторов: «Прекрасно понимая, что Совет Безопасности ООН не даст согласия на бомбардировку Сербии, неоконсерваторы сами стали обвинять ООН, подрывая ее легитимность» [4, с. 177].

Автор дает понять, что, оказывая давление на администрацию У. Клинтона и призывая того к максимально жестким действиям против Югославии, неоконсерваторы в действительности стреми-

лись к возвращению былого влияния на внешнюю политику США, значительно ослабевшего в 1990-е гг. Кризис в Косово стал некоей «спасительной соломинкой», за которую ухватились неоконсерваторы: именно этим объясняется их гиперактивность в СМИ в разгар косовского конфликта. Их усилия и надежды себя оправдали, поскольку пришедший в 2001 г. на пост президента США Дж. Буш-младший взял на вооружение именно идеи неоконсерваторов, тем самым подарив им «вторую жизнь» в политике.

В статье С. В. Мошкина [5] «Косовский прецедент» в дискурсе заявлений российского руководства» автор делает акцент на том, что в международном праве доминирующим стал тысячелетний принцип силы: прав тот, на чьей стороне сила. Исследователь ставит в один ряд Косово и Крым и поясняет, что судьба обоих регионов решалась не согласно международному праву, а на основе права силы. При этом Мошкин обвиняет Россию в непоследовательности, подчеркивая, что в случае с Косово Россия строила свою позицию вокруг принципа территориальной целостности Сербии, а в случае с Крымом – вокруг права народа Крыма на самоопределение. В целом сквозь всю статью «красной линией» проходит негативное отношение автора к деятельности Москвы, а также подвергаются сомнению права Сербии на Косово.

На наш взгляд, Мошкин глубоко заблуждается. Некорректно приравнивать Косово и Крым – это разные истории. В Косово на протяжении длительного времени имеет место притеснение сербов со стороны косовских албанцев. В годы Второй мировой войны, а также в разгар косовского конфликта (1998–1999 гг.) это притеснение приняло форму открытого геноцида сербского населения. При этом такая политика террора преподносилась косовскими албанцами как борьба за независимость. Таким образом, косовские албанцы сами провоцировали отделение Косово от Сербии.

Случай с Крымом – абсолютно другой. Жители Крыма не провоцировали выход полуострова из состава Украины, не осуществляли никаких агрессивных действий против украинских властей. Однако последовавший за Евромайданом резкий всплеск радикального национализма на Украине, поддерживаемого новыми украинскими властями и направленного против русскоязычного населения, вынудил Россию предпринять меры для обеспечения безопасности Крыма, где большинство населения составляют русскоязычные. Именно поэтому было принято решение о проведении в Крыму референдума, который продемонстрировал желание жителей полуострова войти в состав России.

Статья О. А. Дибас и Л. С. Милокост посвящена роли дипломата М. Ахтисаари в урегулировании конфликта в Косово в период 2004–2007 гг. [2]. В 2005 г. М. Ахтисаари стал специальным посланником ООН в Косово, и именно на него были возложены полномочия по выработке мирного плана для Косово. Ранее, в разгар конфликта, М. Ахтисаари занимал пост представителя ЕС в контактной группе по Косово.

Авторы исследования приходят к нескольким важным выводам. Во-первых, М. Ахтисаари с самого начала конфликта (1998–1999 гг.) целиком поддерживал позицию косовских албанцев, считая, что во всем случившемся виноваты исключительно сербы. Более того, он обвинял руководство Сербии в геноциде албанцев, что абсолютно не соответствовало действительности. Вступив в должность специального представителя ООН в Косово, М. Ахтисаари также четко и прямо обозначил, что его симпатии находятся на стороне албанцев. Из этого следует, что высокопоставленный дипломат с самого начала отступил от ключевого принципа любого международного посредника – беспристрастность, нейтральность и учет интересов обеих сторон конфликта. В этой связи встает вопрос о компетент-

ности М. Ахтисаари как переговорщика. Вернее сказать, очевидна его некомпетентность и неспособность смотреть на ситуацию беспристрастно.

Авторы рассматриваемой статьи отмечают, что М. Ахтисаари преследовал одну конечную цель в процессе своей деятельности – объявление независимости Косово. Именно это было краеугольным камнем его мирного плана вкупе с сохранением присутствия ООН и НАТО в Косово.

Чиновник активно пытался навязать свой мирный план всем участникам контактной группы по Косово, особенно стремясь заручиться поддержкой России и Китая. Но Москву и Пекин ожидаемо не устроили идеи М. Ахтисаари, и его план был отвергнут. На наш взгляд, иного и быть не могло: М. Ахтисаари изначально был ангажированной персоной и придерживался крайне одностороннего и необъективного взгляда на косовский конфликт.

Работа К. А. Половченко представляет собой очень качественный анализ нормативно-правового аспекта косовского конфликта в исторической ретроспективе [6]. Так, автор указывает, что роковую роль сыграла конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия 1974 г. Согласно ее положениям, автономный край Воеводина и автономный край Косово и Метохия были наделены неадекватно широкими полномочиями в составе федерации: фактически они были приравнены в своем конституционном статусе к союзным республикам. Возникла парадоксальная ситуация: два автономных края, находясь в составе Республики Сербия, де-факто имели те же полномочия и статус, что и сама Сербия. Безусловно, эта грубая правовая ошибка руководства Югославии (в частности, И. Тито) «развязала руки» албанским экстремистам Косово, которые с еще большей энергией стали требовать полноценной независимости Косово от Сербии.

Половченко подчеркивает, что руководство Республики Сербия делало все

возможное, чтобы устранить возникший правовой дисбаланс и сохранить край Косово и Метохия в составе Сербии. В 1990 г. Республика Сербия приняла новую конституцию, где права двух автономий были существенно уменьшены во избежание развития сепаратистских тенденций в этих регионах. Чуть ранее Сербия особым законом распустила Скупщину и Исполнительное вече Косово (законодательный и исполнительный органы Косово). Автономный край Воеводина принял новые «правила игры» и по сей день гармонично существует в составе Сербии. Автономный край Косово и Метохия отказался подчиняться требованиям Сербии и продолжил движение навстречу обретению независимости от Сербии.

Автор отмечает, что Сербия прилагала максимум усилий для справедливого разрешения проблемы Косово исключительно в правовом поле. Так, в 2006 г. была принята новая конституция Сербии, согласно которой автономный край Косово и Метохия является «неотъемлемой частью территории Сербии», но при этом «обладает статусом существенной автономии в рамках суверенного государства Сербия» [6, с. 123]. При этом «существенная автономия» Косово подразумевает куда более широкий статус, чем автономия Воеводины. Следовательно, был создан удивительный прецедент, когда две автономии в составе Сербии получили разный правовой статус. Этот грамотный ход властей Сербии был призван удержать Косово в составе Сербии и положить конец конфликту. Однако все это было проигнорировано руководством Косово, в одностороннем порядке объявившем о своей независимости в феврале 2008 г.

Автор также акцентирует внимание на том, что международные правовые акты, призванные регулировать косовскую проблему, также не выполняют своего предназначения. В частности, речь о резолюции Совета Безопасности ООН № 1244

от 10 июня 1999 г. Многие ее положения не выполняются, а объявление властями Косово независимости в 2008 г. вообще является грубейшим нарушением данной резолюции. Тем не менее, это не помешало США и лидерам ЕС, участвовавшим в принятии резолюции, официально признать независимость Косово.

Таким образом, резюмирует Половченко, конституция Югославии 1974 г., фактически уравнивая в полномочиях союзные республики и два автономных края в составе Сербии, сильно подорвала территориальную целостность Сербии и создала предпосылки для еще большего роста сепаратизма со стороны косовских албанцев.

В статье А. С. Строевой формулируется ряд важных положений относительно ситуации вокруг Косово [7]. Наряду с Дибас и Милокост, Строева абсолютно логично критикует доклад специального представителя ООН по Косово М. Ахтисаари, подчеркивая, что выдвинутая финским политиком идея о необходимости признания независимости Косово международным сообществом противоречит ранее принятой резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 – в частности, пункту резолюции о признании территориальной целостности Югославии. Кроме того, как отмечает исследователь, в докладе М. Ахтисаари абсолютно проигнорированы интересы сербского населения Косово, что делает мирный план М. Ахтисаари исключительно проалбанским.

Большой интерес представляет критика Строевой решения Международного суда ООН относительно легитимности одностороннего провозглашения Республикой Косово своей независимости в 2008 г. Из приведенной автором информации следует, что решение Международного суда, признавшего декларацию независимости Косова соответствующей нормам международного права, крайне неоднозначно. Во-первых, сами формулировки Международного суда ООН

выглядят противоречиво (например, утверждение о том, что объявление независимости Косово не идет вразрез с резолюцией Совбеза ООН № 1244). Во-вторых – внутри самого суда имелись разные мнения относительно рассматриваемого вопроса. Автор отмечает, что само по себе это решение не имеет обязательной силы, но сам факт его наличия создает серьезный прецедент.

Но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживают выводы автора о влиянии косовской проблемы на всю систему международного права. Как указывает Строева, косовский кризис показал четкий «водораздел» в мировом сообществе: государства, следующие сложившимся после Второй мировой войны нормам международного права, и государства, этими нормами пренебрегающие. Наконец, косовский прецедент, по мнению исследователя, важен и потому, что свидетельствует об изменении «правил игры» в мировой политике: «можно предположить, что по воле отдельных стран в настоящее время складываются юридические основания для появления нового типа государств – государств с неполным суверенитетом, что противоречит большинству основополагающих действующих международных актов ООН» [7, с. 282].

Отдельно хотелось бы выделить работу А. И. Филимоновой и С. А. Черденченко [8]. В статье дается подробный анализ того, что из себя представляет Республика Косово в настоящее время. Авторы подробнейшим образом объясняют, что Косово превратилось в центр наркоторговли на Балканах, а албанская мафия стала крупнейшим поставщиком наркотиков во всей Европе. «По различным оценкам, в настоящий момент албанская мафия контролирует около 75% героина, поступающего на западноевропейский наркорынок, и до половины совокупного количества героина, продаваемого в США», – отмечают авторы исследования [8, с. 23].

В Косово также процветают торговля оружием, людьми и человеческими органами («черная трансплантология»), а рэкету и шантажу регулярно подвергаются даже сами косовские албанцы. Фактически вся экономика Косово завязана только на доходах криминальных структур, в особенности – на доходах от наркоторговли. Ключевой момент: руководители Республики Косово сами являются крупнейшими наркобаронами и лидерами крупных преступных группировок в Косово. В том числе речь идет и о Х. Тачи, являющемся президентом Косово и одновременно главным криминальным авторитетом. Таким образом, власть и криминал в Косово являются одним целым – уникальный случай в мировой политике. Объясняется этот феномен просто: все ключевые руководители Республики Косово ранее являлись лидерами, «полевыми командирами» террористической организации «Армия освобождения Косово» (АОК), осуществлявшей геноцид сербского населения под лозунгами борьбы за независимость Косово.

Авторы работы подчеркивают, что Косово разделено на зоны влияния преступных группировок, а единственный район, где отсутствует такой беспредел – это сербский анклав из четырех общин на севере Косово. При этом даже в южных районах Сербии, где имеется многочисленная албанская диаспора, влияние албанской мафии крайне велико: так, село Велики Трновац на границе с Косово, по словам авторов, давно считается «героиновыми воротами Запада» [8, с. 29]. В этом, на наш взгляд, есть и серьезное упущение со стороны руководства Сербии, допустившего такую ситуацию на своей территории.

Преступные группировки косовских албанцев контролируют наркотрафик и во многих других районах Балкан, являясь самой настоящей «теневой властью» в регионе. Филимонова и Чередниченко в этой связи отмечают: «По сути, весь регион – Албания, Косово и Западная

Македония – является одним большим наркоскладом» [8, с. 29–30]. Более того, за минувшие 20 лет албанская мафия расширила свое влияние далеко за пределы Балкан: во многих европейских странах (Италия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Венгрия и даже Великобритания) албанские ОПГ имеют весомые позиции в криминальном мире.

Показательный момент: мировое сообщество давным-давно в курсе всего того, что происходит в Косово, но при этом не предпринимает никаких мер. Авторы исследования объясняют это тем, что западные страны просто не желают наказывать тех, кто проводит выгодную им политику. Получается, что до тех пор, пока деятельность лидеров Республики Косово отвечает интересам Запада – тот готов закрыть глаза на любые их преступления.

Филимонова и Чередниченко резюмируют: оказывая с 1990-х гг. всестороннюю поддержку албанским сепаратистам в Косово, западные страны открыли «ящик Пандоры». Стремясь установить контроль на Балканах, Запад своими руками взрастил монстра у себя под боком: албанские криминальные структуры уже проникли во многие западные страны, оказывая серьезное дестабилизирующее влияние на безопасность этих стран.

Таким образом, в результате анализа указанных выше статей мы пришли к следующему выводу: несмотря на наличие множества научных работ по тематике косовского кризиса, крайне слабо изучен такой аспект, как перспективы разрешения данного конфликта. Именно эту лакуну мы и намерены заполнить в данной статье, предложив для анализа возможные варианты дальнейшего развития событий вокруг Косово.

Текущее состояние косовского конфликта

В мае 2019 г. снова обострилась ситуация вокруг Косово: спецназ этого государства начал операцию «принуждения к порядку» жителей Северного Косова,

абсолютное большинство из которых – сербы. После этого президент Сербии А. Вучич заявил о приведении вооруженных сил Сербии в полную боевую готовность¹. Давний конфликт между сербами и косовскими албанцами, который в 1999 г. привел к интервенции НАТО в Югославии и дальнейшему нелегитимному провозглашению независимости Косова в 2008 г., разгорается с новой силой.

В данной статье мы рассмотрим, как в последние годы развивалась ситуация вокруг Косова, изучим существующие, на наш взгляд, варианты дальнейшего развития событий, а также предложим свой собственный подход к разрешению косовского конфликта.

В 2008 г. парламент Республики Косово в одностороннем порядке, без проведения референдума, провозгласил независимость республики от Сербии и образование своего собственного государства. С тех пор многие страны официально признали данное государство: на настоящий момент таких стран уже более 100. Многие, но не все, поскольку ряд стран по-прежнему считают Косово частью Сербии, и к таковым относятся, в частности, Россия, Китай, Индия, Испания. Все это говорит о том, что в международном сообществе нет единой точки зрения относительно легитимности существования государства Косово².

Сербские власти категорически не согласны с существованием Косово как отдельного государства и считают, что Косово – это часть Сербии, незаконным образом «пустившаяся в свободное плавание» после выше указанных событий 1999 г. Однако существующие реалии заключаются в том, что после натовских

бомбардировок 1999 г. Сербия де-факто не контролирует территорию Косово, которое вдобавок еще и объявило о создании своего собственного государства.

Тем не менее, в 2013 г. руководство Сербии пошло на заключение соглашения с властями Косово, направленного на нормализацию отношений между сторонами. Это так называемое Брюссельское соглашение означает, что де-факто Сербия уже признала легитимность Косово. Хотя в конституции Сербии по-прежнему прописано, что край Косово и Метохия является частью Сербии. Причина такого крайне противоречивого шага кроется в том, что последние 10 лет в Сербии власть находится в руках сторонников евроинтеграции, которые стремятся обеспечить Сербии вхождение в Европейский союз. И нынешний президент А. Вучич (в 2013 г. – премьер-министр Сербии), и его предшественник И. Дачич являются ярыми приверженцами идеи евроинтеграции Сербии. Важнейшим же условием Евросоюза для принятия Сербии в свои ряды является признание Сербией Косова и нормализация отношений между сторонами. Поэтому, несмотря на то, что Брюссельское соглашение не только не несет особой практической выгоды Сербии, но и откровенно раздражает большинство населения Сербии, власти государства пошли на такой противоречивый шаг³.

Нынешнее руководство Сербии ведет очень сложную игру, пытаясь одновременно достигнуть трех во многом противоречащих друг другу целей: вступление в ЕС, невступление в НАТО или другой военный блок (т. е. нейтральный статус), поддержание стратегического партнерства с Россией. С одной стороны, такая многовекторная политика имеет смысл, поскольку при грамотной ее реализации позволит Белграду получать дивиденды от сотрудничества и с Западом, и с России-

¹ «Сербы готовятся к худшему». Что стоит за перестрелкой и арестами в Косово // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20190528/1555027096.html> (дата обращения: 21.11.2019).

² Глава МИД Сербии назвал неточным официальный список признавших Косово стран // ИТАР-ТАСС [сайт]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5611409> (дата обращения: 16.11.2019).

³ Сербия и Косово договорились о выполнении Брюссельского соглашения // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20130522/938898540.html> (дата обращения: 17.11.2019).

ей. С другой стороны, учитывая текущий уровень конфронтации между Россией и Западом, попытки балансировать между ними – опасная затея, которая может привести к дестабилизации обстановки в самой Сербии¹.

В контексте косовского кризиса нужно иметь в виду один фундаментальный момент – Северное Косово. Дело в том, что Северное Косово – это фактически сербский анклав на территории нынешнего косовского «государства». В настоящий момент к Северному Косову относятся общины Лепосавич, Звечан, Зубин-Поток, а также северная часть общины Косовска-Митровица. Территория Северного Косова имеет общую границу с Сербией, абсолютное большинство жителей этих общин (более 95%) – это сербы, которые не признают власти Приштины и не подчиняются законодательству Косова. Всего же, по данным ОБСЕ, в перечисленных общинах Северного Косова проживают 70 тыс. косовских сербов². Так что фактически Северное Косово – это отдельное государство на территории частично признанной Республики Косово. И именно Северное Косово в настоящий момент является главным предметом раздора в конфликте косовских албанцев и сербов.

В свою очередь, власти Косова во главе со своим президентом Х. Тачи избрали однозначно прозападный вектор внешней политики, характеризующийся углублением сотрудничества с ЕС и США, а также, разумеется, тесным взаимодействием с Албанией. Что и неудивительно: без поддержки Запада не было бы никакой Республики Косово, которая, по своей сути, является вторым албанским государством.

На наш взгляд, крайне неоднозначную позицию занимает руководство Сербии,

что во многом развязывает руки косовским албанцам в осуществлении акций, подобным недавней вылазке косовского спецназа. Стремясь угодить всем, прозападные сербские власти в итоге загоняют себя в ловушку. С одной стороны, присутствует риторика о готовности защищать сербское население, проживающее на территории Косова. С другой стороны, эта риторика не сопровождается реальными практическими мерами. Так, в 2012 г. был проведен референдум среди сербов Северного Косова, касающийся признания государства Косово. Абсолютное большинство сербов (более 99%) проголосовало отрицательно. Однако сами власти Сербии признали нелегитимным этот референдум, ссылаясь на то, что его проведение может усугубить обстановку во взаимоотношениях между Приштиной и Белградом³.

Иными словами, вместо того, чтобы сделать акцент на итогах референдума и активно продвигать на его основе интересы косовских сербов, Белград просто оставил их на произвол судьбы. Таким образом, судьба косовских сербов волнует фактически только самих косовских сербов: поддержки со стороны Белграда либо нет вообще, либо она несущественная.

Очевидно, что пассивная позиция нынешних властей Сербии поощряет произвол со стороны Приштины относительно косовских сербов и оставляет возможность для нового витка конфликта между сербами и албанцами.

Позиция России по Косово

Позиция Российской Федерации по косовской проблеме отличается последовательностью и в хорошем смысле предсказуемостью. На протяжении всех двадцати лет, прошедших с момента интервенции НАТО в Югославию, Россия

¹ Сербии придется оглядываться на Россию // Эксперт [сайт]. – URL: <https://expert.ru/2016/04/25/serbiya/> (дата обращения: 21.11.2019).

² Compendium of all Municipal Profiles 2018. Available at: <https://www.osce.org/mission-in-kosovo/410279?download=true> (Accessed: 14.11.2019).

³ Косовские сербы сказали «нет» албанскому руководству республики // Лента [сайт]. – URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/16/referendum/> (дата обращения: 17.11.2019).

поддерживает территориальную целостность Сербии и не признает легитимным выход Косово из состава Сербии. При этом Россия готова поддержать потенциальное соглашение между Белградом и Приштиной по урегулированию конфликта при условии, что такое соглашение будет удовлетворять национальным интересам Сербии и ее граждан¹.

Еще одним значимым пунктом российской позиции является акцент на разрешение косовской проблемы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН №1244 от 10 июня 1999 г.² Напомним ключевые положения данной резолюции: 1) Югославия выводит свои вооруженные силы из Косово; 2) демилитаризация Армии освобождения Косова (АОК) и других вооруженных формирований косовских албанцев; 3) ввод в Косово международных сил безопасности под эгидой ООН для установления безопасности и режима прекращения огня в регионе; 4) создание условий для возвращения беженцев в Косово; 5) предоставление Косово широкой автономии в составе Югославии; 6) признание территориальной целостности и суверенитета Югославии.

Проблема в том, что де-факто данная резолюция не соблюдается. Так, одностороннее провозглашение Косово своей независимости в 2008 г., поддержанное большинством западных государств (включая постоянных членов Совета Безопасности ООН), является грубым нарушением данной резолюции. Кроме того, Россия неоднократно обращала внимание международного сообщества на невозможность для сербов, покинувших край в 1999 г., вернуться в свои дома

из-за этнической политики, проводимой нынешними властями Косово³. В этой связи ключевым аспектом позиции России является необходимость четкого соблюдения данной резолюции всеми сторонами.

В то же время необходимо отметить, что Россия не предлагает каких-либо вариантов разрешения косовской проблемы. С одной стороны, это может показаться оправданным шагом, так как инициатива должна исходить, прежде всего, от самих конфликтующих сторон, т. е. непосредственно от Сербии и Косово. Однако, с другой стороны, активная посредническая роль России в разрешении конфликта была бы целесообразной. Разрешение конфликта по российскому сценарию стало бы однозначной победой российской дипломатии, укрепляя Россию в статусе миротворца.

Впрочем, в настоящий момент политическая конъюнктура в самой Сербии объективно неблагоприятна для России. В стране доминируют прозападные силы, чьей приоритетной задачей является вступление Сербии в ЕС и усиление взаимодействия с НАТО. Две ведущие партии в Народной Скупщине – Сербская прогрессивная партия и Социалистическая партия Сербии – имеют явно выраженную прозападную направленность. Лидером первой является нынешний президент А. Вучич, а руководитель второй – министр иностранных дел И. Дачич. Ранее именно Дачич был премьер-министром Сербии, после чего на этом посту его сменил Вучич. Иными словами, в Сербии сохраняется преемственность в отношении избранного евроатлантического курса.

Вплоть до 2016 г. в стране фактически не было сильной оппозиции, занимающей пророссийские позиции. Отсутствие таковой делало крайне затруднительным

¹ Захарова назвала позицию России по Косово последовательной и неизменной // ИТАР-ТАСС [сайт]. – URL: <https://tass.ru/politika/5452857> (дата обращения: 29.11.2019).

² Резолюция СБ ООН № 1244 // refworld (website UN Refugee Agency). URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=492e7a072> (дата обращения: 02.12.2019).

³ Что представляет собой резолюция № 1244 Совета ООН // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20080215/99275719.html> (дата обращения: 02.12.2019).

продвижение каких-либо внешнеполитических инициатив России на Балканах, в том числе и инициативы по урегулированию Косовского конфликта. Однако сейчас активно набирает силу Сербская радикальная партия во главе с ее бесспорным лидером В. Шешелем. На прошедших в 2016 г. парламентских выборах его партия набрала чуть выше 8% голосов избирателей, забронировав за собой 22 из 250 мест в парламенте¹. Это уже стоит считать успехом, потому что ранее партия Шешеля вообще не проходила в парламент Сербии. Здесь же она стала третьей по популярности после партий Вучича и Дачича².

Шешель и ведомая им партия являются противниками тесной кооперации Сербии с евроатлантическими структурами и при этом выступают за укрепление исторических связей Сербии с Россией. Весной 2020 г. в Сербии снова состоятся выборы в Народную Скупшину. Возможности России динамичнее углублять сотрудничество с Сербией и успешно продвигать свои внешнеполитические инициативы в регионе во многом будут зависеть от того, какой результат покажет партия Шешеля. Если Сербская радикальная партия укрепит свои позиции в парламенте, то сможет больше влиять на политику Сербии. Учитывая, что в настоящий момент перспективы Сербии на членство в ЕС находятся под большим вопросом, а сам Шешель является культовой для Сербии фигурой (яркий борец за территориальную целостность Сербии, провел 12 лет в тюремном заключении в Гааге из-за обвинений Международного трибунала по бывшей Югославии) – его шансы пока-

зать хороший результат на этих выборах кажутся вполне солидными³.

Наконец, Россия должна отдавать себе отчет в том, что разрешение косовской проблемы снимет главный барьер на пути Сербии в Евросоюз. А это значит, что для нашей страны в приоритете, прежде всего, углубление отношений с Сербией – иначе возможна ситуация, при которой Россия окончательно потеряет свое влияние в православной Сербии. Этого нельзя допустить.

В настоящий момент объем товарооборота между Россией и Сербией крайне не мал: в 2018 г. он составил всего лишь 2,096 млрд. долларов. При этом более половины российского экспорта в Серию ожидаемо пришлось на минеральные ресурсы – 51,66%. Всего на долю Сербии пришлось лишь 0,22% от всего российского экспорта в 2018 г.⁴ Для наглядности приведем доли других европейских стран в экспорте России (см. табл.).

Как видно из таблицы, доля Сербии в сравнении с показателями других европейских стран крайне мала. Это лишний раз подчеркивает, что уровень экономического сотрудничества России и Сербии пока что находится на относительно слабом уровне.

Российские власти это хорошо понимают и с недавних пор предпринимают активные меры по укреплению отношений с Белградом. Так, 19 октября 2019 г., в рамках визита премьер-министра России Д. Медведева в Серию, был подписан целый набор двусторонних соглашений по самым разным направлениям сотрудничества, включая железнодорожный транспорт, цифровые технологии, атомную энергию, сельское хозяйство⁵. Более

¹ National Assembly of the Republic of Serbia. Parliamentary Groups. Available at: <http://www.parlament.gov.rs/national-assembly/national-assembly-in-numbers/parliamentary-groups.1744.html> (Accessed: 30.11.2019).

² Итоги выборов в Сербии: курс на интеграцию в ЕС // Российский совет по международным делам [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-vyborov-v-serbii-kursa-integratsiyu-v-es/> (дата обращения: 01.12.2019).

³ Воислав Шешель: максимальная интеграция с Россией является гарантией безопасности Сербии // ИТАР-ТАСС [сайт]. – URL: <https://tass.ru/interviews/6175332> (дата обращения: 29.11.2019).

⁴ Торговля между Россией и Сербией в 2018 г. // Внешняя торговля России [сайт]. – URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-serbiy-v-2018-g/> (дата обращения: 06.12.2019).

⁵ Россия и Серию подписали пакет соглашений о сотрудничестве // РИА Новости [сайт]. – URL:

Таблица / Table

**Доли европейских стран в экспорте России в 2018 г. /
Shares of European countries in Russian exports in 2018**

Страна	Доля в экспорте России, %
Нидерланды	9,66
Германия	7,57
Беларусь	4,84
Польша	3,67
Италия	3,64
Финляндия	2,52
Великобритания	2,15
Украина	2,11
Бельгия	2,04
Франция	1,69

Источник: составлено авторами по данным Торговля России со странами Европы в 2018 г. // Внешняя торговля России [сайт]. – URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/tor-govlya-rossii-so-stranami-evropy-v-2018-g/> (дата обращения: 06.12.2019).

того, в конце октября 2019 г. Сербия и государства-члены ЕАЭС подписали соглашение о создании зоны свободной торговли¹. Это соглашение закладывает очень хорошие предпосылки для углубления экономического взаимодействия Москвы и Белграда.

Добавим к этому мнение известного российского политолога А. Г. Дугина, который в своем фундаментальном труде «Основы геополитики» подчеркивает, что будущее Сербии однозначно связано с Россией: «Геополитическая перспектива сербов имеет однозначно прорусский, евразийский характер. Через религиозный и этнический фактор Сербия прямо примыкает к России, являясь ее геополитическим продолжением на юге Европы. Судьба сербов и судьба русских на геополитическом уровне – это одна и та же судьба» [3, с. 261–262].

Позиции ЕС, США и Китая по Косово

В настоящий момент существуют не-плохие предпосылки для урегулирования косовской проблемы, поскольку и Брюссель, и Вашингтон, и Пекин в целом заинтересованы в скорейшем разрешении конфликта между сербами и косовскими албанцами.

Позицию Евросоюза наглядно характеризует новая стратегия ЕС на Балканах, которая отражена в документе под названием «Надежная перспектива расширения ЕС и его усиленного взаимодействия с Западными Балканами», утвержденном Европейской комиссией в феврале 2018 г. В контексте рассматриваемой нами проблемы в стратегии отмечено, что ключевым аспектом на пути Сербии в ЕС является урегулирование конфликта с Косово, подразумевающее заключение полноценного мирного соглашения между конфликтующими сторонами. Именно этот вопрос, по мнению ЕС, является главным препятствием для вступления Сербии в ЕС. Поэтому, несмотря на то, что в целом данная стратегия не содержит абсолютно никаких гарантий или четко установленных рамок, которые позволяют Сербии и другим госу-

<https://ria.ru/20191019/1559979476.html> (дата обращения: 06.12.2019).

¹ Free trade agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Republic of Serbia, of the other part. Available at: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01423625/iatc_28102019 (Accessed: 02.12.2019).

дарствам Балкан претендовать на членство в союзе – отношение Брюсселя к косовской проблеме указано недвусмысленно. В свою очередь, это позволяет сделать вывод, что Евросоюз готов поддерживать полноценное мирное урегулирование¹.

Говоря о позиции США, стоит подчеркнуть, что в том же Косово находится американская военная база *Bondsteel*, являющаяся крупнейшим американским военным объектом на Балканах. Этот фактор имеет большое значение в контексте проецирования американских интересов в регионе.

Далее, в ноябре 2017 г. вышел доклад аналитического центра «Атлантический совет» (главный мозговой центр НАТО) «Балканы, вперед: новая стратегия США для региона»². В соответствии с докладом, американская политика на Балканах должна быть заточена на выполнение четырех фундаментальных задач:

- сохранение постоянного военного присутствия на Балканах. При этом особое место отводится военной базе *Bondsteel* в Косово, которая рассматривается как краеугольный камень американского влияния;
- нормализация отношений с Сербией, которая должна стать американским союзником на Балканах. В то же время, Сербия должна отдалиться от России;
- восстановление имиджа США как истинного посредника. США должны стать ключевым посредником в разрешении региональных споров (Сербия и Косово, Македония и Греция);
- ставка на работу с местной молодежью и предпринимателями. Отдельно подчеркивается, что без выполнения этой задачи все предыдущие не имеют смысла. США должны содействовать созданию долгосрочных экономических перспек-

тив для молодежи и бизнес-кругов региона, укреплять экономические возможности населения балканских государств³.

Таким образом, среди приоритетных задач США на Балканах выделены налаживание американо-сербских отношений и содействие Вашингтона в урегулировании Косовского конфликта. Безусловно, данный доклад не является официальной позицией США. Но, учитывая принадлежность «Атлантического совета» к деятельности НАТО и большую роль аналитических центров в разработке американской внешней политики, можно быть уверенными в том, что ключевые положения данной стратегии являются реальными приоритетами внешней политики США на Балканах.

Наконец, позиция Китая схожа с российской и базируется на тех же фундаментальных принципах: непризнание Косова и поддержка территориальной целостности Сербии, соблюдение резолюции Совбеза ООН № 1244. Такой подход обусловлен тем, что в Пекине четко понимают: признав Косово, они рискуют спровоцировать сепаратистские тенденции в самом Китае (прежде всего, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе). Именно поэтому Китай поддерживает Сербию в косовском конфликте⁴.

Как видим, в контексте косовской проблемы Россия и Китай фактически действуют в тандеме, что является существенным аргументом в пользу Сербии в данном конфликте.

Фактор общественного мнения в Сербии

Данный аспект имеет, пожалуй, важнейшее значение в контексте разрешения косовской проблемы. Подавляющее большинство сербов категорически против признания независимости Косово. Поэтому решение нынешнего сербского руководства признать Косово без учета

¹ A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. Available at: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-65-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (Accessed: 08.12.2019).

² Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Forward: A New US Strategy for the Region (report). Washington: Atlantic Council, 2017. 21 p.

³ Там же.

⁴ Без учета позиции Москвы компромисс по Косово невозможен // Независимая газета. 2019. 28 февр.

мнения самого сербского населения обернется крайне негативными последствиями для местных властей – они просто лишатся поддержки народа. В этой связи есть только один приемлемый вариант – это вынесение вопроса о признании Косово на референдум. Соответственно, именно результаты референдума должны определять, будет ли Сербия признавать Косово или нет. В случае, если руководство Сербии предложит своему населению ясный, конкретный вариант мирного урегулирования с Косово, и лишь потом вынесет данный вопрос на референдум – вероятность народного одобрения данной идеи возрастет.

Проблема Сербии заключается как раз в том, что нынешнее руководство страны во главе с А. Вучичем абсолютно не стремится ориентироваться на мнение народа при выстраивании отношений с Косово. Яркий пример – Брюссельское соглашение 2013 г., крайне непопулярное среди сербов, было заключено без какой-либо оглядки на общественное мнение. Фактически, это было одностороннее решение прозападного руководства Сербии, стремившегося угодить Евросоюзу в надежде на одобрение сербской заявки на членство в ЕС – сербский народ же никто не спрашивал. Такой подход крайне непродуктивен, поскольку настраивает простых сербских граждан против властей государства. Очевидно, что без одобрения населения (в том числе и сербов, проживающих в Косово) заключение полноценного мирного соглашения для Сербии невозможно.

На наш взгляд, существуют три варианта дальнейшего развития событий вокруг Косово. Назовем их условно «фантастический», «идеальный» и «реальный». Рассмотрим их подробно.

Вариант 1 («фантастический»). Его суть заключается в том, что Сербия действительно вынашивает планы по возвращению всей территории Косово под крыло Белграда. Доказательством этому отчасти можно считать тот факт, что, со-

гласно конституции Сербии, Косово по-прежнему является частью Сербии. Однако в действительности такой вариант крайне маловероятен.

Возвращение Косово Белграду возможно только военным путем, ибо добившиеся независимости косовские албанцы демократически никогда на такой шаг не пойдут. Следовательно, единственный шанс Сербии – это завоевать Косово. Но здесь надо понимать, что такой радикальный сценарий не только приведет к массовому кровопролитию, но и не останется без внимания Запада, который почти наверняка окажет прямую военную помощь Косово. К тому же, как упоминалось выше, в Косово находится американская военная база *Bondsteel*. Таким образом, попытка вернуть себе Косово с помощью силы сродни самоубийству, поскольку это грозит катастрофическими последствиями для самой Сербии. В этой связи очевидно, что вероятность полного возвращения Косово под крыло Белграда очень-очень мала; а фактически – невозможна.

Вариант 2 («идеальный»). Конечно, сербские политики могут и дальше неустанно повторять, что Косово является частью Сербии. Только особого смысла в этом нет. Вместо того, чтобы пытаться сохранить «хорошую мину» при плохой игре, Сербии стоит начать искать реальные варианты разрешения ситуации. Безусловно, претензии Сербии абсолютно справедливы, поскольку Косово вышло из состава Сербии нелегитимным и даже преступным образом. Вот только полностью вернуть Косово обратно в состав Сербии уже нереально. А вот найти приемлемый компромисс с албанцами – возможно.

На наш взгляд, подходящим видится следующий вариант: Косово прекращает свое существование как государство, Северное Косово возвращается в состав Сербии, остальная часть Косово отходит Албании. При таком сценарии в выгоде остаются все. Рассмотрим основные идеи данной концепции.

1) Само по себе Косово – это искусственно созданное квазигосударство, чье появление на свет стало возможным благодаря подстрекательской политике государства Албания и террористической деятельности албанских боевиков. Руководители Косово – это албанцы, которые и проводят совершенно проалбанскую политику. Следовательно, нет никакого смысла в самостоятельном существовании государства Косово, поскольку это изначально марионеточное государство. Необходимо разделить его между Сербией и Албанией.

2) Сербия вернет себе ту часть Косово, где вот уже многие годы проживают сербы, которые не желают подчиняться Приштине и рьяно отстаивают свои права.

3) Албания сможет удовлетворить свои аппетиты о формировании «Великой Албании» за счет присоединения остальной части Косово. Совершенно очевидно, что косовары не имеют своей какой-то особой национальной идентичности как, например, баски в Испании. Косовары – это те же албанцы. Поэтому будет логично, если остальная часть Косово войдет в состав Албании.

4) Переговорный процесс должен быть организован в формате «четверки», то есть договариваться предстоит представителям Сербии, Албании, Косово и Северного Косово. В то же время Россия, Европейский союз, США, Китай, ОБСЕ должны стать гарантами данного соглашения.

5) В случае реализации данного плана конфликтный потенциал на Балканах снизится, что позитивно скажется на всей системе европейской безопасности. От этого выиграют и ЕС, и Россия.

6) В случае, если именно Россия предложит такой мирный сценарий, она сможет существенно повысить свою роль на Балканах и за столбить за собой статус миротворца.

7) Реализация данного плана снизит влияние США на европейском континенте. Не секрет, что американцам выгодно

высокая конфликтность в Европе, так как это обуславливает расширение НАТО, поставку американского вооружения в Европу, установку систем ПРО.

Таким образом, данный сценарий является максимально компромиссным. Он удовлетворяет как интересам основных действующих лиц конфликта (Сербия и Албания), так и второстепенных (ЕС и Россия).

Вариант 3 («реальный»). Логично предположить, что предложенный выше вариант разрешения сербско-албанского конфликта все равно не устроит Сербию из-за нежелания усиления Албании за счет Косово. В этом случае сербы будут руководствоваться принципом «лучше самим ничего не получить, чем поспособствовать расширению Албании». Вполне возможно, что для сербов из двух неприемлемых вариантов – независимое Косово или большая часть Косово в составе Албании – именно первое является приоритетным. Или, вернее сказать, более отвечающим интересам Сербии.

На наш взгляд, почти наверняка все останется так, как есть сейчас. Для реализации вышеуказанного сценария необходима сильная политическая воля, которой в настоящий момент не наблюдается ни у Сербии, ни у других игроков на международной арене. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что конфликт вокруг Косово продолжит оставаться в так называемой «латентной стадии» с периодическими вспышками – как в случае с недавней операцией косовского спецназа в Северном Косове.

Заключение

Косовская проблема уже 20 лет является одним из главных факторов нестабильности на Балканах. Снятие вопроса Косово с повестки дня улучшит политический климат в регионе, поспособствует укреплению безопасности на Балканах. Надобность в мирном соглашении безусловно присутствует, но намного важнее то, на каких условиях оно будет

заключено. Должны быть найдены приемлемые компромиссы, которые будут в равной степени отвечать интересам всех ключевых действующих лиц (Сербия, косовские сербы, косовские албанцы, Албания). В свою очередь, гарантами сделки должны выступить крупнейшие международные акторы (Россия, Китай, ЕС, США, ОБСЕ).

В противном случае кое-как заключенное соглашение, ущемляющее интере-

сы той или иной стороны, станет «миной замедленного действия», подпитывая реваншистские настроения ущемленной стороны. Это, в свою очередь, выведет региональную нестабильность на новый уровень. Вот почему в контексте Косовского конфликта весьма уместна формула «лучше отсутствие соглашения как такового, чем наличие плохого соглашения».

Статья поступила в редакцию 12.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкина А. Г. Этнополитический фактор косовского конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 53–58.
2. Дибас О. А., Милокост Л. С. Марти Ахтисаари: взгляд на решение конфликта в Косово (2004–2007) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 4. С. 31–42.
3. Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 928 с.
4. Мишин И. О. Косовский кризис во взглядах американских неоконсерваторов // Державинский форум. 2018. Т. 2. № 5. С. 173–179.
5. Мошкин С. В. «Косовский прецедент» в дискурсе заявлений российского руководства // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). С. 159–168.
6. Половченко К. А. Генезис проблемы Косово и Метохии: конституционно-правовое исследование // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 120–124.
7. Строева А. С. Проблема признания Косово // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 275–282.
8. Филимонова А. И., Чередниченко С. А. «Республика Косово»: наркотеррор регионального и глобального уровня // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 2. С. 20–32.

REFERENCES

1. Anashkina A. [Ethnopolitical factor in the Kosovo conflict]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: History and political science], 2014, no. 3, pp. 53–58.
2. Dibas O., Milokost L. [Marti Ahtisaari: a look at the solution of the conflict in Kosovo (2004–2007)]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2019, no. 4, pp. 31–42.
3. Dugin A. *Osnovy geopolitiki* [The basics of geopolitics]. Moscow, Arktogeya, 1997, 928 p.
4. Mishin I. [Kosovo crisis in the views of American neoconservatives]. In: *Derzhavinskiy forum* [Derzhavin forum], 2018, vol. 2, no. 5, pp. 173–179.
5. Moshkin S. [«Kosovo precedent» in the discourse of statements of the Russian leadership]. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-PI], 2018, no. 2 (31), pp. 159–168.
6. Polovchenko K. [Genesis of the problem of Kosovo and Metohija: constitutional and legal research]. In: *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2017, no. 2, pp. 120–124.
7. Stroyeva A. [The problem of Kosovo recognition]. In: *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [The topical problems of Russian law], 2011, no. 4, pp. 275–282.
8. Filimonova A., Cherednichenko S. [«The Republic of Kosovo»: narcoterrorism at the regional and global level]. In: *Nauchnyye trudy Moskovskogo humanitarnogo universiteta* [Scientific works of the Moscow University for the Humanities], 2019, no. 2, pp. 20–32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Шабловский Владислав Станиславович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: VladShablovskiy77@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin P. Kurylev – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;
e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Vladislav S. Shablovsky – Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;
e-mail: VladShablovskiy77@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курылев К. П., Шабловский В. С. Косовский конфликт (1999–2020): текущее состояние и пути его разрешения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 112–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-112-127

FOR CITATION

Kurylev K., Shablovskiy V. Kosovo conflict (1999–2020): current situation and potential resolutions. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 112–127.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-112-127

УДК 94(4)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-128-137

ВОПРОС О СТАТУСЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО И ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛИТВЫ КАК ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Зверев К. А.*Костромской государственный университет**156005, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи – выявить статусное положение русскоязычного и польского населения в современной Литовской Республике во взаимосвязи с реализуемой государственной исторической политикой.

Процедура и методы исследования. Методологическую основу статьи составляют принципы историзма, объективности и системности; также использованы специальные исторические методы – хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации. Произведена оценка изменения нормативно-правовой базы Литовской Республики во взаимосвязи с государственной исторической политикой.

Результаты исследования. В научный оборот включены новые источники на литовском языке, в том числе законодательного и делопроизводственного характера. В научной статье удалось раскрыть причинно-следственные связи сформировавшегося в 1990-х гг. статусного положения русскоязычного и польского меньшинств в Литве, а также их взаимосвязь с реализуемой государственной исторической политикой. Практическая значимость работы состоит в использовании данного материала как в университетском преподавании, так и в практической деятельности государственных и муниципальных органов, общественных организаций и предприятий по установлению и поддержанию связей с Литвой.

Ключевые слова: русскоязычное население, польское население, национальное меньшинство, Литва, государственная историческая политика

QUESTIONS ABOUT THE STATUS OF THE RUSSIAN-SPEAKING AND POLISH POPULATIONS OF LITHUANIA AS PART OF STATE HISTORICAL POLICY

K. Zverev*Kostroma State University**17 ul. Dzerzhinskogo, Kostroma 156005, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To describe the status of the Russian-speaking and Polish populations in the modern Republic of Lithuania in conjunction with past state policy as practiced.

Methodology and Approach. The author uses the principles of historicism, objectivity and systematic methods, as well as specialized historical techniques – chronology, periodization, retrospection and updating – to analyze relevant historical materials.

Results. Newly identified historical sources in the Lithuanian language have been made available for academic circulation, including legislative and clerical materials. In one scientific article, it was possible to discern cause-and-effect of relationships formed in the 1990s. The status of the Russian-

speaking and Polish minorities in Lithuania, as well as their relationship with the actual state historical policy, are described.

Theoretical and/or practical significance. This material can be used both in university teaching and in the practical activities of state and municipal bodies, public organizations and enterprises for helping establish and maintain relations with Lithuania.

Keywords: Russian-speaking population, Polish population, national minorities, Lithuania, state historical policy

В результате распада Советского Союза в 1991 г. десятки миллионов этнических русских и русскоязычных людей оказались за пределами своей исторической Родины. В большинстве бывших советских республик они смогли получить гражданство новых государств и интегрироваться в местные общества. Но в Эстонии и Латвии на правительственном уровне было принято решение о предоставлении гражданства по принципу правопреимства, т. е. исключительно тем лицам и их потомкам, кто являлся гражданином до июня 1940 г. – до инкорпорации данных республик в состав СССР.

В результате большинство местных русскоязычных, прибывших в республики в период существования Советского Союза, оказались негражданами (в том числе лицами без гражданства), а вопрос о статусе местного некоренного населения на протяжении следующих десятилетий стал неотъемлемой частью политических и общественных дискуссий как в Эстонии, так и в Латвии. Особняком же к прибалтийским соседям стоит Литва, где национальные меньшинства получили гражданство, но острота «русского» и «польского вопроса» в этой стране не стала меньше, нежели у соседей.

В данной статье мы предпринимаем попытку проанализировать особенности статуса русскоязычного и польского населения в Литве, а также взаимосвязь «национального вопроса» с местной государственной линией в области гражданства, интеграции, а также политики памяти. Задачи статьи: определить статусное положение русскоязычного и польского населения Литвы; выявить содержание государственной исторической

политики Литвы; проанализировать взаимосвязь статуса русскоязычного и польского населения Литвы с государственной исторической политикой.

Среди работ отечественных историков, посвящённых положению русскоязычного населения стран Балтии, следует выделить издание Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая¹, в котором этническая политика Прибалтийских государств рассматривается в контексте влияния на неё советского периода истории, исторической памяти балтийских народов, а также деятельности Европейского Союза и Совета Европы.

Но если темам, рассматривающим проблемы русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Литвы, а также переоценку прошлого в странах Балтии посвящено относительно много работ отечественных авторов², то издания о государственной исторической политике являются крайне немногочисленными. В

¹ Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов. М.: Наука, 2013. 407 с.

² Тишков А. В. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1993. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. Т. 1. С. 85–105; Миграции и новые русские диаспоры в постсоветских государствах / под ред. В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996; Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. М.–Рига: Московское бюро по правам человека, 2012; Фурман Д., Задорожнюк Э. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства (Вып. 5. Публикации Музея и общественного центра им. А. Сахарова). М.: Референдум, 2002.; Шибаева Е. И. Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010; и др.

особенности здесь нужно отметить труды А. Дюкова¹ и А. Миллера², последним собран целый ряд статей, посвящённых становлению и реализации исторической политики в странах Центральной и Восточной Европы. Работ, посвящённых Литве, в контексте исследуемой нами проблематики вплоть до настоящего времени в отечественной историографии не имеется.

Формирование русскоязычного и польского меньшинства в Литве

В течение XX в. Прибалтийский регион претерпел коренные изменения в этническом плане. Если в 1930-х гг. Эстония, Латвия, Литва являлись в целом моноэтническими государствами с явным доминированием коренного населения (более 85%)³, то за период пребывания в составе СССР во всех трёх республиках в несколько раз возросла доля русскоязычных. По данным переписи 1989 г., в Эстонской ССР титульное население составляло 61,5% от всего населения республики (более 35% русскоязычных)⁴, в

Латвийской ССР латышей 52,1% от всего населения (более 45% русскоязычных)⁵. В Литовской ССР, в силу менее развитого промышленного сектора, приток русскоязычных был менее значительным, доминирующей группой к 1989 г. по-прежнему остались этнические литовцы, составлявшие 79% (русскоязычных 12%)⁶. Кроме того, имелось значительное польское меньшинство (в особенности в Виленском крае) – 7%⁷.

Перестройка в СССР усилила дезинтеграционные процессы в стране, и после путча ГКЧП, Литва провозгласила независимость на принципах правопреемственности республике, существовавшей в 1918–1940 гг. Данный факт имел далеко идущие последствия для местного русскоязычного и польского населения.

По сути, это означало, что официальные власти стали считать время существования Литовской ССР (1940–1991) периодом советской оккупации со всеми вытекающими последствиями, включая вопрос о правомерности нахождения в пределах государства людей, прибывших сюда в ходе «советской оккупации». Вскоре независимость стран Балтии была признана международным сообществом и началось институциональное оформление их государственности.

Здесь следует отметить две тенденции, возобладавшие в регионе по отношению к местному русскоязычному населению. Во-первых, это компромиссная политика Литвы, выразившаяся в нулевом варианте предоставления гражданства всем жи-

¹ Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // *Международная жизнь*. 2010. № 1. С. 133–148; Его же. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

² Историческая политика в XXI веке: сб. ст. под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³ Rahvaloendused Eestis: 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. Tallinn: Statistikaamet, 1997. 55 l.; Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. Gadā // Centrālā statistiskās pārvalde URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/meklet-tema/186-ceturta-tautas-skaitisana-latvija-1935-gada> (дата обращения 15.07.2019); Lietuvos gyventojai 1923 // Lietuvos statistikos departamentas. – URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=16374> (дата обращения 16.07.2019).

⁴ 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja vxxrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud Kristina Känd, Merit Langi, Rina Leinbock ... jt.] Tallinn: Statistikaamet, 2001. L. 14.

⁵ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

⁶ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения 23.09.2019).

⁷ Там же: Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения 23.09.2019).

телям республики. Во-вторых – жёсткая националистическая линия Эстонии и Латвии, выразившаяся в отказе от предоставления гражданства всем постоянным жителям республики вне зависимости от национальности, а также в принятии дискриминационного законодательства по отношению к местному не коренному населению.

Литва по отношению к северным соседям всегда стояла особняком – изначально по своей структуре являясь более аграрной, нежели Эстония и Латвия, она в меньшей степени испытала приток русскоязычного населения, которое здесь было сосредоточено в основном в Вильнюсе, Клайпедой и Висагинасе (до 1992 г. Снечкус). Наличие сравнительно малочисленного русскоязычного меньшинства в 12%, а также этнических поляков в Виленском крае в количестве 7%¹ не представляло какой-либо серьёзной конкуренции литовскому населению. Кроме того, при поддержке СССР Литва получила контроль в 1940 г. над немецкой Клайпедой и ранее входившим в состав Польши Вильнюсским краем. Всё это делало позиции сторонников восстановления довоенной Литовской Республики несколько слабее, чем в соседних Эстонии и Латвии. Но, тем не менее, именно Литва первой из советских республик объявила о своей независимости ещё в марте 1990 г., а также добилась международного признания (в феврале 1991 г. от Исландии). Помимо этого, кровавые события января 1991 г. возле Вильнюсского телецентра в известной степени способствовали радикализации национально-ориентированных литовцев.

Правовая база независимой Литвы

Сторонники Саюдис (Народный фронт Литвы) выступили за реставрацию бывшего Литовского государства,

пойдя при этом на компромисс². Опираясь на Акт о восстановлении государственной независимости³ от 11 марта 1990 г., новая Литва объявила о своей преемственности по отношению к межвоенной Литовской Республике (1918–1940 гг.) и восстановила действие конституции 1938 г. Но при этом власти решили реализовать так называемый нулевой вариант предоставления литовского гражданства⁴. Закон о гражданстве от 1989 г. был самым либеральным из всех стран Балтии и максимально расширял круг претендентов на литовский паспорт (на гражданство могли претендовать все постоянные жители республики на 1989 г.)⁵. Данным «манёвром» сторонники независимости не только смогли переманить на свою сторону представителей национальных меньшинств, но и нивелировали потенциальную угрозу сепаратизма со стороны присоединённых в 1940 г. земель (Клайпедский и Виленский край). На референдуме, проведённом в марте 1991 г. за независимость Литвы высказалось 90,5% избирателей (максимальный показатель в СССР)⁶. При этом, если сопоста-

² Dovile Budryte. Taming nationalism?: political community building in the post-Soviet Baltic States. Ashgate Publishing, Ltd., 2005. P. 150.

³ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А.И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

⁴ Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės įstatymas 1989 m. (Закон о гражданстве Литовской ССР 1989 г.) // Сейм Литовской Республики. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?jfwid=q8i88m4w0> (дата обращения 30.11.2019).

⁵ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. – URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения 23.09.2019).

⁶ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklabso-

¹ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. – URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения 23.09.2019).

вить данные по национальному составу республики, то можно констатировать, что стремление к независимости было поддержано, как минимум, и половиной местных поляков и русскоязычных жителей.

Следует обратить внимание и на конституцию Литовской Республики, принятую на референдуме 25 октября 1992 г., в особенности на преамбулу, которая гласит: «Литовский народ, создавший много веков тому назад Литовское государство, основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики, веками решительно защищавший свою свободу и независимость, <...> радея о национальном согласии на земле Литвы, <...> по воле граждан возрожденного Литовского государства принимает и провозглашает настоящую Конституцию»¹. То есть современная Литовская Республика, стремясь обезопасить себя от возможных территориальных притязаний (в первую очередь со стороны Польши в силу исторических причин), объявляет себя не только правопреемницей межвоенной Литвы 1918–1940 гг., но и средневекового Литовского государства. Данный факт сыграет определяющую роль в дальнейшем формировании литовской политики памяти. Кроме того, фразой «радея о национальном согласии на земле Литвы» фиксируется многонациональный характер литовского государства. В соседних Эстонии и Латвии, напротив, будет подчёркиваться моноэтнический характер республик [2].

ma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991, – Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Įaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. – URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381a1da542?t=1537441306041> (дата обращения 22.09.2019).

¹ Цит. по: Конституция Литовской Республики (русский перевод) // Сейм Литовской Республики – URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения 04.11.2019).

Статусное положение литовских русскоязычных жителей и поляков

Получив литовское гражданство, местное русскоязычное и польское население скооперировалось в борьбе за защиту своих прав, а также за сохранение образования на родном языке. При этом, по нашему мнению, гораздо более весомую позицию здесь проявляет именно польское население, всецело ориентирующееся на поддержку Варшавы [4]. Ведь последняя, в отличие от России, является полноправным членом ЕС и имеет больше «рычагов давления» на Вильнюс.

Как видно из переписей населения Литвы², на протяжении 1990-х – 2000-х численность национальных меньшинств – как русскоязычных, так и поляков – непрерывно сокращается. Тем не менее уже в первые годы независимости нетитульные национальные общности сумели организовать свои политические силы, а именно Союз русских Литвы (СРЛ) и Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ), позднее, в 2002 г., появилась вторая русскоязычная политическая сила – Русский альянс (РА). Но подобное раздробление русскоязычного электората вскоре привело к тому, что СРЛ и РА стали терять поддержку и представительство в органах власти [4]. Польское же меньшинство, наоборот, консолидировалось вокруг ИАПЛ и добилось представительства не только в местных органах власти, но и в Литовском Сейме (см. табл.). Кроме того, именно кандидат от польской общины Вольдемар Томашевский в 2009 г. стал депутатом Европарламента от Литвы. С середины 2000-х гг. Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ) позиционирует себя как

² Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения 23.09.2019); Lietuvos gyventojai (2019 m. leidimas) Gyventojų skaičius ir sudėtis (Жители Литвы (издание 2019 года) Население и состав) // Official Statistics portal URL: <https://osp.stat.gov.lt/lietuvos-gyventojai/lietuvos-gyventojai-2019/salies-gyventojai-gyventoju-skaicius-ir-sudetis> (дата обращения 08.12.2019).

защитник интересов национальных меньшинств, не только поляков, но и русских. Для привлечения русскоязычного электо-

рата в избирательные списки ИАПЛ включаются представители Русского альянса (РА) и другие русскоязычные политики.

Таблица / Table

Результаты участия в выборах Союз русских Литвы (СРЛ) и Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ) / Lithuanian Union of Russians (SRL) and Electoral Action of the Poles of Lithuania (IAPL) Results in the Elections

Год	Выборы	СРЛ	ИАПЛ
1996	Сейм	нет мандатов	2 мандата
1997	Местные выборы	7 мандатов	56 мандатов
2000	Сейм	2 мандата	2 мандата
2002	Местные выборы	11 мандатов	50 мандатов
2004	Сейм	нет мандатов	2 мандата
2004	Европарламент	нет мандатов (совместный список)	
2007	Местные выборы	5 мандатов	53 мандата
2008	Сейм	нет мандатов	3 мандата (совместный список с Русским альянсом)
2009	Европарламент	не принимал участия	1 мандат
2012	Сейм	8 мандатов (совместный список)	
2016	Сейм	8 мандатов (совместный список)	

Источник: составлено автором по данным Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija (Сайта Центральной избирательной комиссии Литовской Республики). URL: <https://www.vrk.lt/rinkimai>

Сходным образом развивается ситуация и в сфере образования для национальных меньшинств. Доля школ с русским и польским языком обучения постоянно сокращается¹. При этом прослеживается тенденция к сохранению малокомплектных польских школ и закрытие подобных русскоязычных образовательных учреждений [4]. Здесь польская община Литвы также всецело опирается на официальную Варшаву, которая оказывает не только политическую, но и методическую поддержку учебной литературой, программами образовательного обмена и т. д.

Именно консолидированное выступление польской и русской общины позволило избежать перевода школ меньшинств на литовский язык обучения в 2008 г., при этом в соседних Эстонии и Латвии с куда большим числом русских школ избежать подобной реформы не удалось.

Здесь следует обратить внимание на целый ряд особенностей Литвы по сравнению с её северными прибалтийскими соседями. Как уже отмечалось выше, Литва более моноэтнична, нежели Эстония и особенно Латвия, а значит национальные меньшинства не могут играть слишком значимую роль в политической борьбе и представлять серьёзную угрозу правящим элитам. Польша, являясь исторической Родиной для литовских поляков и претендующая на роль лидера Восточной Европы, активно следит за положением своих соотечественников, используя для давления на Литву своё географическое

¹ Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija (Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики). – URL: <https://www.vrk.lt/rinkimai>

² Полещук А. Почти как русские. Как Литва пытается интегрировать поляков // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/pochti-kak-russkie-kak-litva-pytaetsya-integrirovat-polyakov?id=49281269> (дата обращения 08.12.2019)

положение (через Польшу проходят все коммуникации между ЕС и Прибалтикой), рычаги в структурах Европейского Союза, экономические связи (Варшава – основной торговый партнёр Литвы). При этом не стоит забывать о чаяньях польских националистических кругов, мечтающих о возрождении Речи Посполитой в её исторических границах (включающих Литовские земли) [3].

Безусловно, стоит упомянуть и об экономическом положении меньшинств в Литве. Русскоязычное меньшинство, за редким исключением, не могло претендовать на какую-либо собственность по законам о реституции, так как прибыло в Литву в основном после 1939–1940 гг., что нельзя сказать о местных поляках (в особенности по отношению к Виленскому краю). Так, если на большей части территории Литвы до 100% национализированной в 1940-х собственности было возвращено бывшим владельцам, то в Виленском крае (до 1939 г. являлся частью Польши) по закону о реституции вернули лишь 60% земли, а в самом Вильнюсе – только 10%¹. Разумеется, большая часть земель на этой территории принадлежала полякам, а не литовцам.

Литовская государственная историческая политика

Учитывая сложный характер формирования Литовского государства в XX в., государственная историческая политика здесь выступила в 1990-х гг. как консолидирующий фактор становления национального государства. С одной стороны, нужно было обосновать преемственность литовской государственности от древней Литвы до наших дней (речь об этом шла выше), с другой стороны, – целостность республики и неприкосновенность её границ.

¹ Борисов А. Хуже шляхтича – только русский! // Столетие информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы – URL: http://www.stoletie.ru/politika/khuzhe_shlahticha_tolko_russkij_2010-10-26.htm (дата обращения 01.12.2019).

Так, в период перестройки и первые годы независимости в литовской историографии произошёл всплеск интереса к вопросу принадлежности Виленского края, появилось множество работ, обосновывающих правомерность вхождения этих территорий в состав Литвы. В начале 1990-х гг. был издан сборник «Восточная Литва» (*Lietuvos Rytai*), авторы которого стремились подчеркнуть литовский характер Виленщины. Был переиздан ряд трудов эмиграционных историков, оценки и выводы которых были восприняты рядом современных литовских историков. З. Зинкявичюс, А. Лиекис стремились доказать «литовский характер» Виленского края, который обозначали термином «Восточная Литва». Они характеризовали время вхождения Виленского края в состав Польши как «период оккупации и террора» [1].

Несмотря на тот факт, что Виленский край был передан Литве в 1939 г. Советским Союзом, а вхождение республики в состав СССР позволило сохранить данные территориальные приобретения – эпоха существования Литовской ССР официальным Вильнюсом именуется не иначе, как период «советской оккупации». На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. официальный Вильнюс допускал альтернативные от официальной исторические трактовки, но по мере интеграции в структуры ЕС и НАТО, со второй половины 2000-х гг. ситуация стала меняться. В 2008 г. был введён запрет на любую демонстрацию советской символики². Пятиконечные звёзды, серп и молот стали удаляться с монументов, зданий и сооружений эпохи СССР. За оспаривание факта «советской оккупации», как и официальной интерпретации январских событий 1991 г. в Вильнюсе, предусмотрена

² Susirinkimį ástatymo 8 straipsnio papildymo ástatymas 2008 m. birželio 17 d. Nr. X-1609 (Поправки к закону о собраниях № X-1609 от 17.06.2008) // Сейм Литовской Республики. – URL: <https://www.e-tar.lt/portal/legalAct.html?documentId=TAR.CC7DA99E7343> (дата обращения 01.12.2019).

уголовная ответственность¹. Речь идёт о статье 170*2 Уголовного Кодекса Литовской Республики, внесённой в июне 2010 г. Здесь следует обратить внимание на интересную особенность – текст статьи имеется исключительно на литовском языке, английская и русская версия отсутствуют (хотя все остальные статьи УК Литвы представлены на вышеозначенных языках). В этой связи считаем необходимым привести в виде цитаты весь текст, переведённый нами, статьи в полном объёме:

*«Статья 170*2. Публичное одобрение, отрицание или грубое отрицание международных преступлений, преступлений, совершенных СССР или нацистской Германией против Литовской Республики или ее жителей*

1. Любое лицо, которое публично одобрило или отрицало геноцид или другие преступления против человечности или военные преступления, признанные законодательством Литовской Республики или Европейского Союза или международными судами в результате угрожающего, оскорбительного поведения или нарушения общественного порядка, а также те, кто публично поддерживал агрессию СССР или нацистской Германии против Литовской Республики, геноцид или другие преступления против человечности или военные преступления, совершенные СССР или нацистской Германией на территории Литовской Республики; другие лица, которые совершили или участвовали в агрессии против Литовской Республики в 1990–1991 годах или отрицали или грубо умаляли данные факты любым способом, если это было сделано угрожающим или оскорбительным образом, или

¹ Lietuvos Respublikos Baudhamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo ástatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения 30.11.2019).

привело к беспорядкам, наказывается штрафом или постановлением о задержании или постановлением о заключении под стражу максимум на два года.

2. Юридическое лицо также несет ответственность за действия, предусмотренные настоящей статьей»².

Скорее всего литовские власти не хотят представлять официальный перевод данной статьи, чтобы избежать международных осложнений. Ведь ставить «на одной чаше весов» нацистскую Германию и СССР по меньшей мере цинично. Если говорить о преступлениях нацистской Германии – они получили международное осуждение на Нюрнбергском процессе. СССР же обвиняется официальными властями Литвы в «геноциде», «преступлениях против человечности» и др. безапелляционно и бездоказательно. При этом любое публичное сомнение в изложенных выше тезисах уже само по себе является уголовно наказуемым преступлением. Это явно противоречит не только литовской конституции, но и международному праву, где декларируются свобода слова, печати и открытое выражение своего мнения (разумеется, если оно не содержит призыва к противоправным действиям). Кроме того, пристальное внимание следует обратить и на наказуемость отрицания «агрессии против Литовской Республики в 1990–1991 годах». Разумеется, здесь речь идёт в первую очередь о событиях января 1991 г. у Вильнюсского телецентра, которые стали отправной точкой в становлении современного литовского государства.

Тем не менее возможность общественного порицания и даже тюремного срока не остановила целый ряд общественных

² Цит. по: Lietuvos Respublikos Baudhamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo ástatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения 30.11.2019).

деятели от открытой критики официальной трактовки истории Литвы XX в., среди которых – Витаутас Петкявичюс¹, Юозас Куолялис², Валерий Иванов³. Двое последних за свои взгляды заплатились свободой и вынуждены были отбыть тюремное заключение.

Таким образом, в результате целого комплекса особенностей исторического развития, статус национальных меньшинств в Литве значительно отличается от соседних Латвии и Эстонии. Изначально сторонники литовской независимости проводили исторические параллели не только с литовским государством 1918–1940 гг., но и с древней Литвой. Кроме того, памятуя о этнически неоднородном и спорном (в 1920-е–1930-е гг.) статусе Виленского края, а также негативной реакции Польши и России, литовский истэблишмент отказался от введения института неграждан и предоставил равные права всем жителям республики. Данное обстоятельство, безусловно, положительно сказалось на статусе местного нелитовского населения. Введению ограничительной политики по отношению к местным русскоязычным жителям и полякам также не способствовало пристальное внимание официальной Варшавы. В случае ущемле-

ния прав своих соотечественников, Польша вполне могла приостановить евроинтеграцию Литвы. В России же, напротив, основное внимание было приковано к Латвии, в меньшей степени к Эстонии, где русскоязычное население оказалось поражено в правах. С Литвой сглаживала противоречия необходимость договариваться об обеспечении транспортного коридора в российский анклав – Калининградскую область. Всё вместе это привело к значительно меньшей поддержке русскоязычных Литвы со стороны РФ. В результате данных особенностей, в Литве возник своеобразный симбиоз польского и русскоязычного меньшинств, которые стремятся сообща отстаивать свои права. Государственная же историческая политика Литвы, в известной степени, положительно повлияла на правовое положение не-литовцев (в плане предоставления литовского гражданства всем постоянным жителям республики). В отношении же плюрализма к оценочным суждениям по исторической тематике, Литва, наоборот, значительно уступает соседям, преследуя в уголовном порядке оппонентов официальной историографии.

Статья поступила в редакцию 20.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашарчук В. Виленская проблема в историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. С. 54–61.
2. Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2015. 298 с.
3. Лыкошина Л. С. Национализм в современной Польше // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 71–89.
4. Шибаева Е. И. Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. 2011. № 1 (70). С. 80–83.

REFERENCES

1. Asharchuk V. [Vilenskaya problem in historiography]. In: *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Belarusian Journal of International Law and International Relations], 2010, no. 4, pp. 54–61.

¹ Петкявичюс В. Корабль дураков: галерея политических портретов и шаржей / пер. с лит. В. Мещерякова, Н. Ковяковой. Калининград: Янтарный сказ, 2004.

² Kuolelis J. Pro kalėjimo grotas: dviejų dimitmečių sandūros byla. Vilnius: Politika, 2010; Его же. Gyvenimas post factum: pasikalbėjimas su draugu. Vilnius: Politika, 2017.

³ Иванов В. В. Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. Вильнюс, 2006. – URL: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения 08.12.2019).

2. Zverev K. *Russkoyazychnoye naseleniye Estonskoy Respubliki v kontekste gosudarstvennoy natsional'noy politiki (1992–2007): dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian-speaking population of the Republic of Estonia in the context of state national policy (1992–2007): Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Kostroma, 2015, 298 p.
3. Lykoshina L. [Nationalism in modern Poland]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2016, no. 2 (91), pp. 71–89.
4. Shibaeva E. [Russians and Poles in Lithuania: different status of national minorities]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2011, no 1 (70), pp. 80–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета;

e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Zverev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History, Kostroma State University;

e-mail: zwerew.kir@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев К. А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-128-137

FOR CITATION

Zverev K. Question about status of the Russian-speaking and Polish populations of Lithuania as part of state historical policy. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 128–137.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-128-137

УДК 94 (47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-138-149

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАПИТАЛЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1834–1870 ГГ.

Чудов С. И.

Коми республиканская академия государственной службы и управления

167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить уровень наполняемости продовольственного капитала в Вологодской губернии в 1834–70 гг. и степень обеспеченности населения Вологодской губернии продовольственным капиталом в процентном отношении к законодательно установленной норме.

Процедура и методы исследования. Сбор, систематизация, анализ и синтез материалов различных источников и историографии по продовольственным капиталам Вологодской губернии в 1834–70 гг. с использованием типологического, сравнительно-исторического, структурного, количественного и корреляционного методов.

Результаты проведённого исследования. Анализ данных источников и материалов статистического характера позволил определить, что собираемость продовольственного капитала составляла в Вологодской губернии в исследуемый период 86,34% от законодательно установленной нормы.

Теоретическая/практическая значимость. Полученные результаты исследования могут использоваться для разработки вопроса о продовольственной безопасности в Российской империи, а также в процессе обучения студентов в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственный капитал, хлебный запасной магазин, Российская империя, Вологодская губерния

FOOD CAPITAL IN VOLOGDA PROVINCE, 1834–1870

S. Chudov

Komi Republican Academy of Public Service and Management

11 Communisticeskaya ul., Syktyvkar 167001 Komi Republic, Russian Federation

Abstract.

Aim. To determine the level of provision of food capital in the Vologda province in the years 1834–1870 years and the extent of provision of the population with food capital as percentage of the legislatively established norm.

Methodology and Approach. The author collects, systematizes, analyzes and synthesizes materials from various sources as well as historiography on food capital of the Vologda province in 1834–1870

using typological, comparative-historical, structural, quantitative and correlation methods.

Results. An analysis of digital indicators of statistical sources and materials makes it possible to determine that the collection of food capital in the Vologda province during the study period amounted to 86.34 percent of the legislatively established norm.

Theoretical and/or practical significance. The results of the study will be applied in the future when developing the issue of food security in the Russian Empire; the obtained data can be used in the education of students in university settings.

Keywords: food security, Russian Empire, Vologda province, nineteenth century, food capital, legislation, national security

Система продовольственной безопасности Российской империи берет свое начало в XVII в., когда Петр I задумал обеспечить армию продовольствием в случае маневров на территории России через систему хлебных запасных магазинов. С течением времени хлебные запасные магазины, организованные для обеспечения продовольствием армии, превратилась в полномасштабную систему продовольственной безопасности Российской империи с четкой законодательной регламентацией всех аспектов её деятельности.

14 апреля 1822 г. к системе сбора и хранения зерна для обеспечения населения на случай неурожая добавилась система продовольственных капиталов, которые собирались в местностях, где суровый климат не предполагал хорошие урожаи¹. Продовольственные капиталы – это общий денежный фонд конкретного населенного пункта. Население, как и в случае с хлебными запасными, самостоятельно сдавало деньги для формирования продовольственного капитала, который в случае необходимости мог быть потрачен на закупку зерна.

Актуальность темы связана с современной геополитической обстановкой, общемировыми тенденциями в формировании санкционной политики в отношении Российской Федерации и формированием собственной продовольственной безопасности Российской Фе-

дерации в XXI в. на базе предыдущего исторического опыта и современных инновационных трендов.

Хронологически развитие системы продовольственной безопасности Российской империи делится на четыре этапа.

Первый – подготовительный (XVIII в.), определяется как начало становления системы продовольственной безопасности Российской империи. Все законодательные акты этого периода носили рекомендательный характер, не являясь императивными указаниями о сборе, хранении и выдаче зерна на случай неурожая.

Второй (29 ноября 1799 г. – 4 июля 1834 г.) характеризуется активной деятельностью по внедрению нормативно-правовых актов, определявших требования к зданиям хлебных запасных магазинов, нормы сбора зерновых культур, введение продовольственных капиталов как альтернативы хлебным запасам для регионов, где сбор зерна затруднен.

Третий (5 июля 1834 г. – 1870 г.) примечателен определением новых норм сбора зерна и денежных капиталов, передачей хлебных запасных магазинов в ведение земств.

Четвертый (1871–1917 гг.) характеризуется завершением формирования нормативно-правовой базы деятельности хлебных запасных магазинов в рамках новой системы местного самоуправления. Данные о состоянии хлебных запасных магазинов и продовольственных капиталах после 1914 г. практически отсутствуют в отчетах губернаторов. Скорее всего, это связано с началом Первой мировой войны, когда продовольствие и капиталы

¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб.: Типография Второго отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. С. 146–153.

были направлены на нужды фронта. Деятельность данного института Российской империи прекратилась в связи с революцией 1917 г. и свержением его гаранта.

Продовольственные капиталы не были единственной мерой поддержки населения, а система продовольственной безопасности Российской империи состояла из трёх основных элементов.

1) Хлебные запасные магазины – для обеспечения населения на местах население самостоятельно за свой счет сдавало зерно на склады (хлебные запасные магазины), в случае неурожая запасы раздавались в соответствии с законодательно установленными нормами.

2) Продовольственные капиталы – собираемые с жителей в городах и в районах, которые не могли, в силу природно-климатических условий, обеспечить сдачу необходимых норм продовольствия. Каждая губерния могла дополнительно сдавать деньги в фонд продовольственных капиталов для обеспечения жителей.

3) Общеимперский продовольственный капитал – формировался за счет бюджета Российской империи, выступал последней подушкой безопасности, в случае, если первые две не смогут обеспечить население в случае неурожая и возможного последующего голода.

Тема формирования продовольственного капитала в дореволюционный период в целом рассматривалась в рамках исследований о деятельности хлебных запасных магазинов в имперской России, что было инициировано протестным движением против царской власти. В советское время она практически исчезла из поля зрения исследователей, реже её включали в контекст общей аграрной истории Российской империи. В современной историографии наблюдается интерес к деятельности хлебных запасных магазинов, изучением которых занимаются А. С. Рогожина [9–13], Е. В. Комлева [1; 2], П. П. Котов [3–6], С. А. Пьянков [7; 8], И. А. Тарасова [14; 15], Д. А. Ялтаев

[22] и автор данного исследования [16–21]. При изучении темы истории обращаются к архивным материалам, в числе которых отчеты губернаторов, отчеты глав уездов и другие внутренние документы статистического характера, часть которых была опубликована во Временнике Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Тема продовольственных капиталов в Архангельской губернии никогда не была предметом отдельного изучения.

Цель данного исследования – определить степень эффективности деятельности хлебных запасных магазинов в организации системы продовольственной безопасности в Вологодской губернии за счет формирования продовольственного капитала, который мог быть направлен на обеспечение населения продовольствием в случае неурожая. Данная тема ранее практически не исследовалась в отечественной и зарубежной историографии.

В основу работы, как и любого исторического исследования, положены принципы историзма и системности. Оба принципа обеспечивают строгую привязку предмета исследования к другим историческим явлениям изучаемого периода, позволяя оценить институт продовольственных капиталов Вологодской губернии в период с 1834 по 1870 гг. в общем историческом контексте эпохи.

Базисом методологии являются типологический, сравнительно-исторический, структурный, количественный и корреляционный методы, что позволяет максимально полно охарактеризовать реалии прошлого и выявить степень эффективности системы продовольственной безопасности Российской империи на примере продовольственных капиталов Вологодской губернии в 1834 – 70 гг.

Продовольственные капиталы представляли собой особый денежный сбор в единый фонд с целью дальнейшей выдачи населению на закупку продовольствия в случае неурожая. В 1822 г. был

учреждён сбор по 25 копеек с человека до тех пор, пока не установится необходимая для закупки продовольствия сумма¹. Предполагалось, что количество продовольственного капитала на одного человека в каждой губернии будет определяться, исходя из средней цены на хлеб за предыдущие пять лет. Однако в законе не оговаривалось, цена какого зерна будет взята за основу, будут ли учитываться региональные цены или будет определяться средняя цена по всей России. Все это представляло сложность в определении нормы сбора продовольственного капитала. В законодательном акте были использованы довольно расплывчатые формулировки, которые не давали четкого ответа на вопросы о сумме денежного сбора и его сроках.

5 июля 1834 г. правительство Российской империи ввело новый закон о системе продовольственной безопасности Российской империи – Положение о запасах для пособия в продовольствии, где более подробно прописывались все особенности деятельности хлебных запасных магазинов по сбору продовольственного капитала. Согласно Положению, была установлена норма сбора денег с населения для формирования продовольственного капитала по 10 коп. в год до суммы в размере 1,6 руб. на одного человека в сельской местности. Для жителей городов правительство утверждало денежных сбор по 15 коп. в год².

16 марта 1842 г. норма сбора продовольственного капитала снизилась для государственных крестьян, и она была определена в размере 48 коп. на одного человека, а обязательный сбор с населения составлял шесть копеек в год, при этом по достижении нормы обязательный сбор снижался до трех коп.³ Имен-

но таким и оставался денежный сбор для пополнения продовольственного капитала до 1900 г.

В 1900 г. с принятием нового закона о народном продовольствии норма сбора продовольственного капитала на одного человека равнялась средней справочной цене на хлеб за послание 10 лет⁴. Закон не регламентировал, цену какого зерна (озимого или ярового) брать за основу, учитывать цену отдельной губернии или всей России. Такая неопределенность свидетельствует о плохой проработанности закона, который должен функционировать без двоякого толкования. Слабая проработка закона, в основном, свидетельствует о его поспешном принятии, что возможно, было обусловлено неурожаем 1897–98 гг.

Закон 1822 г. по формированию продовольственного капитала отражает поспешность его принятия в виде неточных и расплывчатых формулировок, принятых как будто наспех, что свидетельствует о формате «тушения пожаров» в области реализации политики продовольственной безопасности Российской империи. С другой стороны, проработанность и системность законодательной базы с четко регламентированными нормами и правилами фиксируются в более поздних законах 1834 и 1842 гг.

Для оценки уровня обеспеченности населения Вологодский губернии продовольствием следует изучить уровень урожайности в губернии. Анализ урожайности зерновых культур (табл. 1) позволяет утверждать, что средний уровень урожайности на душу населения составлял 2,34 четверти на человека. Данные об урожайности в Вологодской губернии отсутствуют в архивных материалах с 1834

его Императорского Величества канцелярии, 1843. Собрание второе. Т. XVII. Отделение первое. С. 176–184.

¹ Там же.

² Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография Второго отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1835. Собрание второе. Т. IX. Отделение первое. С. 692.

³ Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография Второго отделения собственной

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография Второго отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1902. Собрание третье. Т. XX. Отделение первое. С. 764–778.

Таблица 1 / Table 1

Уровень урожайности и обеспеченность населения Вологодской губернии продовольствием в период с 1834 по 1870 гг. / The level of productivity and the provision of the population of the Vologda province with food in the period from 1834 to 1870

Год	Урожайность в четвертях		Общий уровень урожайности зерновых культур в четвертях	Население губернии обоего пола	Уровень обеспечения продовольствием в четвертях на душу населения		Уровень обеспечения озимых и яровых культур в четвертях на душу населения
	Озимые	Яровые			Озимые	Яровые	
1842	514 571	1 479 728	1 994 299	–	–	–	–
1843	631 011	1 411 392	2 042 403	790 101	0,79	1,78	2,57
1844	689 895	1 147 991	1 837 886	801 017	0,86	1,43	2,29
1845	600 473	1 158 428	1 758 901	814 150	0,73	1,42	2,15
1846	653 147	989 715	1 642 862	821 742	0,79	1,20	1,99
1847	841 025	1 157 914	1 998 939	825 658	1,01	1,40	2,41
1848	672 847	1 616 291	2 289 138	830 429	0,81	1,94	2,75
1849	974 862	1 401 600	2 376 462	840 592	1,15	1,66	2,81
1850	684 902	1 786 060	2 470 962	848 045	0,80	2,10	2,90
1851	885 860	1 336 850	2 222 710	866 162	1,02	1,54	2,56
1852	786 869	1 081 835	1 868 704	879 730	0,89	1,22	2,11
1853	772 366	1 214 707	1 987 073	917 121	0,84	1,32	2,16
1854	960 677	1 452 190	2 412 867	896 858	1,07	1,61	2,68
1855	933 622	1 204 319	2 137 941	921 254	1,01	1,30	2,31
1856	1 002 292	1 325 560	2 327 852	929 589	1,09	1,42	2,51
1857	853 168	1 092 921	1 946 089	948 234	0,89	1,15	2,04
1858	951 694	1 420 870	2 372 564	951 593	1,00	1,49	2,49
1859	917 255	1 193 489	2 110 744	959 741	0,95	1,24	2,19
1860	1 033 675	1 526 279	2 559 954	950 612	1,08	1,60	2,68
1861	1 004 215	1 367 031	2 371 246	960 848	1,04	1,42	2,46
1862	851 503	1 294 419	2 145 922	975 922	0,87	1,32	2,19
1864	1 106 806	1 199 222	2 306 028	982 513	1,12	1,12	2,24
1865	830 255	1 113 910	1 944 165	995 324	0,83	1,11	1,94
1866	864 399	1 375 322	2 239 721	992 649	0,87	1,38	2,25
1867	626 734	1 122 212	1 748 946	1 005 823	0,62	1,11	1,73
1868	971 834	1 294 639	2 266 473	980 970	0,98	1,31	2,29
1869	924 000	1 802 000	2 726 000	988 660	0,93	1,82	2,75
1870	754 877	1 233 364	1 988 241	1 009 293	0,74	1,22	1,96

Ист.: составлена автором по архивным материалам¹

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 3. Д. 102; Ф. 1281. Оп. 3. Д. 122; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 63; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 39; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 26; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 31; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 28; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 37; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 38; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 1934; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2015; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2101; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2181; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2273; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2330; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2477; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 40; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 43; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2685; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2757; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 24; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2897; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 27; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 15; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 18; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 13; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3353; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3405; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 29.

по 1841 г. Норма сдачи продовольствия в хлебные запасные магазины была установлена на уровне 1,5 четверти на душу населения¹. Эта норма сбора сохранялась до 1917 г. По подсчетам П. П. Котова, норма потребления на Европейском Севере России на одного человека составляла 3 четверти озимых и яровых культур в год [3, с. 75]. Соответственно, Архангельская губерния за счет собственного зернового хозяйства могла обеспечить продовольствием чуть меньше трети необходимой нормы. В силу низкой урожайности зерновых культур крестьянам приходилось тратить деньги на закупку продовольствия в других регионах. Практика закупки зерна, без сомнения, должна была отразиться на уровне собираемости продовольственных капиталов.

Для оценки эффективности деятельности хлебных запасных магазинов по сбору продовольственного капитала на третьем этапе развития системы продовольственной безопасности Российской империи на территории Вологодской губернии необходимо обратиться к архивным источникам и выяснить фактический и необходимый по законодательству уровень сбора денежных сумм. Только таким образом можно будет оценить эффективность деятельности данного института.

Показатели о собираемости продовольственного капитала в Вологодской губернии в 1834–1870 гг., на третьем этапе развития системы продовольственной безопасности Российской империи, представлены ниже (табл. 2). Информация о сумме продовольственного капитала в наличии отсутствует в отчетах губернаторов за 1834–36 гг., 1839 г., 1870 г. Норма денежных средств для пополнения продовольственного капитала была до 1841 г. – 1,6 руб., с 1842 г. – 48 коп. Ана-

лиз цифровых показателей продовольственного капитала в Вологодской губернии показывает, что его сумма менялась в пределах от 28 892,70 руб. в 1841 г. до 290 821,30 руб. в 1860 г. Сумма выданных ссуд из продовольственного капитала варьировалась в пределах от 4 097,09 руб. в 1843 г. до 237 194,46 руб. в 1865 г. Такой большой диапазон в объемах выданных ссуд, скорее всего, связан с выдачей из общеимперского продовольственного капитала, что отразилось на показателях за 1857 и 1863 гг. Столбец «недоборы» отражает сумму капитала, взятого в ссуду и оставшегося невозвращенным за отчетный период. Данный показатель менялся в пределах от 2 653,00 руб. в 1847 г. до 396 460,62 руб. в 1838 г. Уровень собираемости продовольственного капитала в Вологодской губернии на третьем этапе развития системы продовольственной безопасности варьировался от 5,47% в 1841 г. до 153,04% в 1860 г.

На резкое повышение уровня собираемости продовольственного капитала оказало влияние снижение нормы его сбора на одного человека. Средний уровень собираемости продовольственного капитала на третьем этапе составлял 86,34% от законодательно определенной нормы, т. е. Вологодская губерния на этом этапе развития системы продовольственной безопасности Российской империи могла обеспечить населения продовольствием почти в полном объеме, а в совокупности с хлебными запасами она могла бы справиться практически с любым неурожаем на её территории.

Итак, наличие продовольственных капиталов в совокупности с зерновыми культурами в хлебных запасных магазинах позволяло Вологодской губернии справиться практически с любым локальным неурожаем. Только в случае всеобщего неурожая в губернии потребовалась бы помощь общеимперского продовольственного капитала. Несмотря на то, что сбор продовольственного капитала по факту являлся дополнительным бременем

¹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография Второго отделения собственного его Императорского Величества канцелярии, 1835. Собрание второе. Т. IX. Отделение первое. С. 691–705..

Таблица 2 / Table 2

**Продовольственные капиталы по Вологодской губернии на третьем этапе в 1834–1870 гг. /
Food capitals in the Vologda provinceat the third stage in 1834–1870**

Год	Население губернии, обеспечиваемое продовольственными капиталами	Количество денег необходимое для обеспечения народного продовольствия в соответствии с законодательно установленной нормой*	Денежные запасы (рублей, копеек)				Уровень обеспечения населения продовольственными капиталами в процентном соотношении, %
			Количество капитала	В ссудах капитала	Невозврат ссуд	Недоборы капитала	
1834	–	–	–	–	–	–	–
1835	–	–	–	–	–	–	–
1836	–	–	–	–	–	–	–
1837	292 880	468 608,00	73 031,12	22 948,40	1 661,95	395 198,61	15,58
1838	294 551	471 281,60	98 031,12	23 468,52	2 770,22	396 460,62	20,80
1839	–	–	–	–	–	–	–
1840	329 471	527 153,60	47 622,00	4 516,00	763,00	83 445,00	9,03
1841	329 561	527 297,60	28 892,70	25 500,70	680,47	87 383,39	5,47
1842	326 580	156 758,40	50 897,97	4 216,34	1 941,18	72 325,37	32,46
1843	334 432	160 527,36	53 763,88	4 097,09	1 095,85	57 632,25	33,49
1844	339 138	162 786,24	53 781,88	4 163,05	1 272,68	42 821,54	33,03
1845	340 996	163 678,08	56 436,76	29 066,17	1 394,69	36 360,81	34,48
1846	340 726	163 548,48	93 018,28	38 442,82	1 509,49	12 365,00	56,87
1847	341 004	163 681,92	87 043,28	38 394,33	1 697,95	2 653,00	53,17
1848	340 251	163 320,48	73 263,96	61 938,76	2 355,99	18 409,11	44,85
1849	340 838	163 602,24	101 063,96	61 891,54	2 357,03	36 261,00	61,77
1850	337 938	162 210,24	112 063,96	61 844,32	2 349,43	58 030,00	69,08
1851	384 965	184 783,20	127 623,96	61 797,10	2 836,13	75 038,05	69,06
1852	347 799	166 943,52	183 892,30	61 697,37	2 495,43	70 557,58	110,15
1853	347 024	166 571,52	201 977,96	61 501,08	2 652,67	88 397,20	121,25
1854	385 675	185 124,00	220 327,14	61 390,70	2 729,87	106 630,48	119,01

1855	384 675	184 644,00	233 481,66	61 390,70	3 318,66	119 985,83	126,44
1856	382 631	183 662,00	257 275,72	61 390,70	2 066,93	143 678,84	149,88
1857	382 600	183 648,00	219 898,44	61 543,82	1 576,67	105 842,82	119,73
1858	382 206	183 458,88	236 524,94	110 242,91	1 266,96	170 880,70	128,92
1859	397 704	190 897,92	286 684,55	102 143,01	1 331,09	206 157,82	150,17
1860	395 884	190 024,32	290 821,30	102 909,55	1 269,26	210 924,20	153,04
1861	395 923	190 043,04	289 705,57	107 050,85	1 357,78	212 960,05	152,44
1862	398 459	191 260,32	280 907,26	123 023,55	1 366,36	220 286,56	146,87
1863	392 810	188 548,80	238 845,62	203 107,32	641,44	260 528,19	126,67
1864	399 253	191 641,44	242 135,86	200 039,37	510,43	260 942,99	126,34
1865	395 207	189 699,36	222 345,58	237 194,46	642,03	277 771,08	117,20
1866	378 826	181 836,48	197 704,20	–	–	–	108,72
1867	389 734	187 072,32	197 704,20	–	–	–	105,68
1868	392 833	188 559,84	276 804,73	100 152,24	1 057,82	206 528,05	146,79
1869	405 785	194 776,80	81 104,20	116 600,00	–	–	41,63
1870	–	–	–	–	–	–	–

Ист.: составлена автором по архивным материалам¹

Прим.: * норма соответствовала с 1834 г. – 1,6 руб., с 1842 г. – 48 коп.

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 102; Ф. 1281. Оп. 3. Д. 122; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 63; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 39; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 26; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 31; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 28; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 37; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 38; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 1934; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2015; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2101; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 2181; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2273; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2330; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2477; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 40; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 43; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2685; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2757; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 24; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2897; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 27; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 15; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 13; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3353; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3405; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 29.

нением для крестьян, он способствовал обеспечению продовольственной безопасности на территории с крайне плохими природно-климатическими условиями, свидетельств очевидцев противников данных нововведений не сохранилось, либо не было вообще. Вологодская губерния в данном случае рассматривается как отдельный регион Европейского Севера России и как часть мозаики для составления полной картины по Европейскому Северу России.

В плане регионального среза Вологодская губерния выступает образцом с преобладающим крестьянским населением, минимальным присутствием дворянства по сравнению с центральными и южными губерниями Российской империи. Данные по Вологодской губернии необходимы для более полной оценки данных по Европейскому Северу России. Для большей контекстуализации темы хотелось бы применить свидетельства очевидцев, но большинство населения Российской империи буквально «вчера» стали свободными людьми (отмена крепостного права была в 1861 г., всего за 10 лет до даты нижней хронологической границы исследования темы, ментальность людей ещё не успела измениться, так как не было смены поколений). К сожалению, адекватной позитивной или негативной оценки каких-либо законодательных нововведений со стороны населения по вопросу поддержки или резкого отрицания данных инициатив очень мало. Крепостная ментальность не позволяла давать оценку действиям барина, предполагая беспрекословное подчинение всем поступающим сверху приказам, и, тем более, отражать эту оценку в каких-либо документах, учитывая уровень неграмотности населения.

Каждый регион европейского Севера России по-своему уникален и несет в себе климатические, культурные, эт-

нические и другие отпечатки истории. В контексте изучения системы продовольственной безопасности на севере следует учитывать, что население, проживающее в регионе с суровым климатом, приспособилось к выживанию ещё до введения обязательных сборов продовольственного капитала и создания хлебных запасных магазинов, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством, что дополнительно оказывало мощную поддержку системе продовольственной безопасности Российской империи на Европейском Севере России. Действия местной власти согласуются с общеимперским законодательством и установками, «спущенными» сверху, и опыт реализации закона о продовольственной безопасности в Российской империи в Вологодской губернии не является уникальным. Он показывает имевшиеся результаты по Европейскому Северу России и дополняет общую картину развития системы продовольственной безопасности Российской империи в условиях учета низкой урожайности на исследуемой территории.

Исследование Вологодской губернии дает представление о степени действенности системы продовольственных капиталов на территории Европейского Севера Российской империи (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии) и в последующем при изучении всей системы продовольственной безопасности Российской империи материал для сравнения с южными территориями, где лучше природно-климатические условия и другой социальный состав населения. Представленные данные позволят провести сравнительный анализ эффективности деятельности по сбору и обеспечению населения продовольственными капиталами южных и северных регионов Российской империи.

Статья поступила в редакцию 02.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлева Е. В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX века // Енисейский север: история и современность. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2016. С. 16–47.
2. Комлева Е. В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII – XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2016. № 3. С. 13–18.
3. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX века. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. 166 с.
4. Котов П. П. Натуральные повинности крестьян Яренского уезда в конце XVIII – первой половине XIX веков // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения Вычегодского края: тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. С. 92–96.
5. Котов П. П. Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). Ч. I. С. 91–95.
6. Котов П. П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Вып. 25. № 1 (144). С. 90–96.
7. Пьянков С. А. Общественная польза и личная позиция: продовольственная кампания 1891–92 гг. в оценке современников // Человек в условиях модернизации XVIII – XX вв. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2015. С. 34–42.
8. Пьянков С. А. Сельская хлебозапасная система Пермской губернии накануне голода 1891 года // Историко-педагогические чтения (№ 17). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 519–526.
9. Рогожина А. С. Губернская делопроизводственная документация как источник по истории продовольственного дела в имперской России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). С. 62–67.
10. Рогожина А. С. Земства и обеспечение продовольствием сельского населения России во второй половине XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России (№ 19). Калининград: БФУ им. Канта, 2012. С. 109–119.
11. Рогожина А. С. Продовольственный устав 1834 года как правовая основа государственной политики продовольственного обеспечения российской деревни в 1830 – 1890-е годы XIX века // История государства и права. 2016. № 18. С. 29–34.
12. Рогожина А. С. С. Ю. Витте и продовольственный вопрос в России // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 75–88.
13. Рогожина А. С. Хлебные запасные магазины в продовольственной политике России до начала реформ Александра II // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 143–153.
14. Тарасова И. А. К вопросу о взаимодействии министерства внутренних дел Российской империи и органов местного самоуправления в деятельности по нейтрализации последствий неурожая 1891 года // Юридические записки. 2013. № 1. С. 51–57.
15. Тарасова И. А. К вопросу о деятельности министерства внутренних дел Российской империи по управлению системой продовольственного обеспечения населения в первой половине XIX века // Бизнес в законе (Экономико-юридический журнал). 2012. № 4. С. 19–22.
16. Чудов С. И. Законодательное регулирование и эффективность деятельности института хлебных запасных магазинов в Вологодской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 6. С. 109–113.
17. Чудов С. И. К вопросу о достоверности сведений о наполняемости хлебных запасных магазинов Архангельской губернии во второй половине XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 2. С. 102–106.
18. Чудов С. И. Особенности функционирования хлебных запасных магазинов в Олонецкой губернии в XIX – начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. 1. С. 35–39.

19. Чудов С. И. Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестник Алтайской науки. 2014. № 2-3. С. 300–303.
20. Чудов С. И. Сравнительный анализ цифровых показателей о посевах, урожае и количестве зерна в сельских запасных магазинах Архангельской губернии в 1870 – 1886 гг. по материалам ГААО и РГИА // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 2. С. 80–84.
21. Чудов С. И. Уровень обеспечения продовольственной безопасности на Русском Севере в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57). С. 194–197.
22. Ялтаев Д. А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформ 1900 года // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 195–201.

REFERENCES

1. Komleva E. [Breach spare bakeries of the Turukhansk territory in the first half of the nineteenth century]. In: *Eniseiskii sever: istoriya i sovremennost'* [Yenisei North: history and modernity], Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. Astafieva Publ., 2016, pp. 16–47.
2. Komleva E. [The supply of bread of the Northern regions of Siberia (XVII – XIX c.)]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2016, no. 3, pp. 13–18.
3. Kotov P. *Dinamika urovnya zemledeliya v Komi krae v kontse XVIII – nachale XX veka* [Dynamics of agriculture in the Komi region in the end of XVIII – the beginning of the XX century]. Syktyvkar, Syktyvskarskii universitet Publ., 1996. 166 p.
4. Kotov P. [Natural duties of peasants of the Yarensky district at the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries]. In: *Zanyatiya, promyshlennost', dukhovnaya i material'naya kul'tura naseleniya vychegodskogo kraia: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii* [Classes, industry, spiritual and material culture of the population of Vychegda region: abstracts of scientific conference]. Syktyvkar, Goskomstat Respubliki Komi Publ., 2000, pp. 92–96.
5. Kotov P. [Formation of system of grain and cash stocks in case of crop failures in Russian legislation of XVIII – first half of XIX century]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2013, no. 2 (28), p. I, pp. 91–95.
6. Kotov P. [Bread replacement stores according to legislative sources of Russia XVIII – first half XIX centuries]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific reports BelGU. Series: History. Political science. Economy. Computer science], 2013, iss. 25, no. 1 (144), pp. 90–96.
7. P'yankov S. [Public benefit and personal position: the food campaign of 1891-92. in the estimation of his contemporaries]. In: *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII – XX veka* [The person in the conditions of modernization of the XVIII – XX century]. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii URO RAN Publ., 2015, pp. 34–42.
8. P'yankov S. [Rural hlebozavodskaya system of the Perm province on the eve of the famine of 1891]. In: *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya (17)* [Historical and pedagogical readings no. 17], Yekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2013, pp. 519–526.
9. Rogozhina A. [Provincial office work documentation as a source for the history of the food business in Imperial Russia]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2015, no. 5 (68), pp. 62–67.
10. Rogozhina A. [Zemstvo and food security of the rural population of Russia in the second half of the XIX century]. In: *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii (19)* [Northwest in the agrarian history of Russia no. 19], Kaliningrad, BFU im. Kanta Publ., 2012, pp. 109–119.
11. Rogozhina A. [Food Charter in 1834 as the legal basis of the state policy of food security of the Russian village in the 1830 – 1890s of the XIX century]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2016, no. 18, pp. 29–34.
12. Rogozhina A. [S. Witte and food problem in Russia]. In: *Voprosy istorii* [History issues], 2016, no. 7, pp. 75–88.
13. Rogozhina A. [Bread replacement stores in the food policy of Russia before the reforms of Alexander II]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History], 2012, no. 2, pp. 143–153.

14. Tarasova I. [The question of interaction of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire and local authorities in activities to neutralize the effects of the poor harvest of 1891]. In: *Yuridicheskie zapiski* [Legal notes], 2013, no. 1, pp. 51–57.
15. Tarasova I. [To the question about the activities of the Ministry of internal Affairs of the Russian Empire for the management system of food security of the population in the first half of the nineteenth century]. In: *Biznes v zakone (Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal)* [Business in Law (Journal of Economics and Law)], 2012, no. 4, pp. 19–22.
16. Chudov S. [Legislative control and effectiveness of activities of the Institute of bread spare shops in the Vologda province in the XIX – early XX centuries]. In: *Vestnik BFU im. I. Kanta* [BFU named after I. Kant newspaper], 2015, no. 6, pp. 109–113.
17. Chudov S. [The question of the reliability of information on the fullness of the bread of spare stores of the Arkhangelsk province in the second half of the XIX century]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2018, no. 2, pp. 102–106.
18. Chudov S. [Features of functioning of the grain spare shops in Olonets province in the XIX – early XX century]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2015, no. 3 (148), iss. 1, pp. 35–39.
19. Chudov S. [The problem of food security of the population of Russia in the lean years of the XIX century]. In: *Vestnik Altaiskoi nauki* [Vestnik Altaiskoi nauki], 2014, no. 2–3, pp. 300–303.
20. Chudov S. [A comparative analysis of figures on crops, harvest and the amount of grain in the rural spare stores of the Arkhangelsk province in 1870 and 1886 according to the materials of GAAO and RGIA]. In: *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Bulletin of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 2, pp. 80–84.
21. Chudov S. [The level of food security in the Russian North in XIX – early XX century]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015, no. 7 (57), pp. 194–197.
22. Yaltaev D. [Food security in Kazan province on the basis of the reforms of 1900]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2015, no. 4, pp. 195–201.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чудов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, заместитель начальника Центра стратегических исследований и проектов Коми республиканской академии государственной службы и управления;

e-mail: chudovx@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey I. Chudov – Cand. Sci. (History), Deputy Head of the Center for Strategic Studies and Projects, Komi Republican Academy of Public Administration and Management;

e-mail: chudovx@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чудов С. И. Продовольственные капиталы Вологодской губернии в 1834–1870 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 138–149.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-138-149

FOR CITATION

Chudov S. Food capital in Vologda province, 1834–1870. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 138–149.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-138-149

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-150-160

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 гг.)

Жадан А. В.

Дальневосточный юридический институт МВД России (Владивостокский филиал)
690087, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи в обобщении исторического опыта организации борьбы с бандитизмом на Дальнем Востоке в условиях военного времени.

Процедура и методы исследования. На материале документальных источников и научных публикаций автор провел анализ причин и условий развития бандитизма в регионе, дал описание путей противодействия этому явлению органами НКВД. В исследовании использованы принципы историзма и системности, а также общенаучные исторический и логический методы.

Результаты проведенного исследования. Автором раскрыт комплекс организационных, оперативно-розыскных, проверочных и иных мероприятий, посредством которых дальневосточные органы НКВД в 1941–1942 гг. реорганизовали систему противодействия бандитизму и обеспечили безопасность тыла в стратегически важном регионе страны.

Теоретическая / практическая значимость заключается в анализе архивных документов и публикаций по истории органов НКВД Дальнего Востока. Статья адресована исследователям, занимающимся историей отечественных правоохранительных органов.

Ключевые слова: НКВД, Великая Отечественная война, Приморский край, Хабаровский край, бандитизм, борьба с преступностью

REORGANIZATION OF DETERRENCE OF BANDITRY IN THE FAR EAST AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1942)

A. Zhdan

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok Branch)
21 Kotelnikova ul., Vladivostok 21690087, Primorsky Krai, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the historical experience of organizing the fight against banditry in the Far East in wartime conditions.

Methodology and Approach. The author examines documentary sources and research materials to analyze the causes and conditions of banditry in the region, as well as methods of deterrence employed by the NKVD. The study uses the principles of historicism and systems theory, as well as general scientific-historical and logical methods.

Results: The author concludes that by using a combination of organizational, operational-search, and verification strategies, as well as other measures, in 1941–1942 the far Eastern NKVD authorities created a more effective system of countering banditry, which made it possible to ensure the safety of the rear in a strategically important region of the country.

Theoretical and/or practical significance: Scholarship on the history of the NKVD in the Far East is enhanced, providing useful data for researchers with a focus on the history of domestic law enforcement agencies.

Keywords: NKVD, Great Patriotic war, Primorsky Krai, Khabarovsk Krai, banditry, fight against banditry

Постановка проблемы, цели и задачи исследования

Деятельность органов НКВД по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке в 1941–1942 гг. является неотъемлемой частью истории (в ее региональном срезе) Второй мировой войны, с одной стороны, и истории советской правоохранительной системы, с другой. Данные направления отечественной историографии, к сожалению, зачастую становятся объектами мифологизации, прямых фальсификаций, страдают от излишней политизации, идеологизации интерпретируемых событий [1]. Поэтому перед исследователем стоит непростая цель установления фактологической картины и объективной оценки процессов, происходивших в регионе в связи с осложнением криминальной обстановки.

В рамках данного исследования нами будет предпринята попытка проанализировать причины и условия развития такого явления, как «бандитизм» в Дальневосточном регионе, рассмотреть пути противодействия этому явлению со стороны органов НКВД, дать оценку результатов этой деятельности.

Хронологические рамки данного исследования (1941–1942 гг.) обусловлены тем, что именно в этот период органами НКВД была в основном выработана и начала реализовываться система мер, направленных на борьбу с исследуемым явлением, доказавшая свою эффективность в последующие военные годы.

Определение места вопроса в научной литературе

Тема масштабного распространения бандитизма в годы Великой Отечественной войны, его детерминанты, а также практика противодействия данному явлению со стороны правоохранительных

органов являются актуальным предметом исторического исследования, в связи с чем получили достаточно широкое освещение в отечественной историографии [14; 16; 21]. В свою очередь, региональная специфика противодействия бандитизму в условиях Дальнего Востока в различные исторические периоды отражена в работах целого ряда авторов [5; 7; 8; 13; 15; 18; 20]. Однако до сих пор крайне слабо исследованной остается деятельность дальневосточных органов НКВД по рассматриваемому нами направлению деятельности, относящаяся к периоду Великой Отечественной войны. Между тем именно в этот период времени обеспечение безопасного функционирования тыла в данном регионе имело чрезвычайно важное значение, что обуславливает актуальность и научную новизну данного исследования.

Содержание авторского исследования

Рассматривая проблему бандитизма, важно понимать, что в рассматриваемый исторический период содержание данной категории несколько отличалось от современного.

Согласно ст. 59.3, действовавшего тогда УК РСФСР, под бандитизмом понималась «организация вооруженных банд и участие в них и организованных ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов, разрушение железнодорожных путей, средств сообщения и связи». В практической деятельности органов НКВД данным термином характеризовались зачастую разнородные в социально-криминологическом плане явления: вооруженные группировки националистов; организации троцкистской, эсеровской, монархической и иной политической направленности; диверсионно-разведы-

вательные группы, формируемые при участии зарубежных спецслужб; дезертиры; преступные группировки чисто уголовной направленности и др. Зачастую в категорию бандитов попадали просто вооруженные преступники-одиночки. Например, в докладе начальника УНКВД Приморского края А. А. Закусило (начало июля 1943 г.), в качестве проявлений бандитизма упоминается дезертировавший начальник штаба некой танковой части, укрывавшийся во Владивостоке¹.

В исследовании В. В. Блиновой отмечается, что как бандитизм зачастую квалифицировались и так называемые «особые дела» – о людоедстве и трупоедстве [3, с. 66].

В документах органов НКВД Приморского и Хабаровского краев термин «бандитизм» используется во взаимосвязи и как взаимозаменяемый с такими понятиями, как: «закордонные банды», «белобандиты», «бандповстанчество», «бандповстанческая группа», «контрреволюционное повстанчество», «бандитско-грабительская группа» и др.

Столь широкое использование рассматриваемой нами категории привело к появлению такого историографического конструкта, как «политический бандитизм», с помощью которого современные исследователи разделяют вооруженную борьбу антисоветской направленности от проявлений уголовного характера [9; 20]. Не оспаривая научную обоснованность вышеупомянутой категории, отметим, что данное разделение носит достаточно условный характер, поскольку деятельность большинства банд, независимо от декларируемой политической цели или ее отсутствия вообще, характеризовалась совершением преступлений чисто уголовного характера (убийства, разбои, угоны скота и т. д.).

Итак, понятие «бандитизм» в его конкретно-историческом смысле, применительно к изучению исторического опыта

деятельности правоохранительных органов периода 1941–1945 гг. имеет достаточно широкое содержательное значение.

Исследователи единодушно отмечают, что с началом войны практически во всех регионах Советского Союза отмечался всплеск бандитских проявлений, что, безусловно, негативно отражалось на работе тыла и настроениях гражданского населения. Неслучайно борьба с бандитизмом в условиях военного времени стала одной из приоритетных задач органов НКВД. В целом по стране за бандитизм в 1941 г. было осуждено 4237 чел., в 1942 г. – 3245, в 1943 г. – 2909, в 1944 г. – 6898, в первой половине 1945 г. – 3611².

Дальний Восток страны не стал в этом плане исключением. Безусловно, удаленность от советско-германского фронта и особый порядок въезда на территорию региона давали определенные преимущества, в частности, препятствовали распространению огнестрельного оружия, дополнительному засорению криминальными и антисоветскими элементами. Однако имели место и специфические местные особенности, негативно влиявшие на криминологическую ситуацию.

Рассматривая такое явление, как бандитизм, важно понимать, какой круг причин и условий послужил распространению в Дальневосточном регионе данного негативного явления.

1. Общее ухудшение криминологической ситуации. Исследователями достаточно подробно изучен и описан комплекс причин морально-психологического, демографического, социально-экономического характера, вызвавший в военное время быстрый рост уголовной преступности как в целом по стране, так и на Дальнем Востоке в частности. Что касается последнего, то здесь негативный информационный фон от поражения Красной Армии в начальный период войны усиливался ожиданием военной

¹ Архив УМВД по Приморскому краю, далее АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 70.

² Государственный архив Российской Федерации, далее ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 3. Д. 40. Л. 15-50; Д 41. Л. 248; Д. 47. Л. 113.

агрессии со стороны Японии, создавая у определенной категории граждан ощущение близкого крушения существующего государственного механизма, становясь оправданием и обоснованием преступной деятельности [11; 17].

2. *Рост числа дезертиров и уклонистов от военной службы.* К сожалению, в военные годы, наряду с массовым патриотическим подъемом, имело место также дезертирство и уклонение граждан от военной службы. Помимо непосредственного ущерба обороноспособности, дезертиры, будучи оторванными от легальной системы обеспечения продуктами и товарами первой необходимости, нередко становились на путь преступной деятельности, вовлекались в уголовную среду, сколачивали банды¹.

Взаимозависимость таких явлений, как дезертирство и бандитизм, очень скоро стала очевидной руководству НКВД. В связи с чем, приказом НКВД СССР № 002264 от 14 октября 1942 г. функции борьбы с дезертирством и уклонением от военной службы были переданы из ведения секретно-политических отделов отделам по борьбе с бандитизмом².

3. *Враждебная деятельность японских спецслужб.* Историками достаточно полно исследована враждебная деятельность японских спецслужб на сопредельной территории, которая включала активное взаимодействие с антисоветскими эмигрантскими организациями в Китае (различной политической направленности, вплоть до профашистской), заброску диверсионно-разведывательных групп через границу, вербовку и формирование аналогичных групп на советской территории [2; 4; 6].

Отдельным и весьма опасным направлением работы японских спецслужб стало вовлечение в антисоветскую разведывательно-диверсионную деятельность представителей коренных народов

Дальнего Востока. Так, в декабре 1941 г. УНКВД Приморского края был арестован Аянко Василий, показавший, что он еще в 1924 г. был завербован китайцем Ви-Си-Лином для шпионской работы, а в 1937 г. перевербован японской разведкой, от которой получил задание, кроме сбора шпионских сведений, организовать на территории СССР бандповстанческие и диверсионно-разведовательные группы, приурочивая их активные действия к моменту нападения Японии на СССР. До 1941 г. Аянко занимался сбором шпионских сведений о военном строительстве на Дальнем Востоке, а в 1941 г. установил связь с японским разведчиком, бывшим главарем хунхузской банды Кялунзигой Алексеем, приступил с ним к созданию ДРГ и вербовке повстанцев среди коренных жителей Приморья – орочен, удэгейцев и др. Так была создана диверсионная группа в составе 6 человек. Всего в преступную деятельность было вовлечено 26 человек. Все участники созданной организации были арестованы³.

4. *Деятельность антисоветски настроенных группировок.* К началу войны в регионе проживало значительное число бывших белоказаков, иных участников антисоветских повстанческих формирований, контрреволюционных организаций, представлявших собой потенциальную социальную базу политического бандитизма. Такого рода социальные элементы имелись, в том числе, и среди коренных народов Дальнего Востока. Ряд антисоветских бандитских группировок действовал на Чукотке и Камчатке, представляя серьезную опасность, поскольку их главари имели большое влияние среди чукчей и противодействовали мероприятиям местных партийных и советских органов⁴.

5. *Наличие в регионе большого числа исправительных учреждений.* Серьезным фактором, ухудшавшим криминологическую ситуацию на Дальнем Востоке, яв-

¹ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 70.

² Архив УМВД по Хабаровскому краю, далее АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 79. Л. 77.

³ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 33.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.

лялась засоренность социальной среды отбывшими наказание уголовниками, которые зачастую, в силу разных причин, возобновляли свою преступную деятельность. Например, в Хабаровском крае за декабрь 1941 г. из 72 человек, привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство, 9 оказались недавно освобожденными из лагерей¹.

Помимо этой проблемы, масштабная мобилизация в действующую армию привела к ослаблению конвойной службы в исправительных учреждениях, что не замедлило сказаться на росте числа побегов заключенных. Такие беглецы нередко образовывали вооруженные банды, нейтрализация которых требовала серьезных усилий.

Следует отметить, что экономические тяготы военного времени отразились и на обеспечении заключенных продуктами и предметами первой необходимости [10], что создавало потенциальную почву для их восстания. Особенно тяжелой ситуация была в первые годы войны, пока руководство лагерей не наладило деятельность подсобных хозяйств. Наиболее серьезным подобным инцидентом периода 1941–1942 гг. на Дальнем Востоке стало вооруженное восстание заключенных Дальстроя в Певеке.

Ответом органов НКВД на всплеск бандитизма по стране в целом и Дальневосточном регионе в частности стала реорганизация деятельности по ряду направлений.

1. Мероприятия организационного характера. Приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г. № 001414 было положено начало формированию при управлениях НКВД, в том числе в Приморском и Хабаровском краях, отделов по борьбе с бандитизмом (ОББ)². Если ранее функции борьбы с бандитизмом преимущественно возлагались на 1-е отделение уголовного розыска (ОУР) (по борьбе с

бандитизмом, грабежами и убийствами), входившие в состав краевых управлений милиции (КРУМ), то вновь созданные ОББ выделялись из состава КРУМ и подчинялись напрямую начальнику УНКВД края. 1-е отделение ОУР КРУМ сохраняло при этом функции борьбы с грабежами и убийствами. На уровне областей, входивших в состав Приморского и Хабаровского краев, структура и распределение функций остались прежними: в составе ОУР областных управлений милиции действовали отделения по борьбе с бандитизмом, грабежами и убийствами³. Вновь образованные ОББ были немногочисленными (особенно, принимая во внимание огромную территорию обслуживания со слабо развитой транспортной инфраструктурой и связью). Так, штат ОББ УНКВД Хабаровского края на 1942 г. насчитывал 15 единиц: начальник отдела, секретарь, машинистка и два отделения по 6 человек в каждом⁴. Штат ОББ Приморского края на сентябрь 1941 г. насчитывал 19 единиц⁵.

Широкую практику получило формирование оперативных групп и оперативных заслонов, в работу которых могли быть задействованы сотрудники различных служб и подразделений НКВД, военнослужащие внутренних, пограничных войск, члены истребительных батальонов, представители общественности и др. Оперативные группы и заслоны действовали в наиболее уязвимых местах, с тем, чтобы при появлении банд они могли своевременно информировать органы НКВД, а бандитов-одиночек (малочисленные бандгруппы) задерживать самостоятельно.

2. Усиление агентурной работы и оперативно-розыскные мероприятия. Главными проблемами в работе органов НКВД по пресечению бандитизма на момент формирования ОББ являлись недо-

¹ Государственный архив Хабаровского края, далее ГА ХК. Ф. Р-137. Оп. 8. Д. 34. Л. 6.

² ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 13.

³ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 76. Л. 62-70, 109-160; Д. 77. Л. 213 об.

⁴ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 77. Л. 213 об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 278. Л. 145.

статок оперативной информации о лицах, причастных к совершению данных преступлений, их связях, местах укрытия и т. п., а также слабая сеть агентов и осведомителей, курируемых по данному направлению. Данная ситуация усугублялась нехваткой опытных оперативных работников, недостаточной энергичностью, халатностью со стороны отдельных сотрудников¹.

Формирование и расширение сети агентов и осведомителей при ОББ позволяло выявлять и брать в разработку бандитские элементы. Необходимо было собрать сведения и проанализировать информацию об имевших место банд-проявлениях, бандитских базах, укрытиях, маршрутах передвижения, в том числе через государственную границу. Также важной задачей была постановка на оперативный учет как можно большего количества лиц, причастных к бандитским нападениям.

Важной частью работы по борьбе с бандитизмом стали действия по изъятию лиц с повстанческими, террористическими и иными активными антисоветскими намерениями. Отметим, что соответствующий план агентурно-оперативных мероприятий предписывал проведение арестов лишь в отношении лиц, по которым имелись достаточные доказательства вины и с санкции прокуроров. В отсутствие достаточных доказательств предписывалось усилить агентурно-оперативную работу в отношении разрабатываемых политически неблагонадежных лиц для получения таковых доказательств либо снятия с оперативного учета, если подозрения не подтвердятся. Вообще, изучение документов НКВД (приказов, в том числе, о дисциплинарных взысканиях, планов мероприятий, внутренней переписки) показывает, что в рассматриваемый нами период времени, несмотря на чрезвычайные обстоятельства войны, руководство дальневосточных УНКВД особо обращало внимание на недопустимость таких

нарушений законности, характерных для 1937–1938 гг., как необоснованные аресты и (или) фальсификация доказательств. Сотрудники, уличенные в подобных нарушениях, подвергались дисциплинарным взысканиям².

3. *Привлечение общественности.* К поиску и ликвидации бандитских формирований активно привлекались группы содействия органам НКВД и местный актив. Например, 11 апреля 1942 г. совершила побег группа заключенных из трех человек. На следующий день они были задержаны в лесу двумя стрелками ВОХР, однако во время конвоирования преступники напали на них, убили и завладели оружием. В дальнейшем банда занималась разбойными нападениями вдоль линии Амурской железной дороги. Банду удалось выследить в тайге и нейтрализовать только через десять дней – 22 апреля, при этом ключевую роль сыграли решительные действия группы содействия органам НКВД из 4 человек, одному из членов которой было всего 14 лет³.

Удачным решением в деле борьбы с бандитизмом стала организация добровольческих отрядов из числа коренных жителей Дальнего Востока. Мотивацией для добровольцев служила как возможность обеспечить безопасность в родной местности, так и предоставление права использовать выданное оружие для охоты. Хорошо знакомые с горно-лесистой местностью, адаптированные к тяжелым климатическим условиям региона, прекрасные стрелки и следопыты, бойцы данных отрядов сыграли важную роль в борьбе с бандитизмом в трудные для страны военные годы.

4. *Мероприятия по усилению охраны тюрем, исправительно-трудовых лагерей и колоний.* По данному направлению органами НКВД осуществлялись:

– усиление охраны лиц, подозреваемых в повстанческих намерениях;

² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 62. Л. 12, 39, 87–88; Д. 63. Л. 9, 42–43; Д. 83. Л. 136.

³ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 84. Л. 9–10.

¹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 79. Л. 124.

- усиление агентурной работы среди заключенных, в том числе ориентированной на пресечение побегов и восстаний;

- тщательная проверка личного состава исправительных учреждений на предмет наличия неформальных связей с заключенными;

- контроль за соблюдением режима охраны заключенных и порядка хранения оружия и боеприпасов, ориентация политико-воспитательной работы на повышение бдительности личного состава;

- ликвидация практики расконвоирования заключенных, склонных к бандповстанческой деятельности, изоляция таких лиц от других осужденных на отдельных лагерных пунктах, под охраной наиболее проверенных бойцов ВОХР [12, с. 55–57].

5. *Мероприятия по усилению охраны государственной границы, важных транспортных и промышленных объектов.* Коренным условием пресечения распространения бандитизма в регионе стали мероприятия по усилению охраны государственной границы, важных транспортных и промышленных объектов:

- в погранотрядах формировались маневренные группы и резервные заставы на случай ликвидации нарушений границы и возможных бандповстанческих проявлений в пограничной полосе;

- в приграничных населенных пунктах организовывалась ночная охрана;

- формировалась целевая агентура из охотников, лесников, работников связи и других лиц, связанных по профессии с перемещением в приграничных районах;

- в пограничных, железнодорожных и внутренних войсках усиливался контроль за несением службы и работа по выявлению лиц, имеющих изменнические настроения.

6. *Мероприятия по обеспечению общественного порядка в населенных пунктах, на железнодорожном транспорте, контролю за соблюдением паспортного режима.* Свой вклад в борьбу с бандитизмом внесла работа органов милиции по

обеспечению общественного порядка в населенных пунктах, на железнодорожном транспорте, контролю за соблюдением паспортного режима. Изъятию, проверке и удалению за пределы Дальнего Востока подвергался весь «бродящий уголовный элемент», лица, не имеющие паспортов и прописки. Граждан, пытавшихся спровоцировать беспорядки в местах массового скопления людей, предписывалось подвергать аресту и с санкции прокурора предавать суду. Для реализации данных задач на железнодорожном транспорте были сформированы оперативные группы сопровождения пассажирских поездов.

Реализуемые мероприятия дали определенные положительные результаты. Уже во второй половине 1941–1942 гг. на Дальнем Востоке удалось ликвидировать ряд крупных бандитских группировок¹.

Выводы, соответствующие цели и задачам исследования

В целом, анализируя итоги деятельности органов НКВД по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке в 1941–1942 гг. (см. табл.), следует признать, что полностью искоренить данное явление или прекратить его рост им в этот период времени не удалось. Однако не случилась и острая вспышки бандитизма, характерной для ряда других регионов страны. Пик бандитизма в регионе пришелся на 1942–1943 гг. и совпал с общим всплеском уголовной преступности.

Однако следует обратить внимание, что в 1943–1944 гг. на Дальнем Востоке отсутствовали крупные банды; действовали либо бандиты-одиночки, либо мелкие «бандитско-грабительские группы»². Неудачу потерпели и попытки японских спецслужб организовать в регионе повстанческое движение. И хотя количественный рост бандитских проявлений определенное время еще по инерции

¹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 62. Л 133–134; Д. 84. Л. 98.

² ГА РФ Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 88.

Таблица / Table

**Количество ликвидированных на Дальнем Востоке бандитских групп и их членов
с июня 1941 по 1944 гг. / The number of bandit groups and their members liquidated
in the Far East from June 1941 to 1944**

Регион	Период времени	Ликвидиро- вано бандитских групп	Общее количество выявленных членов бандитских групп	Из них	
				убито	арестовано
Приморский край	2 половина 1941 г.	1	26	–	26
	1942 г.	–	95	–	95
	1943 г.	11	397	27	370
	1944 г.	10	35	2	33
Хабаровский край	2 половина 1941 г.	3	22	13	9
	1942 г.	31	263	17	246
	1943 г.	15	94	5	89
	1944 г.	22	82	1	81

Ист.: составлено по данным материалов ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 493. Л. 1-3; Д. 274. Л. 1.

продолжался, уже в 1944 г. мы можем наблюдать его существенный спад. Таким образом, можно считать, что благодаря комплексу организационных, оперативно-розыскных, проверочных и иных мероприятий 1941–1942 гг., дальневосточным органам НКВД удалось в чрез-

вычайно сложных условиях заложить системные основы противодействия бандитизму, позволившие обеспечить безопасность функционирования тыла в стратегически важном регионе страны.

Статья поступила в редакцию 02.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

- Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
- Баранова А. Н. Российская эмиграция в Манчжурии в годы Великой Отечественной войны // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 1: Дальний Восток России в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Гродекова, 2010. С. 119–125.
- Блинова В. В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 235 с.
- Буяков А. М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг.: Очерки. Библиографический справочник. Владивосток: Русский остров, 2003. 112 с.
- Гладких А. А. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг. // Россия и АТР. 2010. № 1 (67). С. 20–31.
- Грачев А. В., Ципкин Ю. Н. Чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Гродекова, 2014. 168 с.
- Греков А. Ю. Бандитизм на Дальнем Востоке как рецидив Гражданской войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 8 (88). С. 191–196.
- Дорохов В. Ж. Милиция Хабаровского края (1953–1968 гг.). Хабаровск: ДВЮИ, 2008. 188 с.
- Епифанов А. Е., Павленко Е. М. Из опыта борьбы с «политическим бандитизмом» на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 30. № 4. С. 104–109.
- Жадан А. В. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...». Социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943–1945 гг. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 138–151.

11. Жадан А. В. Историко-криминологический анализ условий деятельности милиции Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 205–207.
12. Жадан А. В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2019. 228 с.
13. Милежик А. В., Коровников П. В. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: историографический обзор // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11. С. 88–93.
14. Невский С. А. Борьба с бандитизмом на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (исторический обзор) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 3 (47). С. 112–119.
15. Орнацкая Т. А. Деятельность дальневосточных чекистов по пресечению подрывной работы иностранных спецслужб в 1920–1922 гг. // ВВ: Исторические исследования. 2013. № 3. С. 126–148.
16. Суверов Е. В. Ликвидация бандитизма сотрудниками милиции в 1945–1949 гг. (на примере Алтайского края и Кемеровской области) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). С. 43–47.
17. Ткачева Г. А., Жадан А. В. Социально-экономические детерминанты криминализации приморского общества в 1941–1945 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 94–99.
18. Шабельникова Н. А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. М.: Государственный музей политической истории России. 2018. С. 222–232.
19. Шабельникова Н. А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск: ДВЮИ, 2018. 354 с.
20. Шабельникова Н. А. Наследие гражданской войны: политический бандитизм на Дальнем Востоке России в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность (материалы XXII междунар. науч. Конференции). М.: Общество изучения истории отечественных спецслужб. 2018. С. 113–122.
21. Шатилов С. П. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с политическим бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 26–28.
22. Шелудько В. О. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего (Материалы научно-теоретической конференции). Владивосток: УФСБ России по Приморскому краю. 2003. С. 165–168.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths], St-Petersburg, Piter Publ., 2016, 384 p.
2. Baranova, A. [Russian emigration to Manchuria during the great Patriotic war]. In: *Vojny i voennye konflikty XX v. v sud'bah dal'nevostochnikov. Vypusk 1. Dal'nij Vostok Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Wars and military conflicts of the twentieth century in the fate of the Far East. Vol. 1: The Russian Far East during the Great Patriotic War], Habarovsk, Habarovskij kraevoj muzej im. Grodekova Publ., 2010, pp. 119–125.
3. Blinova, V. *Deyatel'nost' organov NKVD Yuzhnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of departments of People's Commissariat for Internal Affairs of South Ural in days of the Great Patriotic War: abstract for a Candidate of Science thesis in Historical sciences], Orenburg, 2008, 235 p.
4. Buyakov A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti Primor'ya v lichah: 1923–2003 gg. Oчерki. Bibliograficheskij spravochnik* [The state security authorities of Primorye in the people: 1923–2003 and Essays. Bibliographic reference book]. Vladivostok, Russkij ostrov Publ., 2003, 112 p.
5. Gladkih A. [The struggle against banditry in the Russian far East in 1920–1926]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 2010, no. 1 (67), pp. 20–31.

6. Grachev A., Cipkin, Yu. *Chekisty v bor'be za obespechenie gosudarstvennoj bezopasnosti sovetского Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Chekists in the struggle for state security of the Soviet Far East during the great Patriotic war (1941–1945)], Habarovsk, Habarovskij kraevoj muzej im. Grodekova Publ., 2014, 168 p.
7. Grekov A. [Banditry in the far East as a relapse of the Civil war]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2010, no. 8 (88). pp. 191–196.
8. Dorohov V. *Miliciya Habarovskogo kraya (1953–1968 gg.)* [The police of the Khabarovsk territory (1953–1968)], Habarovsk: DVYUI Publ., 2008, 188 p.
9. Epifanov A., Pavlenko E. [From the experience of fighting "political banditry" in the North Caucasus during the great Patriotic war and in the first postwar years]. In: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities], 2015, vol. 30, no. 4, pp. 104–109.
10. Zhadan A. ["According to the data available in the NKVD...". Socio-economic situation and living conditions of the population of Primorsky Krai in 1943–1945]. In: *Istoricheskij arhiv* [Historical archive], 2018, no. 5, pp. 138–151.
11. Zhadan A. [Historical and criminological analysis of the conditions of the police of Primorsky Krai during the great Patriotic war (1941–1945gg.)]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 18, pp. 205–207.
12. Zhadan A. *Organy vnutrennih del Primorskogo kraya v 1941–1945 gg.: istoricheskij opyt organizacii i deyatel'nosti* [Internal Affairs bodies of Primorsky Krai in 1941–1945: historical experience of organization and activity], Habarovsk, RIO DVYUI MVD Rossii Publ., 2019, 228 p.
13. Milezhik A., Korovnikov P. [The fight against banditry in the Russian far East in the 1920s: a historiographical review]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2018, no. 11, pp. 88–93.
14. Nevskij S. [The fight against banditry in the North Caucasus during the great Patriotic war (historical review)]. In: *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2018, no. 3 (47), pp. 112–119.
15. Ornackaya T. [The activities of the Far Eastern chekists to suppress the subversive work of foreign intelligence services in 1920–1922]. In: *NB: Istoricheskie issledovaniya* [NB: Historical research], 2013, no. 3, pp. 126–148.
16. Suverov E. [Elimination of banditry by police officers in 1945–1949 (on the example of Altai Krai and Kemerovo region)]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2015, no. 5 (38), pp. 43–47.
17. Tkacheva G., Zhadan A. [Socio-economic determinants of criminalization of Primorsky Krai society in 1941–1945]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2018, no. 1, pp. 94–99.
18. Shabel'nikova N. [The activities of law enforcement agencies to combat banditry in the Russian far East in the 1920s]. In: *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya* [Political history of Russia: past and present. Historical readings], Moscow, Gosudarstvennyj muzej politicheskoy istorii Rossii Publ., 2018, pp. 222–232.
19. Shabel'nikova N. *Miliciya Dal'nego Vostoka Rossii (1922–1930-e gody): istoricheskij opyt organizacii i deyatel'nosti* [Militia of the Russian Far East (1922–1930): historical experience of organization and activity]. Habarovsk, DVYUI Publ., 2018, 354 p.
20. Shabel'nikova N. [The legacy of the civil war: political banditry in Russia's far East in the 1920s]. In: *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye i zarubezhnye spetssluzhby: istoriya i sovremennost'. materialy XXII mezhdunar. nauch. Konferencii* [Historical readings on the Lubyanka. Domestic and foreign special services: history and modernity: materials of the FIAC int. scientific conferences]. Moscow, Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennyh spetssluzhb Publ., 2018, pp. 113–122.
21. Shatilov S. [Activities of law enforcement agencies to combat political banditry during the great Patriotic war]. In: *Altajskij yuridicheskij vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2016, no. 2 (14), pp. 26–28.
22. Shelud'ko V. [The struggle against banditry in the Russian far East in the early XX century]. In: *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti Primor'ya: vzglyad v proshloe vo imya budushchego: materialy nauchno-*

teoreticheskoj konferencii [Primorye's state security bodies: a look into the past in the name of the future: materials of a scientific and theoretical conference]. Vladivostok, UFSB Rossii po Primorskemu krayu Publ., 2003, pp. 165–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жадан Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России;
E-mail: awzhadan252@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander V. Zhadan – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Tactical, Special, Fire and Physical training, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
E-mail: awzhadan252@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жадан А. В. Реорганизация противодействия бандитизму на Дальнем Востоке в условиях начала Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 150–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-150-160

FOR CITATION

Zhadan A. Reorganization of counteraction to banditry in the Far East at the beginning of the Great Patriotic War (1941–1942). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 150–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-150-160

УДК 94 (470-25)61960/19790

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-161-164

ГЛАВНАЯ ВЫСТАВКА СТРАНЫ – СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Горлов В. Н.*Московский государственный лингвистический университет**119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр.1, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Роль и место Выставки достижений народного хозяйства в Советском Союзе, задачи, стоящие перед построенным выставочным комплексом.

Процедура и методы исследования. Автор рассматривает историю создания главной выставки советской страны, социальную обусловленность архитектурных и градостроительных решений.

Результаты проведенного исследования. В статье рассматривается Выставка как уникальный советский эксперимент, который показывал советским гражданам преимущества социализма. Автор рассматривает Выставку как памятник архитектуры советского периода.

Теоретическая/практическая значимость. Историческая информация о выставке может использоваться в преподавании, популяризации достопримечательностей Москвы, краеведении.

Ключевые слова: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, ВДНХ, советский архитектурный ансамбль, Москва

THE MAIN EXHIBITION OF THE COUNTRY IS A SYMBOL OF THE SOVIET ERA

V. Gorlov*Moscow State Linguistic University**38-1 ul. Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To analyze the role and place of the exhibition of achievements of the national economy in the Soviet Union and the challenges faced in building the exhibition complex.

Methodology and Approach. The author examines the history of the creation of the main exhibition of the Soviet Union, as well as the use of architecture and the built urban environment for social conditioning.

Theoretical and/or Practical Implications. The exhibition was a unique Soviet experiment whose purpose was to illustrate to Soviet citizens the advantages of socialism. The exhibition has essentially now become a monument of the architecture of the Soviet period.

Keywords: agricultural exhibition, architectural complex, pavilion

После революции руководитель государства В. И. Ленин одобрил план строительства новой советской столицы, по которому на месте свалки у Нескучного сада, возле которого находился завод «Бромлей», на берегу Москвы-реки в 1923 г. сооружалась общесоюзная сельскохозяйственная выставка площадью 60 га. Главной идеей выставки считали пропаганду социалистического сельского хозяйства, передовых агротехнических знаний. По поручению выставочного комитета Московское архитектурное общество объявило открытый конкурс. Согласно программе этого конкурса комплекс выставки разбивался на 10 групп, которые состояли из тематических павильонов (жи-

вотноводство, полеводство и т. д.) и павильонов союзных республик.

Особую важность выставки отмечал В. И. Ленин: «Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха»¹. Выставка выполняла важнейшую идеологическую задачу – укрепление союза рабочих и крестьян, организацию связи города с селом. Помимо своих главных функций, выставка играла значительную роль и в благоустройстве большой территории столицы. Не случайно архитектор А. В. Щусев о строительстве первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки говорил: «От постройки выставки Москва, как город, чрезвычайно много выиграет»². Постепенно в те годы складывалась следующая градостроительная концепция: любое крупное сооружение должно «работать» на город.

Всероссийская сельскохозяйственная выставка представляла собой первый крупный пространственно развитый ансамбль, построенный в советской стране после революции. В проектировании и строительстве выставки принимал участие большой коллектив выдающихся советских архитекторов, художников, инженеров: И. Жолтовский, М. Гинзбург, А. Буров, И. Фомин, Н. Колли, К. Мельников, В. Шуко, С. Коненков, В. Мухина и многие другие. Таким именитым коллективом руководил главный архитектор выставки А. Щусев, что гарантировало успех.

Во многом благодаря Щусеву был создан праздничный, замечательный архитектурный ансамбль, который напоминал старинные русские ярмарки с их многоцветьем красок. Огромную роль сыграл содержательно воспринятый авторами проекта социальный заказ – помочь деревне получить необходимые све-

дения по ведению сельского хозяйства. Характерно, что на выставке, помимо этнографически точно выполненных типов крестьянских домов, были представлены образцы улучшенных жилых домов. По сути, это была первая в истории молодой советской архитектуры профессиональная попытка решения проблемы сельского крестьянского жилища.

Прошло десять лет, и в 1932 г. было принято решение об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ). Нужно было показать советскому народу громадные успехи в развитии сельского хозяйства. Возникла проблема создания архитектурного образа ВСХВ. Был объявлен конкурс, который сопровождался бурными спорами представителей разных архитектурных направлений. Перед главным архитектором выставки С. Чернышевым поставили задачу в короткий срок сделать ВСХВ образцом советской архитектуры. Для этого пригласили лучших архитекторов союзных республик. Перед ними была поставлена задача – создать новую классику. В результате, архитекторы, вдохновленные этой идеей разработали оригинальные прочтения ордерной практики.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, открывшаяся в Останкине в 1939 г., буквально ошеломила советских граждан своей монументальностью и нарядностью. Выставка получила самые восторженные отклики и вызвала самый широкий резонанс. Её архитектуру детально рассматривали в периодических изданиях. О выставке снимали кинофильмы, причем не только документальные.

Павильон «Грузия», в котором в 1941 г. снимался эпизод фильма «Свинарка и пастух», был одним из самых шикарных (белоснежные колонны, пальмы в кадках во внутреннем дворе, мандарины в оранжерее). Павильон не мог быть скромным, так как Грузия была родиной И. В. Сталина. Павильон «Москва» отличался своей желтой башней и звездой на макушке. А над главным павильоном возвышалась

¹ Приветствие всероссийской сельскохозяйственной выставке, 14.11.1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 298.

² Щусев А. В. Строительство выставки // Строительная промышленность. 1923. № 2. С. 7.

эмблема выставки – фигуры мужчины и женщины, которые держали над головой сноп. Главный павильон располагался на месте сегодняшнего фонтана «Дружба народов». Кстати, фонтаны до войны представляли собой скромные водоемы. А стали они шикарными, которыми восхищаются все туристы, только в 1950-х гг.

Всемирно известный датский писатель М. Нексе, который посетил ВСНХ в 1939 г., был потрясен архитектурным ансамблем выставки. Он назвал её сказочным городом, дающим гораздо более глубокое представление о человечестве, чем все другие выставки, которые он когда-либо посетил. Выставка действительно служила ярким примером достижений нашего народного хозяйства и была знаменита и любима всей страной. Со всех ее концов ехали на ВСХВ (первое название ВДНХ) передовики производства для того, чтобы продемонстрировать наиболее выдающиеся достижения в сельском хозяйстве. В те годы выставка становится витриной колхозного изобилия и решала гораздо больше задач, чем в неё первоначально закладывалось. ВСХВ становится настоящим городом-садом, который поражал современников архитектурой, белизной и яркостью построек. Это был один из самых грандиозных архитектурных довоенных проектов. В 1939 г. ВСХВ заслуженно была признана лучшим архитектурным объектом десятилетия.

В годы войны территорию выставки использовали для военных нужд. Здесь работала школа разведки и контрразведки, выпускали мотоциклы.

В послевоенные годы архитектурная концепция выставки полностью поменялась. Перед архитекторами поставили новую задачу. Нужно было создать такой образ, который воплотил бы в себе мощь, единство и огромные достижения Советского Союза, который объединил 16 социалистических республик. Для начала изменили архитектуру павильонов выставки. Они стали более богато декорированы и больше по масштабу. Перед

архитекторами была задача представить объемно-планировочное решение выставки как модель идеального государства. Для решения этой задачи главный павильон выставки превратили в ярусное дворцовое сооружение со шпилем, которое было увенчано звездой Героя Труда. За главным павильоном располагалась площадь Колхозов. По периметру этой площади располагались павильоны советских союзных республик, а также центральная аллея, соединяющая площадь Колхозов с площадью Механизации, на которой находились павильоны «Зерно», «Животноводство», «Земледелие», «Совхозы». В результате центральная аллея через площадь Колхозов соединяла две композиционные доминанты – павильон «Механизация» и Главный павильон. Украшением центральной аллеи стали знаменитые фонтаны, из которых самым большим был фонтан «Дружба Народов». Фигуры фонтана символически изображали республики, которых в СССР в 1954 г. было шестнадцать.

В центральных павильонах в интерьерах использовались характерные для регионов виды отделки и народных промыслов. Прекрасные дворики-сады с растениями, представляющими флору республик, краев, областей, были созданы перед каждым павильоном. Настоящим шедевром ландшафтного искусства была зона отдыха выставки. Самые выдающиеся достижения советских республик были собраны на выставке.

Надо напомнить, что, кроме Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г., в Москве открылись Всесоюзная строительная выставка в 1930 г., а в 1955 г. – Всесоюзная промышленная выставка. Постановлением Совета Министров СССР в 1958 г. принимается решение «Об объединении всесоюзных промышленной, сельскохозяйственной и строительной выставок в единую ВДНХ СССР». Так, в 1959 г. открывается Выставка достижений народного хозяйства, которая объединила предыдущие всесо-

юзные выставки. ВДНХ продолжала лучшие традиции советского выставочного дела, заложенные ещё в 1923 г. на Первой Всесоюзной Сельскохозяйственной и Кустарно-Промышленной выставке.

Выдающиеся инженеры, архитекторы, скульпторы, художники приняли участие в разработке генерального плана выставки и в возведении павильонов. Достаточно напомнить имена В. Олтаржевского, Б. Иогансона, А. Дейнеки, М. Сарьяна и др. Архитектурные ансамбли ВДНХ восхищали своей праздничностью. В те годы в направленности архитектуры преобладали идеи пафоса Великой Победы в Великой Отечественной войне. Они выражались в торжественной монументальности сооружений. После конкурса на новое оформление павильонов в 1954 г. был реконструирован и расширен павильон механизации, который отражал пафос индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе 1930-х гг. Он получил название «Космос» и по сравнению с первоначальным приобрел иной, монументный облик. Его художественный образ отразил не только идейное содержание, но и время, когда он создавался.

Таким образом, ВДНХ была уникальным советским экспериментом. На 207 гектаров территории выставки располагались 79 павильонов и ещё более 200 зданий. Выставка представляла собой грандиозную, безупречно функционирующую экспозицию. Огромные масштабы территории выставки должны были отвечать масштабам нашей необъятной страны. Нигде, как на этой выставке, нельзя было так искренне и по-настоящему поверить в идею Советского Союза, в преимущества социализма. ВДНХ стала неотъемлемой частью жизни не только столицы СССР, но и всей страны. Почти каждый советский человек, приезжающий в Москву, обязательно включал ВДНХ в свой маршрут по столице. Это был город мечты, как его называли в советские годы. ВДНХ – это наша история, это музей архитектуры советского периода. Это город-сад, своеобразный город науки и культуры с неповторимым архитектурным ансамблем, который до сих пор остается одной из достопримечательностей столицы.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historical Sciences, Moscow Linguistic State University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Главная выставка страны – символ советской эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 161–164. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-161-164

FOR CITATION

Gorlov V. The main exhibition of the country is a symbol of the Soviet era. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 161–164. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-161-164

УДК 322

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-165-174

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Маргулис С. Б.^{1,2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр.1, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить и описать основные теоретические положения исламской религии, которые путем определенной интерпретации и толкования формируют специфическую систему взглядов и практических установок, лежащих в основе программ действий значительной части исламских радикальных движений.

Процедура и методы исследования. В рамках данной работы автором проанализированы основополагающие религиозные источники мусульманской веры (Коран и Сунна), и варианты их трактовки, предлагаемые сторонниками разных исламских течений.

Результаты проведенного исследования. По итогам исследования автором сделан вывод, что салафиты, с одной стороны, отрицают имеющийся комплекс средств и методов истолкования исламских норм в традиционных школах и призывают к непосредственному обращению к пониманию религиозных предписаний первой мусульманской общины; с другой стороны, в силу специфики существующих источников (Корана и Сунны) и качественного усложнения окружающей социальной среды сами не могут обойтись без их инструментария.

Теоретическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего научного осмысления феномена исламского радикализма.

Ключевые слова: ислам, фундаментализм, радикализм, салафизм

DOCTRINAL FOUNDATIONS IN THE FORMATION OF ISLAMIC FUNDAMENTALISM

S. Margulis^{1,2}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA)
84 Vernadsky prospekt, Moscow 119571, Russian Federation

² Moscow Region State University
24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify and describe the basic theoretical provisions of the Islamic religion, which through a certain interpretation can form a specific system of views and practical attitudes that underlies the political actions and goals of a significant segment of Islamic radical movements.

Methodology. The author analyzes the foundational religious sources of the Muslim faith – the Quran and the Sunnah – and the variants of their interpretation espoused by the supporters of different Islamic sects and groups.

Results. The author concludes that the Salafists deny the traditional interpretation of Islamic norms based on the Quran and Sunnah, and call instead for immediate appeal to understanding the religious instructions of the first Muslim community. However, due to the nature of existing sources (the Quran and Sunnah) and the increasing complexity of the surrounding social environment, Salafists cannot do without these traditional tools.

Theoretical and/or Practical Implications. The results of the study can be useful for further scientific understanding of the phenomenon of Islamic radicalism.

Keywords: religion, Islam, fundamentalism, radicals, Salafists

Последняя треть XX и начало XXI столетия ознаменовались значительными политическими и социально-экономическими переменами в исламском мире. Одним из ключевых компонентов происходящих в мусульманском социуме изменений стал феномен так называемого исламского радикализма, причем в мировом масштабе. На протяжении указанного периода практически во всех зонах распространения исламской религии отмечается массовое возникновение мусульманских религиозно-политических организаций, группировок и сект, продвигающих идею установления подлинного исламского правления в отдельно взятой стране, регионе или мире в целом путем ведения вооруженной борьбы с «неверными и отступниками». Подобные радикальные структуры активно действовали или продолжают действовать в таких регионах, как Центральная Азия и Афганистан («Исламское движение Узбекистана», движение «Талибан»); Южная Азия («Лашкаре-Тайба»); Ближний Восток и Северная Африка (Аль-Каида, «Исламское государство»); Африка южнее Сахары («Боко харам»); Юго-Восточная Азия («Джемаа Исламия») и даже Западная Европа («Джихад», Голландия) и т.д.

Пытаясь дать ответ на вопрос о причинах появления и широкого распространения в исламских обществах со-

временности радикальных практик и методов ведения политической борьбы и подведения под это своеобразной религиозной аргументации, научные и экспертные сообщества Европы, США, стран Ближнего Востока и России за последние годы часто фокусировались на анализе социально-экономических, а также политических [12, с. 78] (как внутренних, так и внешних) условий существования того или иного мусульманского социума как главных предпосылок появления и распространения в нем фундаменталистских идей. При этом рассмотрение теоретических и концептуальных основ идеологии подобных радикальных организаций, базирующиеся на понимании и интерпретации их лидерами ключевых положений ислама часто отходило на второй план. Кроме того, как справедливо отмечает известный российский исламовед Игнатенко, многие исследователи феномена исламского радикализма пользовались инструментарием, выработанным для анализа иной культурно-религиозной среды, прежде всего христианской, что, безусловно, мешало верному пониманию и трактовке теоретических, доктринальных предпосылок формирования указанной идеологии [3]. Кроме того, в ряде научных работ их авторы, справедливо указывая на разнообразие движений и направлений в исламской радикальной

мысли, приходили к неверному выводу относительно отсутствия полноценной теоретической базы, обосновывающий подобные взгляды [6, с. 78]. Представляется, что подобное поверхностное понимание сути исламского радикализма, когда на первый план выходят социально-экономические и иные предпосылки возникновения указанного движения, а фундаментальные теоретические положения, на которых строятся доктрины исламистов, отводятся на второй план как «фрагментарные» и несистемные, лишает исследователя полноценного понимания предпосылок формирования и подлинных причин достаточно широкого распространения подобных идей в последнее время.

Целью настоящей работы является выявление и описание основных, базисных теоретических положений исламской религии, которые путем определенной интерпретации и толкования формируют специфическую систему взглядов и практических установок, лежащих в основе программ действий значительной части исламских радикальных движений. Не углубляясь в детальный анализ идеологических построений и специфики отдельных группировок и партий, мы стараемся рассмотреть лишь фундаментальные религиозные положения ислама, к которым апеллируют радикальные пропагандисты.

Общим местом современных исламских исследований является утверждение о «всеохватном» характере данной религии, которая так или иначе регулирует практически все сферы жизни ее адептов. Нормам и правилам ислама подчиняется не только религиозная сторона жизни верующего (как догматическая, так и бытовая), но и бытовая, а также экономическая и общественная. Таким образом, различные аспекты политической активности мусульман, их отношение к тому или иному государству и политическому режиму также базируются на религиозной составляющей.

Вместе с тем какого-то единого свода законов и правил, детально регламентирующих жизнь отдельного мусульманина, в исламе нет. Базовым нарративом является постулат о необходимости во всех сферах жизни поступать так, как поступил бы пророк Мухаммад, исходя из тех условий, которые имеются в настоящий момент [4]. Однако с учетом качественного усложнения и изменения общественно-политических, хозяйственных и бытовых условий жизни со времен основателя исламской религии до сегодняшнего дня, в исламе естественным образом встает вопрос о необходимости интерпретации тех или иных действий или явлений в качестве допустимых или недопустимых.

Дополнительную трудность в связи с этим вызывает также и тот факт, что основополагающие религиозные источники мусульманской веры – Коран и Сунна – также не являются кодифицированными сборниками конкретных норм и не только не решают всех проблем, возникающих перед общиной и отдельными ее членами в повседневной, в том числе политической жизни, но подчас являются дополнительным источником ряда спорных моментов. Так, например, «готовые правила поведения» отражены лишь в примерно 300 стихах Корана и в около 500 хадисах [11, с. 12]. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что, например, некоторые положения Корана при их буквальном толковании представляются как противоречащие друг другу. Для иллюстрации можно привести ряд отрывков, затрагивающих политическую сферу и посвященных взаимоотношению мусульман с представителями иных религий. Так, в главе 2 «Корова», стихе 256 сказано: «Нет принуждения в религии – праведный путь истину легко отличим от заблуждения»¹. В то же время в главе 9

¹ Здесь и далее цит. по изд.: Священный Коран / Подготовил Маулана Мухаммад Али, перевод на русский язык подготовил д-р Александр Садецкий. Колумбус: Ахмадийя Анжуман Ишаат Ислам

(«Освобождение» \ «Покаяние») стихе говорится следующее: «А когда пройдут священные месяцы, убивайте идолопоклонников, где бы вы их не нашли, берите их в плен, осаждайте их, устраивайте на них засады» (стих 5).

Необходимость комплексной и единообразной интерпретации всех возникающих проблемных моментов подтолкнула отдельных представителей исламской богословской и неразрывно связанной с ней правовой мысли начать выработку определенных подходов к пониманию священных текстов и других источников религии, что впоследствии вылилось в формирование целого ряда религиозно-правовых школ внутри ислама. С учетом отсутствия единой духовной иерархии, как, например, в христианской церкви, а также единого центра принятия решений по религиозным вопросам, который (по аналогии со Вселенскими соборами в христианстве) мог бы санкционировать верность или недопустимость той или иной трактовки и понимания норм ислама, религиозно-правовая мысль в рамках отдельных школ и направлений развивалась независимо.

В результате указанного процесса сложились различные взгляды на интерпретацию отдельных положений Корана и Сунны, в том числе затрагивающих вопросы отношения к иноверцам, необходимости и допустимости вооруженной борьбы и т. д. При этом, несмотря на то что все подобные школы и группы считают свое понимание религии и вытекающих из нее правовых и иных положений единственно верным, с точки зрения независимого наблюдателя, нельзя однозначно говорить об ошибочности тех или иных установок – по сути дела все указанные идеологические построения, в том числе и те, которые характеризуются как радикальные и фундаменталистские, находятся в рамках единого мусульманского правового поля.

Интересно, что подобная поливариантность трактовок религиозных поло-

жений и постоянного появления новых ответвлений и «сект» по сути дела является одним из положений Сунны (на что обращали внимание некоторые отечественные исследователи) [3]. Так, в одном из известных хадисов основатель ислама говорит следующее: «Раскололись иудеи на 71 секту. И раскололись назреяне на 72 секты. И расколется моя умма на 73 секты» [3]. (На указанный хадис, в частности, ссылается один из наиболее авторитетных авторов в среде исламских фундаменталистов Ибн-Таймийя). Исламское законотворчество, таким образом, по справедливому утверждению известного американского ученого Й. Шахта, представляет собой «крайний пример права юристов», которое развивается независимо специалистами [15, р. 13].

В настоящее время в рамках суннитского ислама выделяют ряд основных правовых школ (мазхабов) [5], наиболее влиятельными и распространенными среди которых являются: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. В рамках шиизма обычно выделяют джафаритский, зайдитский и исмаилитский мазхабы. Указанные школы, признавая базовыми источниками мусульманского права Коран и Сунну, а также единодушное мнение ведущих правоведов (иджма) и выведение суждений по аналогии (кьяс), различаются в применение вторичных источников (в случае если выработать решение или найти ответ на спорный вопрос на основе лишь базовых источников не представляется возможным). Выведение общих норм и правил поведения по спорным вопросам получила название иджтихад. Зародившись в первые века существования ислама, религиозно-правовые школы прошли естественный путь развития и своего, и, в частности, своих доктрин, в том числе с учетом усложнения общественно-политических институтов, что неизбежно приводило к появлению все большей «правовой надстройки», в сравнении с изначальным объемом первичных ис-

Лахор Инк., 1997. 604 с.

точников мусульманского права, прежде всего Корана и Сунны.

Такое положение дел естественным образом порождало сомнение у ряда «наиболее ревностных» представителей исламского социума относительно того, не являются ли эти «наслоения» нововведениями (бид'а), искажающими религиозные положения и уводящими мусульманскую общину от следования истинным заветам своего основателя. Наиболее опасными нововведениями, искажающими фундаментальный для ислама принцип единобожия, по мнению представителей указанного течения, являются мистицизм и во многом связанный с ним культ святых, аскетизм (в его преимущественно суфийском понимании), попытку объяснить догмы ислама, прежде всего, касающиеся понимания Бога и его взаимоотношения с миром, с помощью привлечения инструментария античной философии и т. д. [8, с. 114].

Отсюда появляется идея о необходимости так называемого очищения или обновления исламского религиозно-правового учения. При этом необходимость подобного «возвращения к истокам веры» находит свое основание в Сунне. В частности, в одном из хадисов Мухаммад говорит: «В начале каждого столетия Бог посылает того, кто обновляет этой общине дело ее веры». Важно при этом понимать, что слово «обновление» здесь трактуется именно как возвращение к истокам веры, к очищению ислама от искажающих его положений. Таким образом, фундаментализм как явление в исламе не является чем-то принципиально новым. Для приверженцев «обновления» ислама и возврата к истокам религии, то есть к тому пониманию основ и принципов вероучения, которое было во времена Мухаммада и его сподвижников (первых трех поколений) [9, с. 158], то есть к периоду так называемых «праведных предков» (ас-салаф ас-салихун), – отсюда проистекает еще одно название указанного движения – салафизм.

Салафиты стремятся к максимальному отказу от накопившихся, по их мнению, ошибочных и искажающих божественное откровение интерпретаций. Согласно данной логике Коран и Сунна рассматриваются как некий свод норм, правил и рекомендаций, толкование которых должно быть практически всегда прямым. Основатель ханбалитского мазхаба Ахмед Ибн Ханбал (780–850 гг.) считал, что лучше опираться на слабые хадисы, нежели на кьяс [6, с. 35].

Верность указанной позиции обосновывается «очистителями ислама» тем, что божественное откровение и так является ясным и понятным, не нуждающимся в интерпретации и каком-либо критическом осмыслении и толковании. Косвенно этому есть подтверждение и в самом Коране, ниспосланном на «ясном арабском языке» (глава 16 «Пчела» стих 103; глава 43 «Золото» стих 3; глава 26 «Поэты» стих 195; глава 12 «Иосиф» стих 2).

Основная угроза «чистому исламу», с точки зрения приверженцев подобного подхода, состоит в допущении аллегорического или же, напротив, чрезмерно рационального понимания и истолкования священных текстов. Человеческий разум, с точки зрения идеологов салафизма, не способен во всем объеме постичь божественный замысел, а значит, попытка рационалистического толкования и объяснения норм ислама, а тем более применение основанных на человеческом разуме методов по выведению новых правовых норм неизбежно приводит к появлению искажающих религию нововведений и отдаляет мусульманскую общину от первоначального (истинного понимания) смысла указанных норм и текстов.

Значимой причиной популярности подобных идей, в том числе и на сегодняшний день, является феномен так называемой «трансматхабности» салафитских идей [4], которые в силу своей специфики жестко не привязаны к какой-то определенной религиозно-правовой

школе (даже несмотря на то, что чаще всего распространение указанной идеологии ассоциируется с наиболее строгим в плане толкования священных текстов ханбалитским мазхабом). Салафитские проповедники обращаются с призывом об очищении ислама и отказу от всех наслоений и нововведений прошлых лет, как бы минуя период основания мазхабов, так как призывают к возвращению непосредственно к образу жизни мусульманской общины времен Мухаммада и его сподвижников (когда никаких религиозно-правовых школ в их современном виде еще не существовало в принципе). Этим фактом, в частности, объясняется, что в разные периоды салафитская идеология получила распространения как на Северном Кавказе (где преимущественно доминирует шафиитский мазхаб), так и в Центрально-Азиатском регионе, в котором наибольшей популярностью пользуется ханафитская школа мусульманского права.

Однако следует отметить, что сами приверженцы салафитской концепции буквального толкования исламских норм не могут в полной мере ей следовать. Как уже было отмечено выше, Коран и Сунна не являются кодифицированными актами по всей совокупности отраслей права, регулируемыми основные сферы общественных отношений, но задают лишь отдельные нормы и нарративы поведения мусульманина в той или иной ситуации. Кроме того, в самом Коране имеется целый ряд стихов, которые в случае их буквального толкования противоречат друг другу. Для того, чтобы решить эту проблему салафиты так или иначе вынуждены прибегать к рациональным (человеческим) методам осмысления и анализа данных положений.

Так, например, салафитскими идеологами применяются, в том числе такие методы иджитхада, как выяснение причин ниспослания того или иного отрывка Корана (асбаб ан-нузуль), а также сравнение более ранних и более поздних отрывков

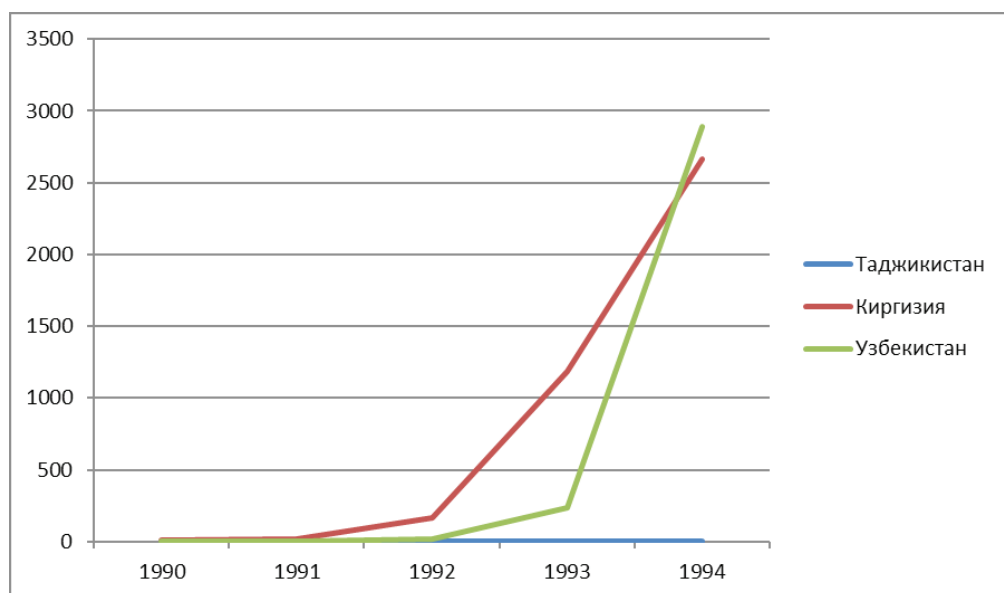
на предмет отнесения их к отменным (насих) или отменяющим (мансукх), с соответствующими выводами о допустимости или невозможности их применения в каждом конкретном случае. Последний прием наиболее часто используется при выстраивании салафитской концепции вооруженной борьбы с неверными (джихада) и его обязанности для каждого мусульманина. Наиболее «категоричные» положения о джихаде встречаются в кораническом тексте в главах, относящихся к так называемому мединскому периоду (которые были ниспосланы в период пребывания Мухаммада в Медине) и более поздних по времени, что позволяет отнести их к категории отменяющих более ранние аяты мекканского периода, значительная часть которых в вопросах джихада носит гораздо более сдержанный характер.

Помимо этого, современные представители салафизма подчас самостоятельно не проводят вышеуказанную работу по выяснению смысла имеющихся и выведения новых правовых норм в соответствии с требованиями «чистого ислама», а обращаются к наследию их единомышленников предшествующих эпох.

Для иллюстрации: обосновывая необходимость вооруженной борьбы не только с неверными, но и с теми мусульманскими правителями, которые искажают веру и отступают от истинного смысла религии, салафиты обращаются к трудам известного средневекового правоведа Ибн Таймийи и его многочисленным фетвам, например, «Против татар». Кроме того, они продолжают использовать и старинную концепцию деления мира на дар аль-ислам (земля ислама), где правит мусульманский правитель и соблюдают законы шариата, и дар аль-харб (земля войны), территория, находящаяся в состоянии войны со сторонниками чистого ислама, и дар ас-сулх (земля договора) т. е. земли, населенные представителями иных конфессий (иудеи и христиане), заключившие с мусульманами мир [2, с. 40].

Что же касается социально-экономических факторов, то о них также целесообразно сказать несколько слов. На них, например, в своих трудах фокусируют внимание норвежский исследователь Атл Месёу (*Atle Mesuuy*) [14, р. 1] и узбекский религиовед Бахтияр Бабаджанов [1, с. 113]. Неблагоприятная экономическая обстановка, низкие заработные платы, безработица, всеобъемлющая коррупция, слабая социальная защищенность граждан и т.д. создают предпосылки для распространения радикальных идей.

Влияние данных факторов целесообразно рассмотреть на примере государств постсоветской Центральной Азии. Крайне тяжелая социально-экономическая ситуация, низкий уровень жизни (рис.) и тотальная коррупция в странах региона в 1990-е гг. приводили к тому, что многие отчаявшиеся люди находили опору в религии и нередко попадали под влияние радикальных исламистов. Аналогичное явление также можно наблюдать и на Ближнем Востоке.

Ист.: по данным Всемирного банка¹

Рис. / Fig. ВВП на душу населения в текущих ценах в республиках ЦА за 1990–1994 гг., долл. США / GDP per capita at current prices in the republics of Central Asia for 1990–1994, US\$

Кроме того, в странах региона, как и в целом на постсоветском пространстве, наблюдался существенный уровень инфляции, которая в Таджикистане и Узбекистане в 1993 г., по данным Всемирного банка, превысила 1000% и оставалась на уровне выше 50% фактически до конца 90-х гг.²

Существенное ухудшение обстановки наблюдалось как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Например, в Таджикистане и Киргизии уровень промышленного производства упал до 40% и 52% соответственно от объемов 1991 г. [7].

Именно в тяжелый период 1990-х гг. отмечается наибольшая активизация деятельности исламистов в регионе. Были созданы такие группировки, как «Тов-

¹ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CN?end=1994&locations=UZ-KG-TJ&start=1990&type=points&view=chart>

² [https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?end=1999&locations=TJ-UZ-BE-](https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?end=1999&locations=TJ-UZ-BE-KG&start=1989&view=chart)

[KG&start=1989&view=chart](https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?end=1999&locations=TJ-UZ-BE-KG&start=1989&view=chart)

ба» (Покаяние) и «Адолат» (Справедливость), вошедшие позднее в состав Исламского движения Узбекистана, Партия исламского возрождения Таджикистана, а также в ЦА стали проникать международные экстремистские группировки в т. ч. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Во второй половине 2000-х гг., когда наметилось явное улучшение социально-экономической ситуации, снизилась и активность фундаменталистов, что подтверждает тезис о взаимосвязи радикального ислама с качеством жизни населения. При этом некоторые эксперты пытаются это положение опровергнуть. В частности, британские исследователи пишут, что по результатам опросов, проводимых среди мусульманского населения, только 2,4% людей выразили определенную симпатию к насильственным протестам и террористическим актам [13].

Подводя итог, можно констатировать, что салафиты, с одной стороны, отрицают имеющийся комплекс средств и методов

истолкования исламских норм в традиционных школах и призывают к непосредственному обращению к пониманию религиозных предписаний первой мусульманской общины, с другой стороны, в силу специфики имеющихся источников (Корана и Сунны) и качественного усложнения окружающей социальной среды, сами не могут обойтись без инструментария традиционных школ. В итоге речь идет не о слепом следовании правилам жизни пророка и его сподвижников, а о специфическом их понимании и истолковании, в том числе с опорой на живших ранее ученых и проводников. Салафитская идеология, таким образом, сама представляет определенную религиозно-правовую систему, базирующуюся на специфическом толковании и понимании священных текстов ислама, базирующая, в том числе, на значительном историческом наследии богословов предшествующих эпох.

Статья поступила в редакцию 15.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаджанов Б. «Исламское движение Узбекистана»: джихад как идеология «изгоев» // Россия и мусульманский мир. 2010. № 3. С. 105–125.
2. Демиденко С. В. Халифат как мера всех вещей: к вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 34–59.
3. Игнатенко А. А. Расколотая умма в ожидании Судного дня (новый взгляд со старых позиций) // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 28–52.
4. Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе // Игнатенко А. А. Ислам и политика: сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. С. 8–39.
5. Исламское право и международное гуманитарное право, 21.08.2018 [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/islamskoe-pravo-i-mgr> (дата обращения: 14.10.2019).
6. Канаев Е. А., Демиденко С. В. ИГИЛ в Юго-Восточной Азии в современной американской политике // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 33–53.
7. Комаров В. В. Инвестиции в странах Центральной Азии и Закавказья [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5 (11). – URL: https://ca-c.org/journal/2000/journal_rus/sac11_2000/19.komar.shtml (дата обращения 10.10.2019).
8. Маточкина А. И. Обращение к идеям Ибн Таймийи в новое и новейшее время // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 2. С. 111–119.
9. Подцероб А. Б. Политический ислам и современность // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 3. С. 155–160.
10. Семедов С. А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Социология власти. 2009. № 7. С. 77–86.
11. Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Институт государства и права РАН, 1997. 46 с.

12. Шераев И. С. Ислам в политическом дискурсе: концепты, стереотипы, радикализм. Казань: БуК, 2017. 78 с.
13. Bhui K., Warfa N., Jones E. Is Violent Radicalisation Associated with Poverty, Migration, Poor Self-Reported Health and Common Mental Disorders? // PLoS One journal. 2014. Vol. 9. Iss. 3. P. 1–10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3944722>.
14. Mesøy A. Poverty and Radicalisation into violent extremism: a causal link? // NOREF Expert Analysis. 2013. Jan. P. 1–6.
15. Schact J. Introduction au Droit Musulman. Paris: Éditions Maisonneuve et Larose, 1983. 252 p.

REFERENCES

1. Babadzhanov B. ["Islamic Movement of Uzbekistan": jihad as an ideology of "outcasts"]. In: *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world], 2010, no. 3, pp. 105–125.
2. Demidenko S. [Caliphate as a measure of all things: to the question of studying the theory of international relations through the prism of Islamic religious tradition]. In: *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Actual Problems of Europe], 2017, no. 1, pp. 34–59.
3. Ignatenko A. [The split Ummah awaiting the Day of Judgment (a new look from the old position)]. In: *Otechestvennyye zapiski* [Domestic Notes], 2003, no. 5 (14), pp. 28–52.
4. Ignatenko A. [Endogenous radicalism in Islam]. In: *Ignatenko A. Islam i politika: sbornik statey* [Islam and politics: a collection of articles]. Moscow, Institut religii i politiki Publ., 2004, pp. 8–39.
5. [Islamic law and international humanitarian law, 08.21.2018]. In: [International Committee of the Red Cross]. Available: <https://www.icrc.org/ru/document/islamskoe-pravo-i-mgp> (accessed: 10/14/2019).
6. Kanaev E., Demidenko S. [ISIS in Southeast Asia in modern American politics]. In: *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya* [Southeast Asia: actual problems of development], 2015, no. 29, pp. 33–53.
7. Komarov V. [Investments in the countries of Central Asia and the Caucasus]. In: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2000, no. 5 (11). Available: https://ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/19.komar.shtml (accessed 10.10.2019).
8. Matochkina A. [Appeal to the ideas of Ibn Taimiyi in modern and modern times]. In: *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 2013, vol. 155, iss. 3, part 2, pp. 111–119.
9. Podtserob A. [Political Islam and Modernity]. In: *Vestnik instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 3, pp. 155–160.
10. Semedov S. [Islamic radicalism in the modern world: the essence and causes of occurrence]. In: *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2009, no. 7, pp. 77–86.
11. Sukiyaynen L. *Shariat i musul'mansko-pravovaya kul'tura* [Sharia and Muslim-legal culture]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 46 p.
12. Shegaev I. *Islam v politicheskom diskurse: kontsepty, stereotipy, radikalizm* [Islam in political discourse: concepts, stereotypes, radicalism], Kazan, Buk Publ., 2017. 78 p.
13. Bhui K., Warfa N., Jones E. Is Violent Radicalisation Associated with Poverty, Migration, Poor Self-Reported Health and Common Mental Disorders? In: *PLoS One journal*, 2014, vol. 9, iss. 3, pp. 1–10. Available: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3944722/>
14. Mesøy A. Poverty and Radicalisation into violent extremism: a causal link? In: *NOREF Expert Analysis*, 2013 (Jan.), pp. 1–6.
15. Schact J. *Introduction au Droit Musulman* [Introduction to Muslim Law]. Paris, Éditions Maisonneuve et Larose Publ., 1983. 252 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маргулис Сергей Борисович – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: sergeimargulis@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei B. Margulis – Postgraduate Student, Department of New and Modern History and Methodology, Moscow Region State University; Lecturer, Department of International Policy and Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: sergeimargulis@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маргулис С. Б. Доктринальные основы формирования исламского фундаментализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 165–174.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-165-174

FOR CITATION

Margulis S. Doctrinal foundations in the formation of Islamic fundamentalism. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 165–174.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-165-174

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в Интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. С. Барминова, Marian Ryan
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 13,25, усл. п.л. 11.

Подписано в печать: 30.06.2020. Выход в свет: 10.07.2020. Заказ № 2020/06-07.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А